АНДРЕЙ
ПЛЕХАНОВ
БЕССМЕРТНЫЙ МЯТЕЖНИК
ИНКВИЗИЦИЯ XX

Андрей Вячеславович Плеханов

Бессмертный мятежник

Серия «Демид», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161867

Аннотация

Демид Коробов, кандидат биологических наук, вовсе не собирался становиться борцом с Духами Тьмы, которые регулярно прорываются в наш мир из другой вселенной и вселяются в человеческие тела, превращая своих жертв в великих злодеев, колдунов, маньяков и убийц. Однако его никто не спросил. Мятежный дух Ан-Тирита проникает в его сознание, и с этого момента Демид превращается в истребителя сверхъестественных тварей.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 4
ГЛАВА 1 4
ГЛАВА 2 12
ГЛАВА 3 23
ГЛАВА 4 40
ГЛАВА 5 58
ГЛАВА 6 73
ГЛАВА 7 87
ГЛАВА 8 109
ГЛАВА 9 119
ГЛАВА 10 145
ГЛАВА 11. 160
ГЛАВА 12. 172
ГЛАВА 13. 182
ГЛАВА 14. 199
ГЛАВА 15. 221
ГЛАВА 16. 237
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 254
ГЛАВА 1. 254
ГЛАВА 2. 260
ГЛАВА 3. 275
ГЛАВА 4. 284
Конец ознакомительного фрагмента. 294

Андрей Плеханов
Бессмертный мятежник
(Демид-1)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧУЖАЯ ИГРА

ГЛАВА 1

Демид бежал по обочине, облачка бурой пыли вылетали из-под его ног. Дорога поднималась в гору и грузовики нещадно газовали, обдавая Дему смесью сизого дыма и угарного газа. Выхлопы низкосортной солярки лениво растворялись в воздухе.

"Хээй-сё! Хээй-сё!" Вдох-выдох, вдох-выдох.

Это называется утренняя пробежка. Полный букет всяких гадостей.

Демид не думал об этом. Он не думал ни о чем, он медитировал на бегу, голова его была благодатно пустой. Два километра по вонючей дороге – не самое страшное испытание в жизни. А потом – поворот с шоссе в поле, мягкая, друже-

ственная тропинка среди юной пшеницы. Зеленая лента реки, прохладная вода, рыбы, снующие в глубине…

Демид шарахнулся в сторону и едва не полетел на землю. Астматический звук мотора рявкнул у самого уха. Грязно-белый жигуленок пролетел в десяти сантиметрах от Демида, бампер его мотался из стороны в сторону, чудом удерживаясь на ободранной заднице машины.

– Урод! – Дема сплюнул под ноги. – Чтоб ты заглох!

Жигуль обиженно чихнул, дернулся и встал на обочине.

Дема пошлепал дальше – мимо злополучной машины. Хэ-эй-сё! Хээй-сё… Солнышко начинало припекать все сильнее.

– Excuse me! [1] – крикнули вдруг ему в спину. Тонкий такой голосочек, жалобный.

Дема резко затормозил и оглянулся. Машина сиротливо стояла на обочине – "пятерка" с подбитым правым глазом, безутешная и неухоженная. Из окна машины высовывалась юная белобрысая голова.

"Хлопчик. Осваивает папину машину втайне от предка, – подумал Демид. – Сейчас станет просить помощи. Дяденька, толкните машинку. Папка ругаться будет. Будет, сыночек, обязательно будет! Сейчас фингал под глазом тебе нарисую, чтоб не пугал мирных спортсменов…"

Демид пошел к машине. Не спеша, пытаясь придать себе строгий вид. Злости почему-то не было.

---

[1] Извините! (англ.)

За рулем сидела девчонка.

Симпатичная девчонка, между прочим. Весьма симпатичная и изрядно перепуганная.

– Зачем глохнем? – поинтересовался Демид.

– Help me, please. I don't speak russian. [2]

Демид хмыкнул, озадаченно качнул головой.

«Помоги ей… Хорош из меня помощничек! Гол, как папуас… – Из одежды на Деме присутствовали лишь красные спортивные трусы с надписью "Крылья Советов". – Стало быть, мы имеем здесь иностранную девочку на задрипанном Жигуле. Забавно… Притворяется? Или в самом деле? Не станет наш человек в такой ситуации просить помощи по-английски – не поймут. Стало быть, человек не наш…» – Демид вытер рукой пот со лба, лихорадочно вспоминая какую-либо фразу на английском.

– Do you speak English? [3]

– Ye! I really don't know what to do. This damned car… I hate this! It stalls all the time! Something is wrong with the ignition. How can I get in touch with the service station? [4]

"Затараторила! Сервис стэйшен ей нужен. Как тебя занесло сюда, дорогуша?"

---

[2] Помогите мне, пожалуйста. Я не говорю по-русски. (англ.)

[3] Вы говорите по-английски? (англ.)

[4] Да! Просто не знаю: что делать. Эта проклятая машина… Ненавижу ее! Она все время глохнет. Что-то случилось с зажиганием. Со станцией автосервиса можно как-нибудь связаться? (англ.)

– Excuse me. I am Demid, the best runner and the worst mechanic in this village. [5]

– Oh, I'm sorry! I am Jane. Sorry, but I'm really afraid. I can pay you. I am an American…[6]

"Бр-р-р. Мозги-то ведь не железные". Демид уже начал забывать английский, и быстрая речь девушки сливалась для него в непрерывное "хаумачтаймвиллзэрипэатэйк".

– Don't hurry, Jane. My English is bad, I hardly understand you. So let's try to fix your little car.[7]

Порозовела, улыбнулась в первый раз. Пора уже, американцы должны улыбаться все время, показывать свои белые зубы, иначе сразу становятся похожими на нас, русских – кривых и мрачных с бодуна.

Девчонка подвинулась на правое кресло, Демид плюхнулся за руль. Поерзал на сиденье, пощелкал по приборной панели, провел пальцем по пыльному стеклу спидометра.

"Машинка едва живая, а ведь не старая! Трех лет ей еще не будет. Убили тебя, жигуль мой ненаглядный, безо всякой жалости, без скидки на российские дороги. Угробили проклятые иностранцы. Ну правильно, чего жалеть! Небось, денег куры не клюют".

---

[5] Извините. Я – Демид, лучший бегун и худший механик в этой деревне (англ.)

[6] Ой, простите! Я – Джейн. Извините, я на самом деле испугалась. Я могу вам заплатить. Я американка… (англ.)

[7] Не спеши, Джейн. Мой английский плох, я с трудом тебя понимаю. Давай попробуем починить твою машинку (англ.)

Демид попытался понять, о чем думает американка, но вникнуть в ее беспорядочные мысли оказалось для него задачей непосильной. Думала она не на русском языке. Деме еще не приходилось лазить в мысли иностранцев.

Демид повернул ключ. Загорелась лампа зажигания, но мотор хранил угрюмое молчание. Минуту Дема щелкал ключом, пытаясь вызвать хоть каплю жизни в механическом трупе.

"Стартер сдох. – Демид представил себе обугленные щетки, подгоревший коллектор – все в саже и маслянистом дерьме. – Безнадега. Надо лезть под капот".

– I think the starter is faulty, – сообщил он. – Do you have the starting handle? Wrenchs? Tools? [8]

– I'm afraid not. I left them at home.[9]

– Ну и дура! – сказал Демид – по-русски, громко и раздраженно.

Он вынул бесполезный ключ из гнезда и попытался вспомнить нечто важное. Ага… Машина встала, когда он пожелал ей заглохнуть. Было ли это случайностью?

Демид знал, что иногда может контролировать действия людей, мысленно заставляя их выполнять свои приказы. Он не был в восторге от такой своей ненормальной способности, но факт оставался фактом. Иногда он понимал, о чем думают

---

[8] Похоже, стартер барахлит. У тебя есть ручка для завода машины? Ключи? Инструменты? (англ.)

[9] Боюсь, что нет. Я оставила их дома. (англ.)

люди, окружающие его – не читал мысли, но вдруг начинал ощущать, что творится в чужой голове.

Приказать машине? Такое ему и в голову не приходило. Наверное, проще было попытаться завести машину с толчка, или, на худой конец, прицепить жигуленок к какому-нибудь грузовику – до города было не так уж и далеко. Но Демид сидел и молчал. Пытался вспомнить свои ощущения, когда заставил машину заглохнуть.

"Нет, ничего не помню. Ничего… Эй, стартер, слышишь меня? Заводись! Крутись, подлец! Вращайся".

Демид стиснул зубы, напрягся, мысленно пытаясь провернуть стартер. Боль отозвалась резким толчком в затылке. Никакой реакции. Двигатель молчал.

Дема закрыл глаза и расслабился, кулаки его разжались. Он перестал воспринимать машину как механическое существо, сборище соединенных между собой шестеренок, шлангов и болтов, увидел нечто похожее на душу автомобиля. Жигуль чувствовал себя сейчас как пятилетний ребенок, обиженный на маму, отшлепавшую его за разорванные штаны.

– Ну, что ты, малыш, – сказал Демид. – Прости свою глупую хозяйку. Она такой же ребенок, как ты.

Дема погладил руль, пластмассовая поверхность его была теплой и гладкой.

Стартер заработал звонко и спокойно. В голосе его слышалось: "Я самый исправный стартер на свете, похвалите ме-

ня, пожалуйста!".

Демид нажал на педаль газа, мотор чихнул и уверенно набрал обороты. Дема открыл глаза – американка вытаращилась на него с изумлением и испугом. Удивляться было чему – Демид забыл вставить ключ зажигания в гнездо. Двигатель работал и без этого.

– Спокойно, – пробормотал Демид и вернул ключ на место.

Теплая рука девушки опустилась на его колено.

– Oh, how did you cope? [10]– Джейн смотрела на него, как на волшебника.

– That's a kind of magic.[11]

– Sorry, I was too much trouble for your. Thank you for all you've done for me. I don't know what to do for you. Maybe…[12]

– Слушай, говори по-русски, а? Это будет самым большим подарком. Понимайт?

– Нье понимаю, – неожиданно сказала девушка. – Плохо знаю русски. Извиньите. Sorry.

"Ах ты глупышка! – Дема растрогался. – Надо же, русского языка не знает!"

– Jane, you must go. You are wonderful girl, but I think this

---

[10] О, как у вас это получается?(англ.)

[11] Это волшебство такое. (англ.) – Фраза из кинофильма "Горец".

[12] Извините, я доставила вам столько хлопот. Спасибо за все, что вы для меня сделали. Даже не знаю, как вас вас отблагодарить. Может быть… (англ.)

place is not suitable for communication. Goandgoodluck![13]

– Thank you very much, Demid! Where can I meet you? I'd like to present you something for a keepsake. [14]

– Here is my telephone number, – улыбнулся Дема и написал ручкой номер на ладошке девушки. – Well, don't hate your car. I think, it is very miserable creature! Good bye! [15]

Он вылез из машины и побежал дальше. Не оглядываясь.

---

[13] Джейн, тебе надо ехать. Ты замечательная девушка, но мне кажется, что это место не очень-то подходит для разговора. Поезжай и всего хорошего!(англ.)

[14] Спасибо вам огромное, Демид! Как вас найти? Я бы хотела подарить вам кое-что на память.(англ.)

[15] Вот мой телефон. Да, зря ты ненавидишь свою машину. Мне кажется, это очень несчастное создание. (англ.)

ГЛАВА 2

– Подъем! – громко скомандовал Демид.

Было уже одиннадцать часов утра, а он все еще сидел на диване, положив ноги на табуретку, и никак не мог заставить себя вымыть посуду после завтрака. Честно говоря, тарелки были не мыты также и с ужина. Посуда уныло кисла, сгрудившись жирными фаянсовыми блинами в раковине и на кухонном подоконнике. Это был своеобразный запой, хотя не водка, а лень и слабовольность правили бал в маленькой квартирке Демида.

Так начинался каждый отпуск Демы, если он только не уезжал немедленно из дома. Обычно жизнь его была расписана по минутам и он не позволял себе расслабиться. Вечный цейтнот – вот что было уделом Демы. И мечты его носили некий отвлеченно-утопический характер: "Господи, дожить бы до отпуска! Клянусь, я не буду более думать о работе, я сделаю все то, что задолжал своим друзьям и себе самому". И список неотложных дел давно уже был составлен, и на первом месте, конечно, стояли дела самые приятные и милые сердцу, и ничто не препятствовало наконец предаться долгожданному действу

(С чего начать? Открыть учебник китайского языка и вглядываться в хитрые закорючки до белых пятен в глазах? Позвонить Лариске – сказать, что виноват и приглашаю

ее на ужин при свечах? Чертыхаясь готовить курицу мыть пол целовать ручку пить сухое вино и чувствовать что все это не то не то не то… Повесить полку в ванной? Долбить дурацкую стенку дрелью ввинчивать шурупы хряснуть кривую полку молотком чтоб она разлетелась на тысячу кривых осколков…)

Увы, увы, увы… Все эти дела не требовали принуждения. Они были лекарством для души и нуждались во вдохновении. А вдохновение не приходило… Демид третий день лежал кверх пузом на диване, читал кретинский детектив и не понимал, что в нем происходит.

Дема медленно, как во сне, опустил правую ногу и поставил ее на пол. Нога не выражала особого желания идти куда-то, глядела на хозяина с немым укором: "Послушай, мужик, оставь меня в покое. Если я к тебе приделана, это не значит, что ты можешь заставлять меня делать все, что тебе заблагорассудится. Положи меня обратно и считай, что меня вообще нет. Я тоже в отпуске".

– Ну-ну, не балуй, – лениво сказал Демид.

Господи, да что же это такое! Неужели никто о нем так и не вспомнит? Небось, когда он занят так, что дым из ушей валит, всякие там друзья просто покою не дают, всем почему-то до зарезу нужен Демочка, и немедленно! А теперь, когда он сражен острым приступом хандры и лени, когда нет сил доползти до телефона, ни одна собака не позвонит. Лежи и помирай тут с голоду.

Телефон зазвонил.

– Перестань ты звонить, гад! Подушкой, что ли, в тебя запустить? Звонют и звонют, не дают человеку отдохнуть… Сейчас в гости напросятся, уборку делать придется…

Так бормотал Демид Петрович Коробов, вялой трусцой продвигаясь к телефону.

– Будьте добры, позовите пожалуйста господина Коробова, если вас не затруднит, – сказал в трубке незнакомый мужской баритон. Акцент выдавал иностранца.

"Хорошая школа, – подумал Демид. – Не то что мои други: "А? Дем, ты что ль? Чо?" Здороваться его научили".

– Да, это я.

– Доброе утро, господин Коробов. Разрешите представить себя: Энтони Рейнхарт, сотрудник предприятия "Эджоу Вуд". Я беспокою вас по конфиденциальной просьбе господина Ника Эджоу, исполнительного директора компании. Вы были добры оказать услугу его дочери Джейн три дня назад…

– Я понял, о чем речь, господин Рейнхарт. Это вы о симпатичной девушке, которая катается по России без комплекта гаечных ключей? Что же вы ее так отпускаете? Это не игрушки. У нас так нельзя. Передайте господину… папе, чтобы купил ей инструменты, шофера и двух телохранителей. Да и машину ей дайте получше. Это же не машина, это гроб с музыкой. Она, пардон, на ходу разваливается!

– Видите ли, в чем дело, господин Коробов. Джейн Эджоу

не представляет в России бизнес своего отца, а занимается исследованиями, занимающими ее собственный интерес. В связи с этим возникают определенные трудности в э-э… контролировании процесса ее передвижений.

"Дело понятное, – подумал Демид. – Попробуй, уследи за такой симпампулькой. Да еще и богатой, оказывается".

– Господин Коробов, – продолжал меж тем голос в трубке. – Мистер Эджоу приносит свои глубочайшие благодарности и хотел бы встретиться с вами в приватной беседе для обсуждения некоторых бизнесовых предложений.

– Хорошо, я согласен.

– Если вас не затруднит, встреча состоится сегодня в шесть часов вечера в ресторане "Торос". Прислать за вами автомобиль?

– Нет, нет, спасибо. Доберусь сам.

Демида передернуло. Не любил он ездить в чужих машинах. Хотя сейчас не было повода подозревать, что на его драгоценную личность может быть совершено покушение, подсознательная настороженность уже руководила его поступками.

"Когда это было в последний раз? Зимой. Да, зимой".

Полгода назад, в декабре, Демид в очередной раз влип в неприятную историю. Позвонил ему старый знакомый. "Дем, двести баксов поиметь не желаешь? Вечерком в ресторан со мной прокатиться. Для моральной поддержки. Братан, ты не волнуйсь, дело там на две минуты. С ребятками перебаза-

рим, "бабки" возьмем и едем домой обмывать. Разборок не будет, даю слово. Просто человек надежный нужен. Такой, как ты, Дем…"

Знал Демид, почему его приглашают. Демид был удачливым – об его везении ходили легенды. Умудрялся выходить с пустяковыми царапинами из самых жутких переделок. Говорили о том, что заговоренный он, мол, от ножа и даже от пули. Дема только усмехался, когда слышал такие байки. Сам он хорошо знал причину своей везучести.

То дело было грязным, как большая куча навоза. Это было ясно – в другие дела Демида почему-то не звали. Согласился. Конечно, согласился, идиот. Из-за денег. Все из-за них, проклятых. Двести "зеленых" за вечер – шутка ли сказать! Влез он тогда в долговую кабалу, нужно было расплачиваться за квартиру.

За два часа до поездки он опустился на колени на пол, закрыл глаза, отключаясь от окружающего мира, и попытался представить, что произойдет сегодня вечером.

Он мог сидеть так подолгу – не взывая ни к Богу, ни к космосу, ни к темным силам мира. Просто сидел и ждал. И иногда знание приходило к нему – он вдруг понимал, что произойдет с ним в будущем. Но чаще узнавал внезапно. Слишком поздно, когда оставалось лишь несколько секунд – уже не на выбор, а только на последнее движение, способное в очередной раз сохранить ему жизнь.

Не раз звали Демида работать телохранителем, суля хоро-

шие деньги. Но Демиду было страшно. Он не боялся, что его убьют или покалечат. Сделать это было трудно – боец он был хороший, да и ангел-хранитель его не забывал. Дема опасался, что может не выполнить своего высшего предназначения, для которого был рожден и существовал на белом свете. Что это было за предназначение, Демид не знал. Наверное, вбил себе в голову эту блажь, а жизнь его ожидала самая обычная – суетливая и бесцельная. Но Демид жил, подчиняясь собственной интуиции, а она редко его подводила. И потому он вел образ жизни, странный для большинства его друзей, давно бросившихся в темные воды предпринимательства – работал в университете, скромным преподавателем на биофаке.

А приятели Демы один за другим покидали насиженные места в научно-исследовательских институтах, где некогда создавались радиоуправляемые ракеты, в школах, где контрольные нынче списывались за пачку жевательной резинки, в больницах, где врачи терпеливо объясняли полуживым пациентам, что лекарств нет и не предвидится. Друзья получали должное количество пинков от конкурентов, раньше вступивших на каменистую тропу бизнеса, разорялись и плакались Деме в жилетку. Друзья приобретали опыт борьбы с удавкой, именуемой налогами и робко знакомились с квадратными молодыми людьми, обещавшими решение всех проблем в лучшем виде. Многие из деминых друзей давно перессорились друг с другом, но все они неизменно

захаживали к нему в поисках давно забытого спокойствия. "Знаешь, Дем, хорошо тебе! Сидишь на своем окладе, никаких тебе проблем. А у меня вот и баланс несданный, и "волжак" без конца барахлит, и жена волком смотрит, что дома не ночую, и финны вот опять нос воротят – контракт, видите ли, не выполняю! Не жизнь, а каторга!" "Что же, ребята, – неизменно ответствовал им Демид, – каждый создает проблемы сам, все дело в том, как к ним относиться. Наведите порядок в душе своей, ибо счастье человека лежит не вне человека, но в нем самом". Друзья похохатывали, хлопали Дему по плечу и глушили коньяк стаканами.

Друзья же и сватали Дему телохранителем к темным личностям разного пошиба.

Жить без денег было унизительно. И Демид, скрипя зубами, кляня себя за малодушие, соглашался. Дела были почти безнадежными. Подводила слава везунчика, каковым слыл Демид. Его везли на убой как счастливый талисман в смутной надежде, что он отобьется. Что, спасая свою жизнь, защитит не только себя, но и своего хозяина.

В тот злосчастный вечер он не получил никакого откровения, не узнал ничего. Но слово было дано. И Дема стоял на промозглом ночном перекрестке, дожидаясь машины, пританцовывал и костерил мороз на чем свет стоит. Он не мог себе позволить одеть длинный тулуп и тем самым лишиться спасительной подвижности. На нем была лишь куртенка, слишком легкая для метели. Наконец из искристой мглы по-

казались два расплывчатых желтых круга фар. Рядом с Демидом остановился "Мерседес", задняя дверь раскрылась и оттуда вылез человек.

"Ну ладно, братки, до завтра!" – крикнул он и отошел в сторону. Из окна махнули рукой: "Демид, ты? Залезай!" Дема согнулся, полупросунувшись в машину, и попытался разглядеть обстановку в темном салоне.

Неожиданный толчок вбил Демида внутрь – парень, который остался на улице, с разбегу вбросил его в машину, сам впрыгнул следом и захлопнул дверь. Мерседес рванул с места и Демид обнаружил, что зажат между двумя горами мускулов в кожаных куртках, а к шее его приставлен нож. Более горячего оружия пока не наблюдалось, но Дема догадывался, что без него не обойдется.

– Так, мужики, – раздался знакомый голос с водительского места, – с ним хлебало не разевать! Сейчас вывезем на Казанку, там и поговорим без лишнего шухера.

– В чем дело? – хрипло спросил Демид. – Продал меня, Коля? Ой, нехорошо так поступать, видит Бог! За кого хоть страдаю-то?

– За всех, супермен наш сладкий, за всех. Много знать стал. Суешься, куда не следует. Вот и расскажешь нам что-нибудь интересное. Особенно про Короткого. Про кореша своего Петечку.

– Хрен тебе, – сказал Демид. – Я тут не при чем. С Петей сам разберешься. А меня отпусти, пока я не обиделся. Я че-

ловек добрый, постараюсь забыть.

– Слыхали, братва, какого героя везем? – Мужики сзади заржали. – Опять слинять надеешься? Везучий, значит? Посмотрим… Пата, еще раз говорю, с ним осторожнее! Он у нас такой крутой, еще не понял, с кем дело имеет!

Парень справа осклабился, теснее прижался к Демиду, для острастки кольнул его ножом в шею. Машина тихо шуршала по шоссе, выезжая за город. Дело было совсем плохо – Дему везли убивать. Даже музыку не включили.

"Дема, не злись, – Демид любил разговаривать с самим собой – это всегда его успокаивало. – Ситуация, конечно, не подарок. Но шанс есть. Ножичек у этого Паты небольшой, несерьезный, я бы сказал. Мозгов, судя по всему, у него тоже маловато. Нож держит по-дурацки – руку локтем вниз вывернул. Если что, пойдет вскользячку. Кто их учил, идиотов?"

"Мерседес" резко затормозил, съезжая с ледяной полосы на асфальт, и демины соседи, не удержавшись, резко наклонились вперед. Дальнейшее заняло несколько секунд. Демид быстро выпрямил ноги, откинулся назад и тут же хряснул открытой ладонью в нос левого опекуна. Парень коротко хрюкнул и захлюпал кровью. Пата с ножиком еще не опомнился, но Демид знал, что в следующую секунду лезвие воткнется ему в бок. Деме повезло. Жлоб за рулем с хриплым ором ударил по тормозам, и машину занесло на обледенелой дороге. Парня с ножом отбросило в угол. Демид свалился вниз

с сиденья, схватил нож за лезвие, чувствуя, как острое железо вспарывает ладонь, затем соскользнул на запястье врага. Быстрое крутящее движение, хруст костей, и нож полетел в сторону. Пата завизжал как поросенок и попытался вскочить. Хороший удар кулаком между раздвинутых ног успокоил его и сложил пополам. В следующую секунду Демид открыл дверцу и нырнул головой вниз, прямо в снежный сугроб. Покатился с насыпи, отплевываясь от колючего снега, запорошившего лицо. Из машины доносился мат, ребятки на задних сиденьях выли в два голоса. Демид, проваливаясь по колено в снег, побежал к ближайшим кустам. Он знал, что теперь без "Калашникова" справиться с ним невозможно.

В машине тоже это знали. Через минуту "мерс" развернулся в туче белой пыли, и покатил к городу. А Дема сел в снег, и стал, морщась, стягивать с руки разрезанную перчатку…

Вот такую противную историю вспомнил Дема, стоя с телефонной трубкой. С тех пор он настороженно относился к чужим машинам, а «Мерседесы» не мог видеть даже издалека. Загасить тот конфликт стоило больших усилий, и уже с зимы Демид не ввязывался ни в какие сомнительные дела. Вел размеренную, хотя и бедноватую жизнь – плелся на автобусе на работу через полгорода, по вечерам ходил в спортзал или сидел с друзьями, а по утрам открывал окно и занимался китайской гимнастикой.

– Господин Коробов, вы слышите меня? – в десятый раз

вопросил вежливый голос в трубке. Демид задумался и совершенно забыл о своем собеседнике.

"Соглашайся, – сказал себе Демид. – Это же иностранцы, люди приличные. Сразу резать не будут. Может быть, туда придет эта забавная куколка, Джейн, подарит тебе коробку конфет, чмокнет в щечку и пригласит в гости в Америку…"

– Да, да, господин Рейнхарт. Я приду.

– Запишите, пожалуйста: Ник Эджоу. Вас встретят в ресторане.

– Хорошо, до свиданья.

ГЛАВА 3

Демид стоял у зеркала и рассматривал свое изображение.

"Из личного досье: Коробов Демид Петрович. 28 лет. Русский. Особые приметы – среднего роста (178 см), среднего телосложения. Нос прямой

(сломан два раза, но удачно выправлен),

глаза серые, волосы – темно-русые.

Стандартный советский набор.

Татуировки – не имеется.

Правда, хватает шрамов самых разных калибров, но на физиономии – только один. Над правой бровью. Улыбка кривая, но умная.

Зубы

тоже кривоваты. Не Ален Делон, одним словом…

Дополнительные сведения: образование высшее, холост. Сексуальная ориентация – обычная.

Любит он женщин, любит. Некоторые из них отвечают ему взаимностью

(паспортные данные последних не указываются).

Психологическая характеристика: интроверт неярко выраженного типа.

Переводим: живет внутри себя, для самого себя, на окружающую действительность обращает мало внимания.

Главный канал общения с окружающим миром – желудок".

Дема встал в артистическую позу и продекламировал стихотворение, сочиненное им однажды в минуту максимального познания собственного "Я", то есть после хорошего ужина:

Много всяких философий
Напридумывали люди,
Услаждая чашкой кофе
Свой объемистый желудок.
А в своем мировоззренье
Два столпа я отмечаю:
Толстый-толстый слой варенья
И большая чашка чая.

Итак, Демочку пригласили в ресторан. Собственно говоря, ничего особенного в этом не было. Когда Дема был еще студентом биофака, в рестораны он хаживал частенько, любил хорошо покушать, да что греха таить, иногда и выпивал (друзья брали с собой авоську водки и ставили под стол, весело обновляя бутылки под недовольное брюзжание официантки). Времена были дешевые и непосредственные. Последние же два года Дема в ресторан не попадал. У него появилась своя квартира, и надобность в таких походах отпала – друзья появлялись регулярно, чаще в поздний час, принося с собой атмосферу веселья и роскошь человеческого общения, приправленную ностальгией о былом. Дема был хозяи-

ном радушным, любил посмеяться и накормить гостей чем-нибудь изысканным. Например, магазинными отбивными с магазинным же соусом «Ткемали».

Дема стоял перед зеркалом и пытался вспомнить, что одевают приличные люди при деловых встречах с иностранцами. Наверное, лучше всего было бы одеть костюм. Но… Дема открыл шкаф и кисло посмотрел на пиджак серенького ослиного цвета, сиротливо выглядывающий из самого угла. Дема не любил костюмы – в них он чувствовал себя скованно, пиджак спеленывал плечи как смирительная рубашка, приходилось бороться с постоянным желанием закатать рукава до локтя. К тому же Демид купил этот костюмчик лет восемь назад, для своей свадьбы (так, к счастью, и не состоявшейся), и почти не одевал с тех пор. Теперь он уже явно устарел, да и сшит был не лучшим образом – плечи в обтяжку, зато в области живота наблюдались болтающиеся на ходу излишки материи.

Демочка потрепал пиджак по сутулому загривку:

– Виси, кореш, жди! Твое время еще придет.

В конце концов Дема остановился на свободных летних брюках, мягких кожаных туфлях, водолазке и легкой светлой куртке. Это выглядело достаточно стильно, Демид чувствовал себя в таком наряде спокойно и уверенно. Он побрился, почистил зубы, исполнил перед зеркалом несколько танцевальных па, неуловимо напоминающих У-шу стиля "Северной бабочки" и отправился на встречу.

Демид подошел к "Торосу" легкой пижонской походкой. Дневная жара уже спала, в воздухе разливался упоительный запах цветущих лип. Дема повернулся на носке и отставил ногу в незаметном чужому глазу чечеточном движении. Сейчас он исполнял роль жизнерадостного эстета, любителя больших джазовых оркестров. Не хватало только тросточки и туфель с железными набойками.

Швейцар средних лет с угрюмым видом сидел на стуле около открытой двери, читал "Комсомольскую Правду" и перегораживал вход своими ногами.

– Бон джорно, любезнейший, – сказал ему Демид. – Не соблаговолите ли вы принять ножку?

– Чево? – швейцар посмотрел на Дему, как на идиота.

"Тросточкой бы его… Да по мордасам".

– Копыта убери, чево…

Демид протянул швейцару пятерку и прошел внутрь.

Час был ранний. В зале царил приятный полумрак, не было даже накурено, народу было мало и оркестр еще не начал свою игру. Демида подвели к столику, стоявшему в отдалении от сцены и сервированному в стиле "а-ля-рюсс". Из-за стола встал мужчина лет пятидесяти, вежливо кивнул головой и протянул Демиду руку.

– Господин Коробов? Рад вас видеть. Ник Эджоу. Впрочем, можете величать меня просто Николай Игнатьевич. Николай Игнатьевич Ежов.

"Вот те раз! То иностранцы, то нет! Черт ногу сломит".

– Демид Петрович Коробов, лучше просто Демид. Так вы что, извините, из наших?

Мужчина улыбнулся. Вид он имел вполне американский. Хорошо одет. Глаза голубые, глубоко посаженные и спокойные, в сеточке мелких морщин. Светлые волосы, тронутые сединой и зачесанные назад. Большие грубоватые руки.

– Да, пожалуй, именно так и можно сказать – из наших. – Эджоу кивнул головой. – Бывший гражданин Советского Союза, бывший беженец со статусом религиозного меньшинства, бывший безработный… Все – бывший… А теперь – обычный бизнесмен. Канадец, позвольте так выразиться, русского происхождения.

Ник поманил рукой официанта:

– Эй, человек! Бутылку смирновской, пожалуйста! Вы водку пьете? – обратился он к Демиду.

– Да, немножко можно, – скромно сказал Демид.

Этот канадец не был похож на русских, вырвавшихся пять-десять лет назад за границу и теперь приезжающих, чтобы почувствовать себя в России человеком первого сорта, гордо проехать по улицам на арендованном "форде" и утереть нос старым друзьям и недругам. Он выглядел основательно и внушал доверие.

– Ну что, Демид, за знакомство?

– За знакомство, Николай Игнатьевич.

"Эджоу, канадский бизнесмен. Он же Ежов, русский мужик. Бывший. Неплохой человек, кажется. Существует по-

луанекдотический стереотип, что иностранцы все милые и глупые, как дети, и облапошить их ничего не стоит. "Русские прусских всегда бивали". А вот с нашенским человеком нужно держать ухо востро. Тебе-то не один ли черт, Ежов он или Эджоу? В конце концов, тебе от него ничего не нужно. А ты ему зачем-то понадобился".

Дема откинулся на спинку стула. Водка была ледяной, еда вкусной. Чем не жизнь?

"Впрочем, ты знаешь, зачем. На этот раз *знаешь* ".

– Прожил я в Канаде без малого двадцать пять лет. – Ежов молодецки тяпнул рюмку и занюхал бутербродом с черной икрой. – Но родину свою забыть не могу. А порою кажется, что и не уезжал от нее никогда. Повезло мне – если и есть на свете страна, похожая на Россию, то это Канада. Знаешь, Демид, в нашем городке каждый третий – русский или украинец. Конечно, не такие, как я – беглые совграждане. Эти люди уехали за море еще в начале века, не одно поколение с тех пор сменилось. И язык уже многие подзабыли, вот разве что только вера православная осталась. Я ведь сам-то из староверов, уехал из СССР под предлогом религиозных преследований. Хороший был предлог… Хотя и не больно-то я был тогда верующим… Это уже потом, когда наелся я досыта ихних гамбургеров, наработался уборщиком в ихних фаст-фудах, потянуло меня к чему-то родному – хоть и не советскому, может быть, а к русскому. Так и осел в Канаде. Хорошо там. Природа как в России – леса сосновые, черника, грибы.

Лисицы такие же рыжие. Глухари есть, охота замечательная. Любишь охоту, Демид?

– Нет, не люблю. – сказал Демид откровенно. – Нехорошо это – убивать животных.

– Ничего, что я перешел на ты?

– Конечно, конечно.

– Ты уж прости меня, Демид Петрович. Хоть я давно уже, вроде бы, иностранец, но человек простой. Что ж тут поделаешь? Вырос я в крепкой крестьянской семье. Слово отца у нас было – закон! И хотя батька мой, бывало, драл меня розгой, обиды на него не держу.

Николай перегнулся через стол к Демиду, доверительно постучал узловатым пальцем по столу:

– А я вот дочку свою, между прочим, пальцем не тронул. А кто тронет, тому голову оторву.

Сел. Выпили еще по стопке.

– Глупая она еще. Но в церковь ходит, это хорошо. Без этого нельзя, Дема, так я тебе скажу! Нынешние, они… От беса многое. Мутит он людей, застилает глаза. А Россия гниет заживо – смотреть больно. Не чужая она ведь, матушка.

Николай замолчал и грустно подпер голову рукой. Было в нем что-то патриархальное. Демиду такие люди встречались редко, и он слегка их сторонился – трудно было найти точки соприкосновения между их простой, основательной философией, и его собственным мировоззрением, эклектично составленным из обрывков экуменистического христианства,

дзен-буддизма и житейской психологии российского горожанина.

– А Джейн совсем не говорит по-русски? – спросил Демид.

– Янка-то? Почему не говорит? В семье-то мы по-нашему говорим. Сызмальства приучал…

– А что же она со мной только по-английски разговаривала?

– Ну, ты, милый, сам ей дал поблажку, начал по-английски. Обматерил ее, кстати сказать. Она мне все рассказала. И правильно, что обругал. Потому что за дело. Шлендает где попало, у отца не спросясь… И перепугалась она очень. Вот ты представь себя на ее месте. Слава Богу, что хоть ты, мил человек, хорошим оказался, помог девчонке. А если б нехристь какой был?

– Угу.

– Она сейчас в Москву уехала на две недели, курс русского там проходит. Вот вернется, посмотрим, чему ее там научили. Вообще-то она в первый раз в России. Могла бы и почаще сюда приезжать. Я сам отсюда почти не вылезаю. Дела, дела.

– Бизнес?

– Да, бизнес. Станки деревообрабатывающие поставляю. У нас в Канаде все это на высоком уровне. Станками не интересуешься?

– Нет, – сказал Демид. – Я – специалист по кишечнопо-

лостным. Обсудить не желаете?

– Ладно, Демид. Не будем, как говорится, тянуть кота за хвост. Суть дела такова: моей дочке нужна хорошая нянька. По-моему, ты подходишь.

"Угадал. Конечно, я угадал".

– Николай Игнатьевич, вы же в первый раз меня видите! Не слишком ли вы рискуете, предлагая работу совершенно незнакомому человеку?

– Ну, положим, справочки я о тебе навел. Кое-что узнал, друг мой ситный -в том числе о всяких твоих художествах и приключениях, которыми охотно заинтересовалась бы ваша милиция. Знаю, знаю… Везучий ты, говорят, и от пули заговоренный! Но, честно говоря, меня это мало волнует. По глазам я вижу человека. Поверь мне, жизнь я за свои полвека повидал, жизнь меня била достаточно, в людях научила разбираться. Много тут всякой шпаны крутится, охранниками называются. Может, люди среди них есть и внешне неплохие, но смотрю я в их глаза и вижу – сердцевина-то трухлявая, вот в чем дело! А сердцевина должна быть твердой, из крепкого дерева. Воспринимай мои слова как хочешь, но в тебе это есть. Все остальное – ерунда, жизнь слабого человека всегда сломает, каким бы он каратистом не был. А тебе природой многое дано, из тебя, Демид, может толк выйти, если не загордишься. Ты вот лучше скажи откровенно, в Бога-то веришь?

– Верю, – сказал Демид. – А кто ж в него нынче не верит?

– То есть что? Христианин ты, или любитель какой-нибудь новоявленной буддистской белиберды?

"Так, значит? В душу лезешь?.."

– Вопрос непростой, Николай Игнатьевич… Что такое Бог? Старичок такой конкретный бородатый, который сидит на небе и присматривает за своей паствой? Для меня Бог – это нечто внечеловеческое. Дух и разум вселенной, нематериальная среда, окружающая всех нас – всегда и везде. Эта среда разумна и представляет доброе начало. Она универсальна – она существует и для человека, и для любого другого живого существа. И на земле, и в других мирах, если они, конечно, есть. Все не так-то просто, Николай Игнатьевич. Да, я верю в Бога. Да, я – христианин по воспитанию своему, потому что родился в этой стране. Но я не могу просто слепо следовать обрядам, надеясь, что за соблюдение поста, например, мне спишется пара грехов на том свете…

Не очень-то Демид любил разговаривать на эту тему. Как Бог некогда вылепил человека, так и Демид вылепил, придумал себе Бога, наиболее подходящего к его представлениям о морали и религии. Никто не считал Демида своим: знакомые православные священники хмурились и называли его безбожником, буддисты заявляли, что он дилетант и зазывали в свою общину, чтобы лучше познать учение Прозревшего, любители порассуждать о вселенском начале перебивали его и начинали развивать свои собственные идеи о потусторонних мирах и "Пси-поле".

К удивлению Демида, Николай слушал его задумчиво и внимательно.

– Ну что же, идея интересная, хоть и не новая, – медленно изрек Николай. – Космический разум… Я не буду бить горшки, доказывая, что ты не прав. И что если ты русский, то должен придерживаться традиционного православия. Я сам не настолько религиозный человек, каким, к примеру, был мой отец. Он после твоих рассуждений точно бы в драку полез. Только я тебе честно скажу – мне жалко, что умирают древние обряды и сам великорусский образ жизни. Это было хорошее средство держать людей в узде, в добром смысле этого слова. Может, русский мужик был и не особенно грамотен, но он с детства знал, что надо быть почтительным к старшим, хлебосольным к гостям, умеренным в питии. Садился ли кто за стол, или вставал из-за стола, непременно осенял себя крестным знамением. Попробуй я сейчас перекреститься, или хуже того, помолиться за столом – ведь посмотрят как на сумасшедшего! Русский знал все – с какой ноги первее сапог снимать, как новорожденному имя дать, как по воде на Лаврентия погоду на осень угадать. Жизнь его была определена со всех сторон, так ведь и баловства было меньше! А сейчас? Я по своей работе много езжу по деревням – даже бабы матерятся так, что дым стоит. Куда это годится?

– Это точно, – согласился Демид.

– Ты только не подумай, что я ретроград, монархист и про-

чая. В стране, где я живу, тоже много всякого отребья, как бы у вас ни расхваливали Запад. Но когда я вижу, что творится в России, мне приходит в голову, что здесь не обошлось без дьявольского вмешательства. В сатану-то веришь?

– Да нет, не верю. По моему, все дьявольское – от людей. Бесовское начало сидит в каждом из нас, хотя и не в каждом проявляется. Таких мерзостей, какие может изобрести человек, ни один Люцифер не придумает. Я думаю, тут вы правы – человеку нужна узда, может быть, и не тугая, но не позволяющая ему совершать насилие, убивать, воровать.

– Философ ты, Дема, однако… На всяк вопрос у тебя целая речь заготовлена. А вот скажи-ка мне – про "русских сатанистов" никогда не слыхал?

– Нет. Это что-то новенькое.

– Это действительно новенькое. Чисто американское явление, скажу я тебе. В Америке ведь модно быть сатанистом, геем или страдать аутизмом. Ах, это ведь так загадочно! Это так возвышает, это выделяет из толпы. Это говорит о принадлежности к избранным. В конце концов, это дает возможность за что-то побороться. Действительно, за что еще бороться в стране, в которой все зажрались, если не за права несчастного Сатаны! Люди не понимают, с чем они играют! А в Канаде появились еще и "русские сатанисты". Колдуны, по-нашему. Эти идиоты считают, что вступать в союз с Дьяволом, наступая правой пяткой на святой крест, бормотать богохульства на ломаном русском и портить настроение пра-

вославным в храме, стоя спиной к алтарю – гораздо таинственнее и аристократичнее, чем делать то же самое на европейский манер.

– А у нас все только говорят и пишут, что колдуны – хорошие, славные такие ребята, порчу снимают, домовых выгоняют, любовь привораживают, в Бога верят. Без колдунов сейчас – ни ногой.

– Знаю, читал. Это не колдуны. Шваль болотная.

Демид вспомнил историю, которая произошла с ним однажды. На кафедру, где Дема работал ассистентом, повадился ходить мужичок. Он был неопрятен, бородат, лысоват, в мутно-зеленых глазах его горел ненормальный огонек. Не любил Дема таких людей. Этот называл себя колдуном, шлялся по комнатам, всюду совал свой острый нос и нудно выклянчивал всякие фетиши – крокодильи зубы, шакальи глаза, сушеные цветки аконита и прочую подобную дрянь. Его где-то шугали, а где-то и вежливо объясняли, что таковых предметов на кафедре не водится. Однажды поганец, обозленный отказами, пристал к девчонкам-лаборанткам, обещая им всяческие несчастья, размахивая руками и бормоча ужасные непристойности. Девчонки подняли визг и Демид, пересилив брезгливость, пошел разбираться с обнаглевшим кудесником. Он открыл дверь лаборантской и вежливо предложил:

– Слушай, мужик, ты мне надоел. Мотай отсюда. Чтобы я тебя тут больше не видел.

Но чародей решил наглеть дальше, выкатил глаза на Дему, и, обдавая его запахом гнилых зубов, проскрипел:

– А на тебе, жеребец окаянный, порчу нашлю лихую. Будет черный сглаз твое кости знобить, тело мучить!

Дема сгреб поганца за лацканы засаленного пинжака, приподнял так, что обшарпанные штиблеты колдуна оторвались от пола, и негромко, но внятно сказал:

– А вот за это – в лоб получишь.

Мужичок хотел крикнуть еще что-то страшное, но взглянул в глаза Демида и осекся. Взор его потух. Бормоча под нос, он выкатился за дверь и больше не появлялся.

Эту историю Дема любил рассказывать в компании и каждый раз она вызывала взрыв смеха. Все начинали рассказывать хохмы о своих встречах с «екстрасенксами», энергоцелителями и колдунами. В Демином кругу таких людей всерьез не воспринимали.

Именно поэтому Демид и не решился рассказать эту историю сейчас – похоже, Николай относился к подобным вещам серьезно.

Демид огляделся. Они просидели целый вечер за неотрывным разговором, за окном стемнело. Меж тем народ в ресторане вовсю гулял. Оркестрик на сцене играл танго, несколько пар исполняли какое-то подобие этого танца, большинство же, обнявшись, медленно передвигались на месте, соблюдая направление по часовой стрелке. У стены столы были сдвинуты – там, очевидно, происходил банкет.

Красномордый толстяк в розовой рубашке и сдвинутым набекрень галстуком исполнял роль тамады и безуспешно пытался придать видимость единства застольному коллективу. Атмосфера в зале была пьяно-радушная, в такие моменты можно подойти к любому в зале, завязать беседу и через пять минут уже сидеть с ним в обнимку и вспоминать общих, в неизъяснимой закономерности выявившихся знакомых. Еще не наступило время хмельных разборок и мордобития в туалете, хотя, навострив слух, можно было услышать доносящееся с отдельных столиков извечное российское: "Серега, ты не прав!" как предвестник грядущих катаклизмов. Демид почувствовал явное перенасыщение – и едой, и питьем, и ресторанным шумом, и разговором.

– Николай Игнатьевич, давайте перейдем к делу, – сказал он. – Итак, вы предлагаете мне работу телохранителя для вашей дочери. Вы считаете, что я вам подхожу. Обо мне, насколько я понимаю, вы информированы. В таком случае вы должны знать, что последние полгода я отказывался от всех подобных предложений.

– Что, и мне откажешь?

– Нет. – Демид улыбнулся. – Для вас я сделаю исключение. Я буду с вами работать. Только ради вас.

"Ради девчушки. В ней что-то есть".

– Спасибо, Дема. Мне подходишь только ты. Только ты. Я верил, что ты не откажешься.

– Еще вопрос: что будет входить в мою работу?

– Да ничего серьезного. Будешь забирать ее утром из гостиницы, отвозить на машине по ее делам. Будете, наверное, много ездить по селам – ее работа связана с русским фольклором. Ну, переводчиком будешь, если понадобится. Если ей захочется, отведешь ее вечером в ресторан, или там в дансинг, в театр. Всего два месяца. Устроит тебя такое?

– Устроит.

– Ну и славно. А вообще-то она девчонка славная, приятная. Только постарайся удержать ее от излишних приключений. Она мастер находить неприятности на свою шею, а Россия – все-таки не Канада. Пройдет?

– Пойдет…

Дема замялся. Глупо как-то было сейчас спрашивать о деньгах. Сочтут еще скаредой. Да только Николай Игнатьевич понял его и без слов.

– О деньгах не беспокойся. Получишь на руки чистыми четыре тысячи долларов за два месяца работы. Поверь мне, это очень приличные деньги. Или ты, как истинный русский патриот, предпочитаешь рубли?

– Я, как истинный советский патриот, предпочитаю валюту.

Названная сумма Демиду понравилась. Раньше, когда он подрабатывал в охране, у него водились денежки, и немалые. Но теперь, когда он оставил это опасное занятие и стал жить на скудную преподавательскую копейку, такой заработок казался баснословным.

– Ну что, все ясно?

– Да, вполне.

– Тогда приходи завтра в мой офис, и мы оформим договор. Яна приедет через две недели, так что у тебя пока есть время для отдыха. Можешь съездить куда-нибудь в Сочи.

– Да нет, в Сочи как-то не тянет. В деревне дел полно.

– Отлично. Я жду тебя завтра в девять утра в офисе. Вот моя визитная карточка. От машины опять откажешься?

– Да нет, пожалуй. Надеюсь, у вас не Мерседес?

– Ауди-сотка подойдет?

– Потянет.

– О, это уже знак доверия! Польщен, польщен!

Николай похлопал Демида по плечу и они расстались.

ГЛАВА 4

Следующие две недели Демид посвятил войне. Войне за родную землю с супостатом, посягнувшим на святое. Битва была изматывающей и кровопролитной, противник нес потери, но не сдавался. Новые полчища врагов вставали на смену павшим и теснили Демида, творя свое черное дело и пядь за пядью уничтожая плоды Деминого труда.

Демид воевал с воронами.

Демид любил огородничать и знал в этом толк. На своих шести сотках, где каждая горсть земли прошла через его пальцы, он чувствовал себя настоящим хозяином. Он умело применял и светлое социалистическое учение товарища Мичурина, и порочную, развенчанную партийными конференциями буржуазную генетическую теорию Менделя-Вейсмана-Моргана. И то и другое давало хорошие плоды, мирно соседствующие на обеденном столе, несмотря на непримиримые классовые позиции. Дема был грамотным и трудолюбивым человеком, соседи его уважали. Конечно, случались и неприятности – нежные акклиматизированные растения мерзли и усыхали, на них нападали прожорливые гусеницы, тля и вирусы неизвестной породы. Демид терпеливо сносил пакости, творимые матушкой-природой, и выхаживал своих питомцев.

Той ночью Демид спал беспокойно. Странный сон снился

ему. Он бежал по огромному белому полю, падая и проваливаясь по пояс в снег. На нем висело драное рубище, волосы светлыми космами падали на плечи. В руке у Демида был тонкий, леденящий пальцы серебряный меч. "Главное – не открыть грудь, – бормотал он на бегу, – Враг не должен увидеть Знак". Он снова упал, запутавшись в полах своего зипуна. А когда поднял голову, увидел высокого старика. Старец был одет в черный бараний полушубок, вывернутый наизнанку и запахнутый на левую сторону. В руке он держал большой посох с острым железным крюком на конце. Желтоватая борода растрепалась на ветру, черные глаза из-под кустистых бровей смотрели властно и зло.

Демид попытался встать, но старик вытянул когтистую руку и неодолимая сила придавила Дему к земле. Он ткнулся носом в снег.

– Лежи, пес, – сказал старик. Голос его оказался неожиданно высоким, с визгливой хрипотцой. – Скрычу я: розынься земля, росступисе на триста локтей и оттоль выйди вороны черны числом тьма. Пристаньте сему человеку, рабу Демиду, вороны черны, клюйте глаза его ясны, сердце его ретивое, во все семдесять жил, семдесять составов. Тем моим словам замок, а ключ у самого сатаны в коленех. Во веки веков!

Он взмахнул рукой и бросил Демиду в лицо горсть черного порошка. Демид прищурил глаза, ожидая, что их припорошит едкий пепел. Но пыль чудесным образом зависла

в воздухе и осела на снег, не достигнув Демида и образовав возле его головы черное окружье. Колдун испуганно отшатнулся и оскалился, обнажив желтые зубы.

Резкий протяжный звук раздался в воздухе – как будто лопнула гигантская струна. И Демид оказался в центре огромной движущейся тучи – сотни черных воронов с клекотом набросились на него. Демид на мгновение оглох от оглушительного грая, биения крыльев, в мельтешащей черной метели нечем было дышать. Он перекатился на спину, и, держа двумя руками серебряный меч, описал им в воздухе крест. Птицы с криками разлетелись в разные стороны…

Демид резко открыл глаза и проснулся. Сердце его бултыхалось где-то в животе, кожа покрылась липким холодным потом, руки саднило. Демид поднял руку и увидел на ней несколько свежих кровоточащих царапин, словно нанесенных когтями. Громкий шум, разбудивший Демида, казалось, шел со всех сторон. Но через несколько секунд, стряхнув остатки сна, он понял – вороний галдеж раздавался с его огорода.

Демид натянул штаны, подскочил к двери и осторожно приоткрыл ее. Ему казалось, что в продолжение сна гигантские черные птицы набросятся на него. Но нет – это были обыкновенные деревенские вороны, серые и наглые. Два десятка их кружилось над огородом, бросаясь к земле и снова взмывая вверх. Демины посадки представляли собой жалкое зрелище – вырванные с корнем, исклеванные и загаженные

ростки лежали на земле как искалеченные дети.

Демид, взвыв от ненависти, схватил камень и запустил им в птицу, тупо клевавшую гороховую поросль в двадцати шагах от него. Удар получился метким, ворону отбросило, она с клекотом закрутилась по земле. Демид, не помня себя от ярости, начал расстрел всем, что попадалось под руку. Через пять минут птицы покинули поле боя, оставив на огороде три черных изломанных трупика.

Дема, как мог, подлечил искалеченные растения, хотя ущерб был ужасен. Он уже забыл о злосчастном сне, но пребывал весь день в раздраженном состоянии. Успокоился только к вечеру, после того, как помог отладить соседу Лехе забарахливший радиоприемник и выпил с ним изрядное количество водки.

Наутро вороний налет повторился. На сей раз Демид не стал позорно лупить нечисть камнями, а побежал к Лехе за дробовиком. Они устроили оглушительную артиллерийскую канонаду, взбудоражив похмельную с утра деревню. Вороньи тела усеяли поле брани, но на следующее утро все повторилось по-прежнему. Птицы пикировали на грядки как истребители, с пугающим безразличием относясь к собственной смерти. Количество их увеличивалось с каждым днем. Вороны с неотвратимой точностью появлялись над огородом в предрассветный час и уничтожали все живое на плантациях Демида. Демид пытался закрыть растения толем, но птицы остервенело бросались на преграду, теряя перья и остав-

ляя на земле пятна крови.

Лишне говорить, что над другими огородами в деревне ничего подобного не наблюдалось.

Деревенские жители собирались вокруг Деминого забора, курили, почесывали в затылке и обсуждали невиданную напасть. Большинство склонялось к мнению, что это проделки нечистой силы и советовали окропить опоганенное место святой водой. Но Демид отмахивался от таких предложений. Да и спасать, в сущности, было уже нечего. Вся зелень в саду была склевана. Черные каркасы яблонь болезненно кривились над пятнистой, загаженной нечистотами почвой.

* * *

Атаки ворон продолжались семь дней. На восьмой день Демид перебрался в городскую квартиру. Здесь было душно, пыльно, надсадный шум машин доносился из распахнутого окна. Но это было все же лучше, чем тошнотворное воронье галдение и растерзанный труп огорода

Накануне дня встречи с Джейн Демид долго лежал на диване и мысленно представлял себе беседу с ней. Составлял различные варианты разговора, переходя то на русский, то на английский, проклиная себя за тупость и косноязычие. Закрывал глаза и рисовал в воображении эту девушку – говорил с ней, брал ее за руку, гладил по волосам. Джейн представлялась то простой и ласковой, то холодной и официаль-

ной, полностью погруженной в научные изыскания и забывшим о существовании мужского пола.

Все получилось гораздо проще, чем представлял себе Демид.

В девять утра Дема вошел в кабинет мистера Эджоу. Николай Игнатьевич сидел за широким столом, уткнувшись в какие-то бумаги. В углу комнаты, в большом кожаном кресле, сидела Джейн. Увидев Демида, она вспыхнула, смущенно улыбнулась и сказала: "Здравствуйте". Голос ее прозвенел в комнате как колокольчик. Демид вдруг почувствовал, что тоже краснеет.

– Доброе утро, господин Эджоу. – сказал он.

– Привет, Демид Петрович. Рад видеть тебя в цветущем здравии и хорошем расположении духа, – Ежов вышел из-за стола и пожал Демиду руку. – Яна, это Демид, твой ангел-хранитель и почетный bodyguard[16]. Прошу если не любить, то хотя бы жаловать. Благословляю вас, дети, на добрые дела. Но только не на ратные подвиги, Джейн, предупреждаю тебя!

Он обнял за плечи дочь, вставшую из кресла. Девушка явно смутилась.

– Моя дочь Яна. Отъявленная авантюристка. Не смотри, что заалелась, как невеста на выданье. Она тебе еще покажет, почем фунт лиха.

– Ну, папа!

---

[16] Охранник. (англ.)

– Ладно, ладно. С Богом, ребята.

Ежов вышел из комнаты. Демид молчал, не зная, как начать разговор. Джейн уперлась взглядом в верхнюю пуговицу его рубашки и никак не могла поднять глаз. Уже не та девчушка-подросток, с которой Дема встретился полмесяца назад на пыльном шоссе. Девушка была удивительно хороша собой – приятный славянский овал лица, аккуратный нос, большие голубые глаза и чувственный красивый рот. Она загорела, веснушки на носу придавали ей очаровательную непосредственность.

– Вот, Демид, как все получилось. Даже не верится, что вы будете работать со мной. Спасибо, что согласились. – Она заговорила на русском и русский ее оказался совсем неплох, только небольшой акцент выдавал иностранку.

– Джейн… Привет, Джейн… – Он подал ей руку и она взяла ее в свою теплую ладошку. – Зови меня на ты, хорошо? А то я каждый раз вздрагиваю, когда слышу это "вы".

– Хорошо. Тогда ты не зови меня Джейн. Меня зовут Яна. Это мое натуральное имя.

– Натуральное?

– Ну, правильное, природное. Natural. [17] Природа хочет, чтобы меня звали Яна.

– Замечательно. Я согласен с природой. Это имя тебе идет.

Яна рассмеялась. А Демид почувствовал себя на седьмом

---

[17] Природное (англ.)

небе от счастья. Боже мой! Он держит эту девушку за руку и она улыбается ему. Он будет катать ее на машине по городу и ходить с ней в театр. И за это удовольствие он получит еще и четыре тысячи долларов. Целое состояние!

"Господи, вот лучшее подтверждение тому, что ты существуешь на свете. Благодарю тебя, Боже, что ты не оставляешь меня в заботах своих и прошу, удержи меня от греховных мыслей. Ибо они бродят во мне в невероятном количестве. Аминь".

– Демид, – прервала его эйфорический полет Яна, – нам предстоит очень много дел. Пойдем.

– Куда?

– Сперва кушать. Ты ведь голодный?

– Ага. – Дема счастливо кивнул.

– Пошли.

– Яна, ты замечательно говоришь по-русски. Правда.

– Я разговариваю на этом языке всегда, с детства. Разве не заметно?

– При нашей первой встрече я этого не заметил.

– Это был тактический прием. – Яна посмотрела с хитрецой. – Я смоделировала острую ситуацию. Тебе не понравилось?

– Хм… Ты и вправду хулиганка! Ну, а если бы это был не я, чем бы это могло кончиться?

– Это мог быть только ты. Та встреча не случайна. Хотя я поняла это не сразу.

– Вот как? Звучит таинственно… И что же дальше?

– Я расскажу все подробнее потом.

Они вышли на улицу. Яна подошла к знакомой "пятерке" и похлопала ее по обшарпанному капоту.

– Узнаешь мою машину?

– Это не машина. – Дема скривился. – Это чучело машины! Откуда ты выкрала это? Из музея, из отдела палеолита? Давай вернем это обратно. Пусть стоит там, в музее вымершей фауны, пылится дальше между мамонтами и шерстистыми носорогами…

– Это наш автомобиль. У нас нет другого.

Демид почувствовал себя глубоко несчастным. Он-то уже представлял себя за рулем какого-нибудь "Вольво", правая рука на нежном колене… нет, предположим, на рычаге автоматической коробки передач. Затененный кожаный салон с кондиционером, электронная система управления. Диззи Гиллеспи томно извлекает свинг из своей трубы через колонки квадросистемы… А что ему предстояло сейчас? Валяться в дорожной пыли под этой колымагой, заправляя на место вывалившиеся кишки?

– Ну, твой папа…

(СКВАЛЫГА!!!

Не сказал. А был бы прав. Стеснительность помешала)

… не понимаю я твоего папу! – Дема почесал в затылке. – О чем он думает? Телохранителя тебе нанял, а о нормальной машине не позаботился! Сам-то на Ауди ездит…

– Демид, не расстраивайся. Это не такой уж плохой автомобиль. Мне говорили, что он очень подходит для российских дорог. Кроме того, за две недели его хорошо отремонтировали.

Особой уверенности в ее голосе не было.

* * *

Утро было по-июньски ясным, и день обещал быть жарким. Небо понемногу теряло голубизну, покрываясь белесым солнечным маревом. Но на волжском откосе, куда приехали Демид и Яна, было зелено, огромные вековые липы давали приятную колышущуюся тень. С высоты Дятловых гор на много верст был виден низкий левый берег Волги, с его извилистыми заливными лугами, пересеченными тонкими коричневыми ниточками дорог. Яна показала рукой:

– Мы поедем с тобой туда. Только гораздо дальше, на север, в страшные керженские леса. На поиски приключений.

– Здорово. Слушай, а зачем нам эти леса? Бывал я там и не нашел ничего страшного – кроме, разве что, десятка облезлых волков. Давай лучше махнем в Австралию ловить крокодилов. Вот уж страху-то натерпимся!

– Нет, в Австралии я уже была. Мне туда не нужно.

Демид завистливо вздохнул. В Австралию хотелось нестерпимо.

На завтрак заказали курицу-гриль, поджаренную до кан-

церогенного хруста, сок и мороженое. Яна явно не считала калории и не боялась испортить свою прелестную фигурку. Ее волновали другие проблемы.

– Демид, давай оставим шутливый тон. Я понимаю, что вещи, о которых мы сейчас будем говорить, для тебя непривычны. Но ты должен поверить, что этого зависит судьба очень многих людей. Я очень прошу тебя, Демид.

– Хорошо, хорошо, Яна. Ты не думай, что я всегда такой болтун. Я могу быть и серьезным. – Демид придал лицу умное выражение.

– Вы с отцом уже начали разговор о колдунах. Скажи мне еще раз: что ты о них знаешь?

– Да что о них знать-то? Развелось сейчас колдунов, как собак нерезаных – потомственных и самочинных, даже какие-то магистры колдовского ордена. Забавно! Жил себе человек, жил, работал дворником или, к примеру, радиоэлектроником. И вдруг стал колдуном. Сначала я никак не мог понять этого, считал простым шарлатанством. Но после некоторых размышлений решил, что это – все же вещь объяснимая и для человека вполне естественная. Человек ведь так устроен: надо ему во что-то верить. А человек больной, сломленный недугом, склонен к вере в сотню раз больше, чем здоровый. Он подсознательно ждет чуда. Он напридумывал себе половину болезней сам. Он ежеминутно прислушивается, не екнет ли сердечко, не заноют ли косточки. Ах ты, батюшки! Рак, наверное! Или сглаз, порча окаянная! Та-

ких людей плохо лечат таблетки. Им нужно слово. А еще лучше – все то, что связано с какими-нибудь обрядами: размахивание руками, заговоры, свечи и прочие мистические штучки-дрючки.

– Не все так просто…

– Подожди, подожди, Яна. – Демид улыбнулся. – Дослушай меня до конца. Я не говорю, что все колдуны – негодяи и шарлатаны. Вовсе нет! Есть среди них и профессионалы, да вот только профессию эту я недолюбливаю. Я признаю, что существует явление, которое можно назвать мистическим, волшебным воздействием. А можно назвать его и простым психическим внушением – с какой точки зрения посмотреть. Но действует оно только на людей, которые в это верят, которые хотят, чтобы это на них подействовало. И совершенно не действует на тех, кто в это не верит. Вот в чем дело-то!

– Но ведь на верящих-то действует! Как ты можешь это объяснить?

– Человек – хитрая машинка, устроен он непросто. Тот, кто создавал когда-то человека, сконструировал его достаточно умно. Встроил в него механизм самовосстановления. Да только человеку ничего об этом не сказал, когда выгнал его из рая. И теперь в любом человеке есть умение излечить свои болячки и преодолеть душевный недуг свой. Есть дар божий. Проблема в том, что большинство людей до этого умения добраться не может. Может быть, от незнания, но чаще всего – просто от душевной лености. Гораздо проще,

когда придет кто-то извне – сильный, умный, зловещий. Он наговорит древних слов, нагонит страху. И включит, так или иначе, твой механизм самоисцеления, заржавевший от бездеятельности.

– Откуда ты это знаешь?

– Можешь мне поверить. Я не мистик. Я – юный натуралист с двадцатилетним стажем. Кандидатскую защитил. Работа у меня такая.

– Нет, подожди… – Яна упрямо мотнула головой. – Мы же о колдунах говорили! Колдуны, они…

– Да не все ли равно! Колдуны, бодуны… Говорю тебе: все эти заклинания – только внешний толчок для подключения собственных резервов организма. Можно делать это по телевизору, даже по радио – эффект все равно будет. А уж к какой форме магии обратиться – зависит от самого человека. Если это индивидуум с высшим образованием, с неизжитыми остатками материализма в душе, то для него, как бальзам для сердца – разговоры об энергетике, биополе, всяких там микролептонах и экстрасенсорике. А для простого человека все это – китайская грамота. Ему попроще нужно идею, покондовее! И вот появляются народные колдуны, недобитые при культе личности. Они действуют ворожбой, крестом и молитвой. Современный колдун – это не сатанинское отродье. Он в газету интервью дает, клянется, что он – хороший, добрый и ласковый. Ему хочется верить. Но, по моему, все это не сверхъестественное, а просто психическое воздей-

ствие. Вот что я обо всем этом думаю.

– Да, ты, наверное, прав. – Яна задумчиво покачала головой. – Но то, ради чего я сюда приехала, не имеет к этому никакого отношения. Те люди, о которых ты говорил, которые лечат людей заговорами и именем Божьим, не являются колдунами. Во все века их называли знахарями. Знахарь всегда обращался к Богу, и ни за какие деньги не согласился бы назвать себя нечестивым именем колдуна. Просто сейчас люди забыли, что есть что, и готовы назвать себя хоть инопланетянами, лишь бы произвести побольше впечатления. Я напомню тебе старое русское определение: колдун – это человек, продавший душу дьяволу.

– Ага, понятно. Значит дело лишь в классификации?

– Прочитай-ка вот это.

Яна достала из сумки папку. В ней обнаружился старый, пожелтевший, но аккуратно сохраненный лист, вырванный из книги и напечатанный затейливым старорусским шрифтом. Демид погрузился в чтение.

«Когда христианская религия вступила в свои права, тогда изменился древний строй и быт народов, и борьба завязалась между одряхлевшим язычеством и христианством, по поводу новаго вероучения. Здесь все пришло в колебание и открылась самая благоприятная почва для развития всего чудеснаго и сверхъестественнаго. Как в язычестве жрец был посредником между богами и человеком, так в христианстве колдун (или, что то же самое, ведун, ведьмак) –

есть лицо посредствующее между людьми и духами, которых христиане называли нечистыми, или злыми, сопричисляя их к обитателям ада, подвластным дьяволу, за их злыя направления против людей. Колдун мог обращаться к злым духам с тем, чтобы причинить то или другое зло человеку, так как духи тьмы или дьявол неспособен на добро, потому, что сам он злой враг творения Божия, всегда готовый к разрушению Его создания. Эти злоумышенныя люди отрекаются от Бога и царствия небеснаго.»

Далее в листке перечислялись злые деяния, которые мог совершать колдун, рассказывались народные приметы, по которым можно было отличить колдуна от простого христианина. И, наконец, говорилось о смерти колдуна:

"Есть поверье в народе, что покуда колдун не передаст свою волшебную силу, земля его не принимает. Это явление происходит оттаго, что заключил он договор с нечистою силой, и та его мучит, не оставляя и требуя, чтобы нашел ей новаго хозяина. Бывали случаи невольнаго становления колдуном, когда умирающий ведьмак отдавал силу вреда с ковшом воды или, к примеру, с веником, взятым у него дитем по незнанию. В случае же, когда колдун не передал никому свой тайны, нечистая душа его не может найти успокоения в смерти, и он по ночам выходит из могилы, вводя в смятение чувств добродетельнаго христианина.

Обыкновенно, чтобы колдун лежал спокойно в могиле и не тревожил живых, вонзают трупу между лопаток оси-

новый кол и тем, по мнению народа, посещение колдуна прекращается".

На этом страница обрывалась.

Демида поразила обыденность, с которой неведомый ему автор писал о колдунах – как будто они встречались ему каждый день.

– Ты все понял? – спросила Яна.

– Да. Ну и что с того? Предположим, я уяснил, что такое настоящий колдун, и чем он отличается от знахаря. А суть-то, суть в чем? Мне в принципе все равно, колдун или знахарь, или черт с рогами. Ты что, занимаешься русским фольклором?

– Нет, я занимаюсь колдунами. Как раз теми самыми, настоящими.

– Так, понятно. – Демид нахмурился. – По глазам вижу, что ты в них веришь.

– Я тоже в них не верила. Но мне пришлось столкнуться с ужасными обстоятельствами, и я убедилась, что злые колдуны существуют.

– Хорошо. Едем дальше. Пока я не спрашиваю о цели твоего путешествия, но ты должна считаться с тем фактом, что я в колдунов не верю. Ты не боишься, что это может стать серьезным препятствием? Проще говоря, гожусь ли я тебе в помощники?

– Ты в них тоже поверишь.

– И как же ты меня заставишь?

– Да очень просто. Я вижу, что ты – человек сугубо реальный. Ты можешь поверить только в то, что потрогаешь своими руками. И как раз это дает мне уверенность в том, что ты станешь моим союзником. Если ты увидишь нечто, выходящее за рамки твоих привычных представлений, ты не будешь говорить, что у тебя галлюцинации и такого быть не может. Ты просто воспримешь это как факт. Так?

– Да, пожалуй так.

Это действительно было так, и Демид не мог не признать это. И признать это было не очень-то приятно. Неприятна была Деме твердая уверенность девушки в своих действиях. Она заранее распланировала его поступки, основываясь не на интуиции и вдохновении свыше, как было бы естественно для российского человека, а на точном знании фактов. Как-то не по-нашему это было. Демид представил, как Джейн сидит за компьютером и внимательно просматривает досье на некоего г. Коробова, постукивая длинными ногтями по клавишам. Дема уже не раз сталкивался с подобной расчетливостью со стороны иностранцев, и относился к этому совершенно спокойно, как к должному. Но естественное для иностранки поведение ломало образ милой, беззащитной девушки, который Демид выстроил в своем воображении.

– Ты не обижайся, что я на тебя так наседаю, – сказала Яна, ласково глядя на Демида. – Я думаю, что в будущем ты убедишься в том, что я права. Ты покушал?

Демид, очнувшись, посмотрел на куриные косточки, ко-

торые он перемолол зубами как пес. По крайней мере, не перемазался до ушей в жире, и то хорошо.

– Спасибо… Все очень вкусно. – Дема сдержал естественное желание облизать пальцы и культурно вытер их под столом об скатерть.

– Это разве вкусно? Я когда-нибудь угощу тебя тем, что готовлю сама. Говорят, у меня хорошо получается. Папе нравится.

"Интересно, только ли папе? – ревниво подумал Демид. – Хочу, чтобы ты угостила меня завтраком, даже если это будет пережаренная яичница".

– Яна, у меня есть деловое предложение. Давай возьмем бутылочку сухого вина и посидим где-нибудь на откосе. Что толку сидеть в этой стекляшке? Уверяю, что тебе понравится.

– Дема, а как же машина? Я знаю, что за рулем у вас пить нельзя.

– Сегодня нам не нужна машина. Мы поставим ее на стоянку и просто погуляем по городу. Если нужно, проедемся на трамвае. Зайцем. Это очень романтично.

– Зайцем? Это что? Снаружи прицепимся?

– Зачем же снаружи? Изнутри.

ГЛАВА 5

Яна и Демид сидели в парке под сенью большого дерева. Дема прислонился спиной к шершавому коричневому стволу и вытянул ноги. Яна устроилась напротив на толстой коряге, отполированной сотнями сидевших до нее. Она сняла обувь и положила ногу на ногу. Гладкие колени девушки, не прикрытые короткой юбкой, находились на уровне деминого лица и он с трудом удерживался от желания погладить их. По алее гуляли молодые мамаши с колясками. Дышалось легко, молодой летний ветерок шелестел в листве, по траве прыгали светло-зеленые солнечные блики. Выпитое вино растекалось по телу Демида волной блаженной расслабленности.

– Демид, ты слушаешь?

– Да.

– Слушай. Все это началось полгода назад. Зимой. Папа уехал в Россию, и мы остались в доме вдвоем с братом. Его зовут Алекс, по-русски Саша. Ему двадцать девять лет, он не женат. Вернее, развелся. У меня есть еще один брат, Юджин. Женя. У него семья, он живет в другом городе. А я – самая младшая.

– А мама?

– Она умерла пять лет назад.

– Извини…

– Ничего. Однажды я пошла в церковь на воскресную

службу. У нас в русской церкви, если нет праздника, народу бывает немного, и все знакомые. И в этот раз все было как обычно. Я стояла недалеко от выхода и все прихожане стояли ко мне спиной. Неожиданно я почувствовала на себе чужой взгляд. В левом крыле церкви, лицом ко мне и спиной к алтарю, стоял пожилой мужчина и разглядывал меня. Знаешь, неприятный такой взгляд, словно тебя раздевают.

Дема кивнул. Представил Яну в платочке, раскрасневшуюся от мороза, с тоненькой свечкой в руках. Просто картинка!

– Я отвернулась от него и попыталась сосредоточиться на службе. И вдруг ощутила, как что-то чужое пришло в мое сознание. Я увидела, как священник скидывает одежду, и остается голым, с толстым белым брюхом. Это было настолько мерзко, настолько непохоже на мои мысли, что меня замутило. Старик, это он заполз в мои мысли! Он стоял уже рядом, сбоку от меня, бородатый, неопрятный. И улыбался – глумливо, похабно. Я прошептала: "Изыди прочь, сатана". Он отшатнулся, как будто я ударила его, и мысли мои очистились. Он пробормотал какое-то ругательство и выбежал из церкви.

Демид с изумлением посмотрел на Яну. Лицо ее покрылось лихорадочным румянцем. Она соскочила со своей коряги и изо всех сил стукнула кулаком по дереву. Кажется, это несколько привело ее в чувство.

– Я попыталась успокоиться. Сказала себе, что это обычный сумасшедший оборванец, которые постоянно толкутся

на паперти. Но настроение испортилось, как будто меня облили грязью. И страх. Мне стало страшно… Я больше не могла стоять на службе, поставила свечку и вышла на улицу. Ты представляешь, этот мерзавец стоял и ждал меня! Я сделала вид, что не замечаю его и пошла мимо. Он схватил меня грязной рукой за полу плаща, уставился прямо в глаза и забормотал: "Что, девка, брезгуешь мной? Молодого кобеля тебе подавай?" Я закричала: "Отпустите меня!" и попыталась оттолкнуть его. Но он вцепился в меня, как клещ. "Пожалей старика, девка. Подай денежку на пропитание!" Было очень необычно, что он говорил по-русски. Я знаю всех русских в нашем городке, в основном это люди состоятельные. Чтобы русский у нас опустился до нищенства – такого сроду не бывало. К тому же нищие в Канаде выглядят совсем по-другому. Это профессиональные бездомные, их ни с кем не спутаешь. А этот словно сбежал из России – таких, как он, я видела разве что в кино. Я бросила ему монету, вырвалась и пошла прочь.

Яна плюхнулась на землю рядом с Демидом, сделала большой глоток из бутылки, закашлялась. Проходящие по аллейке люди бросали на нее любопытствующие взгляды, но она не обращала на это внимания.

– В ту ночь я плохо спала, мне снились кошмары. Среди ночи с улицы раздался жуткий вой. Я вскочила и подбежала к окну. Но на улице было темно, мне так ничего и не удалось разглядеть. Заснуть я уже не смогла. Когда начало светать,

я преодолела страх, оделась и вышла на улицу. От нашего крыльца по снегу тянулся кровавый след, он вел к большому дереву, которое росло у дороги. Когда я увидела то, что висело на дереве, то закричала, как сумасшедшая. Из дома выбежал мой брат, но я ничего не могла сказать, только плакала. На дереве висел мой кот Тим. Мой любимый кот, ласковый и пушистый. Кому он помешал? Он был прибит гвоздями к дереву! Он был распят, как Иисус! Страшная, уродливая пародия на распятие. Бедный мой кот! Он был весь в крови, в бурой засохшей крови, а живот его был распорот, и кишки свисали до земли. Брат снял Тима и закопал его. Я не могла видеть это. Только через несколько часов мне удалось привести себя в порядок и я отправилась в полицейский участок. Я думала, что там все всполошатся, когда услышат о такой бессмысленной, невероятной жестокости. Но никого это не взволновало. Молодой полисмен, с которым я разговаривала, спокойно посмотрел мне в глаза и сказал: "Я очень сочувствую вам, мисс. Очень жаль, что убили вашего кота. Я даже знаю, как это выглядело. Его приколотили гвоздями к дереву на высоте три фута. Живот распороли, а кожу с головы содрали". Я была ошеломлена его информированностью: "Откуда вы знаете?" "Третий случай за последний месяц, мисс. И пятнадцатый, если не ошибаюсь, за год. Какой-то извращенец убивает кошек. Кошек, к счастью, а не людей. Так что отдельного дела я заводить не стану, а только приобщу ваш случай к другим, уже имеющимся. Не пережи-

вайте, прошу вас. Следствие уже ведется".

Джейн была неплохой рассказчицей. Она живо, в лицах изображала людей, подражая их говору, и Демид представил их, словно они стояли перед ним – старик-нищий в обносках из канадской помойки и чернокожий сержант, медлительно перекатывающий во рту жвачку.

"Кино. Вот на что это похоже".

– Я была потрясена: пятнадцать убитых живых тварей, и никто не бьет тревогу! Но когда я заявила об этом полисмену, он доверительно сказал мне: "Простите мисс, насколько я догадываюсь, вы – русская?" "Да, ответила я". "Тогда вы должны знать об этом больше меня. Это типичный почерк "русских сатанистов". Все убитые кошки были "русскими", если можно так выразиться. Впрочем, таким же способом убивают еще и коров, и овец… Это омерзительно. Но все же жертвы – животные, а не люди. В наших интересах поймать этих негодяев. Но увы, пока мы не можем ничего сделать. Еще ни один мерзавец не покусился днем на кошку, нагло приколотив ее к дереву на глазах у хозяйки. Все делается ночью. А что нам достается – кошачьи трупы? На них, знаете ли, отпечатков пальцев не остается. Извините".

Так я впервые узнала о "русских сатанистах". Я решила, что это шайка местных пакостников. Знаешь, у нас много таких. Подростки сходят с ума от безделья. Курят марихуану, красят волосы в зеленый цвет, читают непотребные книги. Воображают себя поклонниками дьявола. Для таких при-

бить к дереву десяток кошек – невинное развлечение. И я немного успокоилась.

Но неприятности на этом только начались. Сначала в нашем доме появился отвратительный запах. Он шел отовсюду, изо всех щелей, никакое проветривание не помогало. Начало заедать замки, они закрывались намертво, хотя никто к ним не прикасался. Пришлось снять все внутренние замки и задвижки в доме. Двери начали отчаянно скрипеть и хлопать сами по себе. На полу в спальне отца появилось огромное кровавое пятно. Один раз утром я обнаружила, что тяжелый шкаф ночью бесшумно сдвинулся на шесть футов и забаррикадировал дверь. Мне пришлось выбираться через окно. Наконец, однажды ночью большой ворон влетел в мое окно, со страшным громом разбил стекло, и тут же сдох у меня на кровати. Мы с братом уже не могли жить так. За неделю дом превратился в скопище кошмаров! Я стала настоящей неврастеничкой, пугалась любого шороха. Саша, человек сильный и выдержанный, стал спать с револьвером под подушкой. И у меня созрело вполне естественное решение – обратиться к священнику и окропить дом святой водой.

В то утро я направилась к церкви, полная решимости отстоять свой дом от кого бы то ни было – хоть от шайки преступников, хоть от нечистой силы. Погода была морозная, солнечная. Я шла и думала: "Все будет хорошо, ведь есть же Бог, и он защитит меня". Оставалось несколько минут ходу до церкви. Вдруг я запнулась на ровном месте и полетела но-

сом в сугроб. Я встала и оглянулась. Дорога была абсолютно ровной, и непонятно, обо что я умудрилась споткнуться. На улице никого не было. Я отряхнулась и пошла дальше. Но через несколько шагов снова полетела вниз лицом – как будто кто-то дернул меня за ногу. Я очень испугалась и побежала к церкви изо всех сил. Через несколько секунд меня буквально подкинуло и я упала – чуть голову не разбила. Я перевернулась на спину и увидела того самого оборванного старика. Он стоял рядом и гнусно ухмылялся. Я закричала: "Что вам от меня нужно? Оставьте меня в покое, ради Бога! Оставьте меня! Я ничего плохого вам не сделала!" Он посмотрел на меня презрительно. Знаешь, что он сказал? "Никуды ты теперя не денешься, голуба! Здеся ты у меня. Денежка-то, вот она!" Он раскрыл ладонь и я увидела тот злосчастный двадцатипятицентовик, который я кинула ему как милостыню. Потом он нагнулся ко мне, положил руку на грудь и заговорил. Я попыталась встать, но не могла даже пошевелиться. Потом мне стало очень больно, и я потеряла сознание…

Очнулась я уже в постели, в больнице. Рядом сидел Саша. Милый мой брат… Он так выручал меня и поддерживал. А главное, он мне верил. Мне ведь никто не верил, Демид! Ты, наверно, и сейчас считаешь, что я плету какую-то небылицу?

– Да нет, что ты, Яна. Я тебе верю. Честное слово.

– Саша сказал, что меня нашли на улице, в полумиле от церкви, я лежала без сознания. Сколько я так пролежала? Никто не знает. Конечно, я сильно простудилась. Врачи по-

ставили мне диагноз: пневмония. Я очень плохо себя чувствовала. Я умирала. Меня лечили антибиотиками, делали много раз в день инфузии в вену. Но ничего не помогало. Я задыхалась. А главное, я боялась спать. Стоило только мне заснуть, как начинали сниться жуткие кошмары. Врачи говорили, что я скоро миную кризис, поправлюсь, но в их глазах я видела свою близкую смерть. А я не могла позволить себе сдаться и просто умереть. Я боялась попасть в ад – тот самый, что снился мне в кошмарах.

И я сбежала из больницы. Вечером, когда сменялись медсестры. Я потихоньку добралась до выхода, там меня ждал брат. Он посадил меня в машину и отвез к знахарке. Ты вот смеешься над знахарями, а она спасла меня. Если бы не она, я бы давно уже умерла. У меня действительно не было болезни, которую можно бы было вылечить лекарствами. Это было гораздо хуже.

Демид встал, расправил затекшую от неудобной позы спину. Яна глядела на него, не отрываясь. И он увидел в ее голубых глазах, где-то на самом донышке, незатихшую пережитую боль. Нельзя было сказать по этой красивой загорелой девушке, что полгода назад она была высохшим дистрофиком с горячечным румянцем на щеках, но глаза ее не лгали.

– Это была очень образованная женщина. Она редко занималась знахарством, никогда не афишировала свое умение и не брала за лечение денег. Но она была потомственной русской знахаркой, единственной настоящей во всем нашем

округе. Саша отвез меня к ней, хотя она жила в другом городе, и нам пришлось проехать шестьдесят миль. Я даже не помню, как мы добирались. Я впала в бредовое состояние. Но когда Саша внес меня на руках в ее дом, я очнулась. Эта женщина просто излучала добро. Я не знала, сможет ли она мне помочь, но мне сразу стало легче. В ней не было совершенно ничего таинственного. Это была обыкновенная представительница среднего класса. Но она знала. Она поняла, что со мной случилось, лишь только бросила на меня первый взгляд.

Знахарку звали Надя. Не Надежда, а так вот коротко и ласково – Надя. Увидев меня, она всплеснула руками. "Ой, доченька, худо тебе. Не простая это болезнь, не вылечат ее доктора. Злой человек наложил на тебя чары – как стальные оковы, они сжимают душу твою бедную и не дают вздохнуть. Наслал он на тебя лихорадку лютую – трясавицу. Кто же это сделал такое? Не видела ли ты худого человека, доченька? Не давала ли ему чего?" Я прошептала: «Старик. Дала ему монетку». Надя охнула: "Да что ты, милая! Разве можно так делать? Это ведь был колдун, злой ведьмак, гореть ему вечно в аду! Никогда ничего не бери от таких людей и ничего им не давай, как бы ни просили. Он ведь не монетку, он власть над тобой взял!"

Она попросила Сашу выйти, раздела меня и внимательно осмотрела. И вдруг побледнела, как мел. Она едва не упала в обморок – она увидела на моей коже нечто, что потрясло ее

до глубины души. Она перекрестилась и прошептала: "Свят, свят". Но она была сильной женщиной, эта Надя. Она взяла меня за руку и сказала: "Смогу я тебе помочь, изгоню лихорадку злую Огнею да сестер ее Ломею и Корношу. Будет тебе избавление, красна девица. Попей вот завара душистого травяного да спи-поспи…" Под ее шепот я заснула – впервые за много дней спокойно, без кошмаров…

Демид сидел на поваленном дереве и слушал Яну, полностью отключившись от окружающего. Внезапно он уловил тонкий запах в воздухе – мистический аромат сжигаемой смолы. Запах становился сильнее, а окружающий мир потерял четкость. Кусты, деревья задрожали, растворяясь во мгле, и Демид вдруг обнаружил, что стоит в большой полутемной комнате, освещенной прыгающими язычками свечей. Видение было настолько реальным, что он зажмурил глаза и снова открыл их, ожидая увидеть привычный пейзаж зеленого парка. Но нет – перед ним были стены, увешанные пучками душистых трав, большой иконостас в углу, плотно зашторенное окно. У стены стояла большая кровать, на ней лежала обнаженная худая девушка, до пояса укрытая одеялом. Длинные белые ее волосы рассыпались по подушке, тонкие руки лежали поверх одеяла. У икон на коленях стояла женщина в длинной полотняной рубашке. Сперва Демид не слышал ни слова, но постепенно появился голос, словно кто-то медленно поворачивал ручку настройки звука:

– …и святыи архистратиги Божии: Михаиле, Гавриеле и

святыи Кузьма и Демьяне, и святыи девять мученик, и преподобный отец Сисиний и все святыи, избавьте рабу Божию Яну от всякой болезни, от лихорадки, огневиц, трясовиц и утренних, костоломных, жильных корчуньев, и изгоните из сей рабы Божьей Яны изнутри живота и сердца ее. Крест – бесам язва, крест – трясовицам изгнание… Аминь.

Демид осторожно дотронулся до распятия, висевшего на стене, пытаясь убедить себя в реальности происходящего. Но рука прошла сквозь крест бесплотной тенью, не задев его. Демид деликатно кашлянул, пытаясь привлечь внимание, но ни звука не раздалось в комнате. Женщина поднялась с колен, не видя Демида и не ощущая его присутствия. Знахарка подошла к спящей девушке, обмотала ниткой несколько длинных соломин и зажгла их, обнося дымящий пучок вокруг головы больной и нашептывая бесконечные заговоры.

Демид бесшумно подошел к кровати, и поглядел на Яну. На ее левой груди, прямо над розовым коническим соском, виднелся маленький черный знак – словно паучок вцепился в тонкую белую кожу. Зловещий холодок пробежал от затылка Демы по позвоночнику. Он наклонился, пытаясь рассмотреть метку.

– Слышь, братишка, дай закурить!

Демид услышал голос и видение пропало, словно налетевший злой ветер сдул дымку тумана. Демид снова сидел на поваленном дереве, вцепившись в жесткую кору до боли в пальцах. Он обернулся и увидел человека.

Парень нетвердо стоял на ногах, глядел тупо, мутно, спортивный костюм его был измазан зелеными травяными полосами и разорван на колене. Он пошатнулся, дохнув в лицо Демида запахом перегара, и повторил:

– Браток, ты чо, спишь, что ли? Угости куревом-то.

– Нет курева. Извини, – хмуро пробормотал Демид. Его слегка знобило. Незнакомец раздражал его, он не вписывался в мистическую картину происходящего, безжалостно разламывая ее на куски похмельным реализмом.

– Чо-то я не понял, братишка, – пьяный зло сжал губы, попытался положить заскорузлую руку с грязными ногтями на рукав Демида, но промахнулся, покачнувшись. – Ты ч-чо, зажал?

– Зажал, – холодно ответил Демид, – Еще вопросы есть? Или сразу в морду?

Парень осекся, примирительно помахал перед собой ладонями.

– Лан-но. Понял. Ты чо, мужик, обиделся? Не, ты не думай. Все нормально. Башка трещит, б… Вчерась дали хорошо… Щас пацаны за пузырем сбегают. Серега пошел. Слышь, братишка, махнем по маненькой?

– Нет, не буду.

– Я не понял. Ты чо, не уважаешь, что ли?

– Слушай, братишка, иди, а? Ты видишь, я занят.

– Ага! – мужик пьяно подмигнул. – С телкой разговоры ведем, вино пьем, со мной не хочем. Ну-ка, чо у вас тут?

Кислятина, што ли?

Он нагнулся к полупустой бутылке, стоявшей на земле, и поднял ее. Яна неприязненно отпрянула в сторону. Демид раздраженно скривился и отвесил пинка по тощей заднице наглеца. Тот выронил бутылку, вылив остатки вина, и мешком свалился на землю.

– Хватит валяться. Быстро вставай и отваливай. – Демид еле сдерживался, чтоб не навешать придурку хороших затрещин. Он терпеть не мог алкоголиков.

Пьяный медленно поднялся, и скрючившись, ретировался в кусты. Демид виновато посмотрел на Яну.

– Всегда так. Всегда найдется какой-нибудь дурак, который испортит все настроение. Ты не очень расстроилась?

– Да нет. С тобой мне нечего бояться. Ты такой сильный…

"Что со мной произошло? Наваждение? Раньше такого не случалось. Это похоже на галлюцинацию. Но в то же время я уверен, что то, что я увидел, происходило на самом деле".

Порою Дема любил читать книги про всякие мистические штучки. Не то что бы верил всему, что было написано на бумаге, но, по крайней мере, находил это забавным. Теперь же, когда он столкнулся воочию со сверхъестественным, ему жутко захотелось стать материалистом, чтобы найти всей чертовщине физическое объяснение, расклассифицировать, докопаться до причины и устранить, как вредное явление. Он чувствовал, что рациональная база его жизни шатается под ногами и все меньше событий, что происходят

с ним, поддаются какому-либо логическому анализу.

– Яна, что за знак увидела знахарка? Это был паучок такой черный?

– Откуда ты знаешь? – Янка испуганно отшатнулась от Демида. – Ты… Ты – телепат, да?

– Психопат я, – пробормотал Дема. – Крыша у меня временами едет.

– Дема, на мне осталось дьявольское проклятие… Знахарка не смогла его снять, хотя и вылечила меня от болезни. Вот, смотри…

Яна смущенно расстегнула две пуговицы на рубашке и отвернула воротник, обнажив уже знакомый Демиду знак. Он несколько увеличился с тех пор, паук стал толще и выглядел увереннее, словно медленно набирался силы, выкачивая ее у девушки. Яна дотронулась губами до уха Демида и прошептала:

– Он растет…

Демид кивнул. Яна застегнула рубашку.

– Тогда я проспала три дня, и, когда проснулась, почувствовала себя здоровой. Но Надя сказала мне: "Не радуйся, доченька. Вылечила я твое тело, но душа твоя не спасена. Лежит на тебе проклятие лютое, замок на нем заколдованный, и его снять я не в силах".

Яна тяжело вздохнула.

– Ты знаешь, если мне не удастся снять заклятие, я постепенно превращусь в рабыню этого человека. Как зомби.

Представляешь, буду ходить черная, полуразложившаяся, с пустым взглядом, и пить кровь младенцев…

Яна закатила глаза, оскалила зубы и помахала скрюченными пальцами в воздухе. Демиду стало совсем жалко бедную девочку. Она пыталась сохранить самообладание, но невысказанная черная тоска глодала ее душу.

Она попала в скверную историю, и Демид не знал, как ей помочь.

ГЛАВА 6

Демид и Яна шли вдоль самого берега Волги. Человек в своей ложносозидательной деятельности уничтожил здесь чистые песчаные отмели, замуровал их в сухую бетонную корку. Растрескавшийся белесый панцирь украшали осколки зеленого стекла, окурки и пучки выгоревшей травы, пробившиеся к свету сквозь трещины. На этом жестком матрасе кое-где сидели мальчишки, подставляя солнцу тощие спины. Справа высокий берег поднимался зеленой шершавой горой, нависал над древним краснокирпичным монастырем, настороженно уставившимся башенками церквей в небо. К монастырю поднималась дорога, усыпанная углем и раскрошенными обломками кирпича. По ней изредка проезжали машины, заставляя дрожать знойный воздух.

– Демид, – задумчиво спросила Яна, поддавая ногой гальку, попадающуюся на дороге. – Почему человек так уничтожает природу? Он вообще не обращает внимания на то, что она существует. Он делает все только так, как ему заблагорассудится, и окружает себя какой-то уродливой грязью. Это не только в России, это почти везде так. Человек обкрадывает сам себя, и удивляется при этом, что он несчастлив, что ему тяжело жить. Разве не так?

Демид пожал плечами. Он был дитем урбанистического века, вырос здесь, в этом городе, и никогда не обращал вни-

мания на пыльность и захламленность этого места. Да, действительно – грязновато немного. Но откровенно говоря, это было далеко не худшее место в городе.

"Все дело в привычке. Очень легко привыкнуть к свинарнику. Особенно, если ты никогда не жил нигде, кроме него".

– Яна, – сказал он, – вернемся к нашему делу. Я верю тебе. Как ни странно, верю. Не обижайся, это совсем не просто для меня, ведь я никогда не верил в сверхъестественные силы. Теперь я сказал себе: "Демид, может быть, весь мир сошел с ума, но *это* существует". Но скажи, Яна, чем я-то тебе смогу помочь? Почему ты решила, что я подхожу? С тебя ведь нужно снять заклятье. Здесь нужен человек, который в этом разбирается – профессионал, так сказать. Насколько я понял, в Канаде таких нет. Тогда мы найдем такого здесь. Обязательно найдем. Мне кажется, наши дальнейшие действия должны заключаться в этом.

– Все правильно, Дем. Мы будем искать такого человека, хотя это намного сложнее, чем ты себе представляешь. Здесь не подойдет ни один знахарь, даже самого высокого ранга. Нужен совершенно особый человек.

– И что же это за человек такой?

– Не знаю.

– Ну ладно, ты не знаешь, как его зовут. Но хоть как он называется? Может, это ремесло какое-нибудь специальное?

– Не знаю.

– И как же ты собираешься искать такого человека?

– Найти его можешь только ты.

– Опять старая песенка! Ну почему только я? Что во мне такого особенного? Я не против, пускай это буду я. Просто я боюсь, что ты заблуждаешься, и я не смогу тебе ничем помочь. Это будет слишком серьезная ошибка.

– Я тебе еще не все рассказала. Со мной случилось еще кое что. И это дало мне ключ к тому, как действовать дальше.

– Давай, рассказывай.

– Я тебе еще не надоела своими бесконечными сказками?

– Пока нет, – тактично сказал Демид. – И это мало похоже на сказку. Это сложная детективная история, и я обязательно должен в ней разобраться, не упустить ничего значимого.

– Хорошо. Тогда слушай дальше. После того, что случилось со мной, я не могла оставаться дома и, как только поправилась, уехала – в Квебек, к своему второму брату, Жене. Помнишь, я тебе про него говорила? Он совсем не такой, как я, или, например, как Саша. Он никогда не станет лезть в авантюры со знахарством. Я не рассказывала ему про наш случай, потому что знала, что он сразу же начнет активную деятельность – обратится в полицию в связи с нанесением его сестре телесных повреждений неопознанным субъектом, или подаст в суд на врачей госпиталя по поводу некачественного лечения и неправильно поставленного диагноза. Сам понимаешь, это не то, что нужно. Поэтому я просто сказала, что приехала погостить на недельку. Жена у него – канадка французского происхождения. Франкофон, как их

называют в Канаде. Или франкофонша? Представляешь, они говорят дома по-французски! И Женя, и жена, и двое детишек. А я по-французски ни бам-бам!

– Ни бум-бум.

– Да, ни бум-бум. – Яна улыбнулась. – Я просто не знала, что мне делать, как найти выход из положения. Больше всего я боялась навлечь неприятности на своего второго брата. Я слонялась по городу, заходила в музеи, магазины, но ни на чем не могла сосредоточиться. Тем вечером я возвращалась домой пешком. Было еще не поздно, около шести часов, но стемнело по-зимнему рано. Я проходила мимо фигурной ограды, которая окружала парк. Деревья стояли в снегу, на лапах у них были большие белые подушки… Иногда снег сваливался с ветвей с таким тихим шелестом… как шепот. Знаешь, было так красиво, тихо и безмятежно. – Лицо у Яны приняло мечтательное выражение, глаза стали темно-синими, словно в них отражался тот зимний вечер. – Я стояла лицом к ограде и смотрела на деревья. Мне не хотелось верить, что что-то в моей жизни разладилось, что самой мне угрожает смерть. Все это было так далеко… Вдруг сзади меня раздался негромкий мужской голос:

"Девушка, не оборачивайтесь, пожалуйста!"

И опять на русском языке! От ужаса у меня перехватило дыхание, я попыталась повернуться, но не смогла. Что-то удерживало меня – как в тот день, когда на меня напал колдун. Но только вдруг я почувствовала – сила, исходившая от

человека, который стоял сзади, была доброй. Я поняла это – незнакомец не желал мне зла!

"Ну вот и хорошо, что вы успокоились, Яна, – сказал голос за спиной. – Я не сделаю вам ничего плохого. Я разыскал вас, чтобы помочь, хотя это было нелегко. Извините, что не даю вам обернуться, но вы не должны видеть мое лицо".

Голос был тихий, очень приятный и внушающий доверие. Мне показалось, что он принадлежал мужчине лет пятидесяти. Я не могла повернуться и посмотреть на него, поэтому закрыла глаза и нарисовала его в воображении. Я решила, что он высокий, широкоплечий, седой. Очень красивое и благородное лицо. В длинной шубе до пят и высокой бобровой шапке.

– Ну просто Шаляпин какой-то!

– Нет, скорее Шон Коннери.

– Ты так его и не увидела?

– Нет. Может быть, это был маленький рыжий горбун двадцати лет с зубами, как у кролика. Какое это имеет значение? Все равно я всегда буду боготворить и идеализировать этого человека. Он сказал:

"Вам не повезло, Яна. На вас наложил проклятие злонамеренный и очень сильный колдун. Такие, как он, встречаются редко, и большую часть своего жизненного срока они стараются вести себя более или менее прилично, не прибегая к сильным средствам. Но с возрастом, с накоплением в них дьявольской силы, эти люди неуклонно деградируют, те-

ряют разум и становятся бесноватыми неконтролируемыми животными. Такова и эта нелюдь. Имя его – Агей. Очевидно, вы оказали ему сопротивление. Он пришел в крайнее раздражение и обрушил на вас всю свою губительную силу. Он наложил на вас страшное заклятие, какое обычный колдун произвести не в силах. Он осквернил ваш дом, и жить там больше нельзя. А теперь я скажу вам о том, о чем вы еще не знаете. Вы сбежали от Агея в другой город и считаете, что обеспечили себе безопасность. Но для колдуна это не имеет никакого значения. Он с легкостью найдет вас в любой части света. Знаете, что ждет вас тогда в дальнейшем? Если вы ничего не предпримете, брат ваш умрет в безумии через две недели. Другой брат и вся его семья погибнут позже. Вы, Яна, быстро превратитесь в агрессивную и невменяемую старуху. Дом же ваш навеки станет зачумленным местом, люди будут избегать его и рассказывать про него страшные небылицы…"

Я оцепенела от ужаса. Конечно, это могла быть издевательская шутка какого-то прохвоста, который узнал о наших бедах. Но я верила каждому его слову и ничего не могла с собой поделать. Я обратилась к нему на английском. Я не настолько хорошо знала тогда русский язык, чтобы разговаривать на нем. Но он с неожиданной настойчивостью сказал: "Яна, говорите по-русски, пожалуйста. Я совершенно не знаю английского".

– Ага, – задумчиво произнес Демид. – Стало быть, он рус-

ский.

– Ну конечно! – Яна посмотрела на Демида, как на слабоумного. – Конечно, он русский!

– И что случилось дальше?

– Он положил в мой карман что-то тяжелое. И сказал: "Эта святая вещь оборонит вас от ведуна. Это средневековый крест господень, почитаемый доминиканскими монахами и освященный, по преданию, самим Святым Домиником. Крест имеет большую силу и отныне вы становитесь его хозяйкой. Он поможет обуздать бесчинства колдуна и уничтожить большую часть его бесовских наговоров. Но само проклятие ни с вас, ни с вашего брата он не снимет. Его не сможет снять и сам Агей, даже если захочет. Ибо сила этого проклятия необычайна. Оно не имеет обратного хода. И будет сохраняться, пока жив Агей".

"Господи, неужели я проклята навеки?", – взмолилась я.

"Да, если смиритесь с судьбой. Но вы должны отправиться в Россию. Ваш долг божий состоит в том, чтобы разыскать некоего человека. Запомните: только тот, кто убьет этого колдуна, может освободить вас от его проклятия".

"И что же это за человек?"

"Этого я вам говорить не должен".

"Ну пожалуйста, скажите хоть что-нибудь! Как же я найду неизвестного мне человека в неизвестной мне стране? Все равно что искать иголку в стоге сена!"

"Полагайтесь на волю Божью, на собственный разум и ин-

туицию. Ищите и обрящете."

Дальше он рассказал мне, как при помощи подаренного креста очистить мой дом от бесовского присутствия…

* * *

Дема и Яна не заметили, как выбрались на Верхневолжскую набережную. Ноги Демида ныли. Очнувшись после спячки, желудок обнаружил свою вопиющую пустоту и подал сигнал тревоги. Дема глянул на часы.

– Мать честная! Уже полшестого! Яночка, милая, извини, что я тебя перебиваю. Ты кушать не хочешь?

– Хочу, ужасно хочу! Быстро веди меня кормить куда-нибудь, а то папе пожалуюсь! Бросил машину, таскает меня по всему городу пешком, да еще и голодом морит!

Они с хохотом ввалились в маленький хлебный магазинчик, напугав пожилую продавщицу, купили большой мягкий батон и тут же растерзали его, рыча от голодного вожделения.

– Дем, я устала. Давай поедем в гостиницу. И не смотри на меня так хитро! Я знаю, что ты сейчас скажешь. Ты предложишь мне прогуляться туда через мост. Или нет! Ты предложишь переплыть Волгу. Полчаса – и мы на месте. Я угадала?

– А что, неплохая идея!

– Я поеду на такси. Можешь плыть сам. Если хочешь, могу тебя взять покататься с собой.

– Конечно поеду. Ишь, чего надумала – одной кататься на такси! Стоит только кому-нибудь услышать твой американский акцент, вся мафия тебе на хвост сядет.

– Нет у меня никакого акцента!

– Яночка, милая! Если бы я заявился в Америку со своим английским и начал утверждать, что у меня нет никакого акцента, что бы ты сказала?

– Что ты больной синдромом Дауна, хотя и очень милый. Нет, правда, в твоем произношении есть что-то от даунов. Ой, не дерись!

– Ну ладно, прощу за то, что милый. Поехали.

* * *

Такси вырулило на площадь, носящую имя Ленина и украшенную его гигантской статуей. Черный бронзовый Ильич гордо вытягивал многометровую руку в революционном порыве – казалось, сейчас он сорвется со своего надоевшего пьедестала и, чеканя многотонный шаг, перейдет Волгу, которая окажется ему по колено. Сзади от фигуры вождя толпился трехметровый металлический народец, символизирующий пролетариат, беднейшее крестьянство и, вероятно, РККА. Сто лет назад эта площадь была заполнена ярмарочными балаганами – красивыми деревянными домиками в русском, китайском, турецком стиле. Со всех концов мира стекалось сюда деловитое племя купцов, они торговали

любыми товарами, какие только существовали на свете, и, наверное, считали что так будет во веки вечные. По весне все это ярмарочное безобразие затоплялось разливающейся рекою, и из воды торчали только шпили балаганных башенок, да два величественных собора молча отражались в хмурой мартовской синеве. Но время смахнуло свой разрушающей ладонью этот рассадник человеческих страстей и ныне только витиеватое здание Большого ярмарочного дома напоминало о прошлом. Теперь все здесь было современно, просторно и прямоугольно. Гостиница, в которой поселилась Яна, занимала почетное место по правую руку от Ленина и даже превосходила его ростом, поглядывая на бронзовую макушку сверху с некоторым снисхождением.

Демид первым выскочил из машины, обежал ее и открыл дверцу, с чрезмерным усердием помогая выйти Яне. Она гордо ступила на тротуар, окинула окрестности величавым взглядом и произнесла со страшным иностранным акцентом:

– Спасьибо, малтшик! Отнеситье вещи в мой руум!

Пришлось Демиду подниматься в номер Яны. Далее пришлось сопроводить ее в ресторан и плотно перекусить. Настолько плотно, что, когда с ужином было покончено, Дема чувствовал себя так, словно проглотил футбольный мяч. Это было здорово. Не хотелось думать о предстоящих проблемах, о каких-то нечесаных колдунах, заклятиях, ворожбе и прочей дряни. Нет, Дема определенно был несерьезным

молодым человеком и ироническое отношение к окружающей действительности не давало ему глубоко проникнуться сложностью положения.

– Дема, пойдем в номер. Я так и не рассказала тебе все до конца.

– А может, хватит на сегодня? Пивка тяпнем, в дансинг куда-нибудь сходим?

– Перестань ерничать. У меня не получается долго веселиться. Хочется отвлечься, забыть обо всех моих делах, но что тут поделаешь? Я как больная СПИДом – с виду здорова, но знаю, что ношу в себе эту гадость, да еще и боюсь заразить ей кого-нибудь из близких.

Они поднялись в номер. Большая комната была обставлена в советском гостиничном стиле – кровать с подушкой, стоящей домиком, небольшой диван, кресло и журнальный столик. Яна включила настольную лампу, и комната погрузилась в уютный полумрак. Девушка забралась с ногами на кровать и грустно посмотрела на Демида.

– Дем, может быть, действительно на сегодня достаточно? По-моему, у тебя несерьезное настроение.

– Да нет, Яна, все нормально. Прости, если я тебя чем-то обидел.

Демид сел рядом с девушкой, она положила голову ему на плечо. Некоторое время они сидели в задумчивой тишине.

– Ну хорошо. Помнишь, я рассказала тебе о встрече с незнакомцем. Он объяснил мне, как очистить мой дом. А

потом… Я вдруг почувствовала, что меня больше ничто не держит и сразу повернулась. Но сзади никого не было. Представляешь, не было даже следов на снегу! Как будто мне все причудилось. Я сунула руку в карман. Крест был на месте. Вот, смотри.

Она достала из сумочки крест и положила его в руку Демиду. Крест был тяжелым и теплым – словно живым. Он был сделан из полированного серебра – чистый и белый. Два простых прямоугольных брусочка без рисунков и надписей. Дема покачал его на ладони.

– Как же ты носишь его в сумке? Его же можно потерять. Украсть, в конце концов, могут.

– Его нельзя украсть. Однажды какой-то воришка разрезал в автобусе мою сумку и попытался его вытащить. Знаешь, как он закричал! Крест обжег ему руку. Этот крест чует плохих людей. И дом мой очистить он мне помог…

– Как это было?

– Я осмотрела всю мою комнату, и нашла на ручке рамы длинный волос, завязанный узлом. Он был не человеческий – какой-то жесткий и странный, как будто собачий или волчий. Я ожидала, что найду его, и знала, что ни в коем случае нельзя дотрагиваться до него руками. Или позволить дотронуться до меня. Потому что он был как живой. Я взяла его пинцетом, а он начал извиваться! Я дотронулась до него крестом и он вспыхнул. И мгновенно сгорел, даже без запаха. Потом я вымыла все в доме и собрала весь сор до мельчай-

шей пылинки. Все это сожгла в камине, набросав туда цветков пижмы и бузины, плакун-травы, девясила. Пепел выгребла и развеяла в полнолуние в ельнике со словами: "Прими, колдун, свои чары обратно". После этого я сама освятила воду своим крестом, обошла все углы в доме, обрызгала все углы святой водой и трижды прочитала в каждой комнате наговор против нечистой силы. Священника я не приглашала. И ты знаешь, помогло! Я чувствовала, как с каждой отвоеванной комнатой свежий воздух врывается в наш дом, как будто раньше что-то не давало ему туда проникнуть.

А через неделю приехал папа. Я боялась, что с его приездом все неприятности начнутся снова, что Агей попытается причинить зло отцу. Но ничего не произошло. Видно, мой крест оберегал всех нас. Но я знала, что спокойствие это просуществует недолго, и мне нужно собираться в Россию. Я сказала отцу, что собираюсь изучать русский фольклор. Что в будущем поступлю в университет, а сейчас записываюсь на курсы изучения русского языка. Знаешь, как он обрадовался! Он просто прыгал вокруг меня! Он ведь помешан на всем русском. Хочет возрождать здесь старообрядческие общины, церковь в каком-то селе построить. Он даже не знает ничего, что творится с его дочерью. И слава Богу, что не знает. А то он с ума сойдет. Папка у меня замечательный. Понравился тебе?

– Очень, – соврал Демид.

Мистер Ежов был человеком, безусловно, основательным

и приятным. Но вот машину своей дочке ненаглядной мог бы и получше дать. Американцы, они все жмоты.

– Ну и славно. Деревенские мужики его тоже очень любят. Они часами могут о чем-то разговаривать, он для них совсем свой.

– Свой в доску. У нас это так называется.

– Свой в… доску? Надо запомнить. – Янка уютно устроилась на подушке. – Дем, расскажи мне что-нибудь, – сказала она сонным голосом. – Только не страшное.

– Ладно… Хочешь, расскажу, как монах Бодхидхарма беседовал с великим императором У-ди? Это не страшно, честное слово.

Яна заснула через пять минут под тихий рассказ Демида. Она свернулась калачиком и лицо ее приняло по-детски безмятежное выражение. Дема прикрыл ей ноги покрывалом – осторожно, чтобы не разбудить. А потом погасил лампу, прилег на диван и сразу заснул.

ГЛАВА 7

Демид проснулся от мягкого прикосновения к щеке. Демид уловил нежный мятный аромат. Демид вспомнил все, что случилось с ним вчера и понял, что счастлив.

Демид открыл глаза и увидел Яну.

С ним случилось то, что он встретил Яну.

Она сидела рядом с ним, на краешке дивана, и улыбалась. На ней была длинная белая майка, а майку украшал рисунок – голубые крылышки с оранжевой надписью "TORONTO FLYERS". Две буковки "R" поднимались соблазнительными бугорками на груди девушки. Майка едва прикрывала длинные загорелые ноги Яны.

Демид понял вдруг, что счастлив не совсем. Что есть еще кое-что, что он может получить, и что сделает его еще более счастливым. Окончательно счастливым.

Если Яна, конечно, захочет.

А она должна захотеть. Она не может не захотеть его.

Но это потом. Потом. Нельзя спешить, потому что счастьем тоже можно подавиться.

– Доброе утро, соня. – Яна наклонилась к Демиду и провела рукой по его волосам.

– Яна… – Дема взял руку девушки и поцеловал ее в ладошку. – Здравствуй, Янка. Значит, ты мне не приснилась?

– Приснилась. Сейчас превращусь в страшное чудовище.

– С голубыми крылышками?

– Вставай, фантазер, – засмеялась Янка. – Я приготовила завтрак.

Демид откинул голову и закрыл глаза.

"О Боже, мечты сбываются. Конечно, это будет пережаренная яичница!"

Он не угадал. Яна соорудила несколько больших бутербродов, переложив колбасу и сыр листиками петрушки. И заварила чай.

Дема сполоснул физиономию в ванной, критически посмотрел на свое отражение в зеркале.

"Да, конечно, не Том Круз. И побриться не мешает. Ладно, двухдневная щетина сейчас в моде!"

Дема бесшумно вошел в кухню. Яна стояла, повернувшись спиной к двери, и смотрела в окно. Мягкий утренний свет проникал сквозь одежду и обрисовывал ее тонкий силуэт. Демид мысленно обвел эту картину в рамку, назвал ее "Девушка, которую я хочу" и повесил на стену в своей комнате.

Яна повернулась, и Демид быстро отвел взгляд, изобразив, что дьявольски заинтересован бутербродами.

– Ну, мистер Холмс, каков ваш план действий? – спросила Яна. Она откусывала от бутерброда небольшие кусочки и запивала их горячим чаем. Взгляд ее был лукавым. Она смотрела на Демида как на забавную зверушку из зоопарка. Так детишки смотрят сквозь толстое поцарапанное стекло на

удава, заглатывающего мышь. Дема запихал бутерброд в рот и чавкал, пытаясь запить его чаем и прожевать.

– Ешть ошлишное прежложение. – Дема наконец-то проглотил хлеб и вздохнул свободно. – Берем машину, едем к одному ханурику. Он свихнулся на колдунах и магии. Может быть, он назовет нам пару подходящих людей.

– Ханурик? Это что такое?

– Увидишь – поймешь.

– Дем, – помолчав и собравшись с мыслями, сказала Яна. – Спасибо, что остался со мной переночевать. Мне одной бывает очень страшно.

– Не за что. Это теперь моя обязанность – охранять тебя днем и ночью. Надоем тебе еще до смерти.

– Дема, я спала спокойно? Ничего странного ночью не происходило?

– Нет, вроде бы. А что такое? Что могло случиться?

– Да ничего. Все хорошо. – Яна попыталась изобразить улыбку, но глаза ее не улыбались.

* * *

Они долго петляли по узким улочкам старого Нижнего Новгорода, осторожно переезжая через огромные выбоины, сохранившиеся с незапамятных времен. Большинство домов пережили свой век и вопиюще нуждались в ремонте. Но в самой атмосфере тихих улиц, спрятавшихся в тени тополей,

витал неумерший дух российского провинциального гражданства. Многие поколения людей рождались в этих домах, гоняли босоногими пацанами по пыльным обочинам, вырастали, заводили детишек, и незаметно старились. Некогда эти дома принадлежали людям зажиточным – те выстраивали их на зависть бедным соседям, и само строение говорило о солидности хозяина. Отштукатуренный первый этаж с полукруглыми окнами предназначался для кухни, подсобных помещений, а часто и для бакалейной либо скобяной лавчонки. На втором же этаже размещались светелки и гостиная с непременным пузатым самоваром. Выглядывая из окон второго этажа, гордый российский мещанин обозревал окрестности, заполненные мельтешащим людом, и чувствовал себя вознесенным над земной суетой. Увы, за полтора столетия домишки перекосились словно параличные старики. На фоне выступающих за их спинами серых многоэтажных параллелепипедов они выглядели архаично и настороженно. Да и народ жил здесь уже не тот – энергичные жители давно перебрались в новые бетонные кубики и наслаждались горячей водой, канализацией и мусоропроводом. А в обветшавших сырых комнатушках с провисшими потолками ютились старушки, спившиеся мужики, да малоимущие молодые семьи, с отчаянья снявшие по дешевке квартиру и теперь ежечасно бегающие за водой к колонке, чтобы стирать пеленки своего недовольного младенца. Городские власти были не в состоянии расселить отсюда людей и начать новое строительство,

ибо в каждой крохотной квартирке оказывалось прописанным такое количество родственников самого разного калибра, что хватило бы заселить целый подъезд девятиэтажного дома.

Демид остановил машину около особнячка, некогда окрашенного в бодрый розовый цвет. Теперь от былой роскоши остались только неровные лишайные пятна, да ажурный козырек над входом, сохранивший один чугунный столб, а с другой стороны подпертый длинным бревном. Покрытие на первом этаже отваливалась большими клочьями, обнажая решетчатую дранку и гнилой деревянный сруб.

Яне, кажется, очень понравилась вся эта экзотика. Она с любопытством озиралась, выйдя из машины. Демид дернул за ручку, и дверь едва не вывалилась из косяка. Дема осторожно приоткрыл ее, из темного коридора потянуло затхлым запахом. Дема поманил Яну рукой и они поднялись по крутой лестнице, настолько расшатанной, что у нее не было сил скрипеть – она издавала только трухлявый шепот. Демид без стука раскрыл дверь, ощетинившуюся космами пакли и крикнул:

– Костя, ты здесь?

Одеяло на диванном матраце, стоявшем без ножек на полу, зашевелилось и высунулась лохматая голова существа неопределенного пола. Худая рука зашарила по полу, нашла очки и водрузила их на нос. Комната была почти свободна от мебели – только вышеупомянутый диван, деревянный стул и

сгорбленный письменный стол украшали ее. Везде – на столе, на полу, на подоконнике, лежали книги, газеты, журналы, желтые стопки вырезок. При всей бедности обстановки чувствовался некий порядок, в расположении бумаг был виден смысл, неясная, но определенно существующая цель. Человек, который здесь проживал, не был пропойцей, он просто пренебрегал материальными благами во имя некой идеи.

– Принимай гостей, – сказал Демид. – Познакомься, Яна. Это Константин… – Демид прищурился, пытаясь вспомнить фамилию, но потом оставил это безнадежное дело. – Просто Костя.

– Очень приятно, – мило улыбнулась Яна.

Молодой человек сел на диван, прикрыв тощие ноги одеялом, и смущенно кивнул головой.

– Костя, мы к тебе на две минутки. Нам нужен человек, который хорошо разбирается во всяких колдовских штучках. Дай адресок.

– А я не подхожу? – спросил Костя обиженным тоном.

– Не подходишь. У тебя каша в голове. Давай, давай, шевелись.

Яна укоризненно поглядела на Демида – мол, зачем обижать убогого. Но Дема не собирался тратить целый день на выслушивание костиных бредней, в которых в неразделимый клубок связались НЛО, зеленые человечки, биополе и микролептонные потоки. Он собирался без лишних нежностей выудить информацию и наконец-то заняться делом.

Костя натянул старые тренировочные штаны, смущенно извиваясь под одеялом. Потом встал и подошел к своей священной коллекции.

– Тебя какие колдуны интересуют? Русские? Европейские? Африканские?

– Мадагаскарские! – огрызнулся Демид. – Я же тебе сказал: дай адрес какого-нибудь местного колдуна, и не самого завалящего.

– Хорошо, хорошо, Дема. – Костик начал суетливо рыться в ворохах бумаги и, наконец, выудил потрепанную записную книжку. – Вот, – показал он пальцем адрес. – По-моему, это подойдет. Это бабка Матрена, известная как Мокошь. Живет в двадцати километрах от города. И еще вот этот адрес запиши: это очень умный человек, он может проконсультировать тебя по вопросам магии.

– Спасибо. – Демид записал адреса на бумажке и сунул в карман. На, это тебе. – Он сунул деньги Косте в руку.

– Ой, Дем, не надо. – Костя зарделся. – Ты что, я и так тебе обязан. Ты для меня столько сделал…

– Ничего я для тебя не сделал, если ты так живешь. Бери деньги, а то помрешь тут с голоду. А лучше бросай свою бумажную фанаберию, займись делом. Шизанешься ведь окончательно.

– Дем, ну подожди, я тебе объясню…

– Ничего мне объяснять не нужно. Мы с тобой все выяснили сто лет назад. Если соберешься стать нормальным че-

ловеком – звони. Постараюсь помочь. Ну ладно, пока.

Демид похлопал парня по плечу, взгляд его несколько потеплел. Он повернулся к Яне и тихо сказал:

– Пойдем, пока эта избушка не развалилась.

* * *

– Демид, за что ты его так? – грустно спросила Янка.

– Как? Знаешь, сколько я с ним пронянчился? У него же золотые руки, он радист от Бога. Он своими руками может любой "Панасоник" сконструировать и собрать. Еще три года назад у него было все – дом, отличная жена, куча друзей. Но он все это бросил – и ради чего? Ради идиотских штучек, которыми люди морочат друг друга? Не могу я этого понять…

Яна молчала, упрямо сжав губы. Демид несся по загородному шоссе, обгоняя пыхтящие машины и понемногу успокаиваясь. Константин явно не вписывался в его жизненные установки, но не стоило из-за этого так расстраиваться.

"Демид, чего ты добиваешься? – сказал он сам себе. – Хочешь сделать всех людей счастливыми? Ты вбил себе в голову, что являешься самым правильным человеком на свете, а теперь хочешь переделать всех остальных по собственному образцу? Выкинь эту блажь из головы. Все люди устроены по-разному. Каждый выбирает свой собственный путь, и если он предпочитает жить как идиот, пускай так и живет. Не

надо лезть к нему в душу и доказывать, что он несчастлив. Он просто избывает свою карму. Ты ведь не Бог, Демид, и не можешь лепить человека по образу своему и подобию. А потому не смей свысока относиться к людям. Помни золотое правило: хочешь сделать человека счастливым – оставь его в покое".

– Хочешь сделать человека счастливым – оставь его в покое, – пробормотал Демид и очнулся. И обнаружил, что несется по дороге с дикой скоростью, полностью утопив педаль газа и обгоняя всех подряд. Автомобили испуганно шарахались в стороны, возмущенно сигналя. Дему прошиб холодный пот. Езда с такой скоростью на машине, у которой в любой момент могут отказать тормоза или рулевое управление – самоубийственное разгильдяйство. Дема резко затормозил и вырулил на обочину.

– Демид, что случилось? – Яна с недоумением смотрела на своего лихого шофера.

– Я даже не заглянул под капот, прежде чем ехать на этой развалине.

Демид вышел из машины и открыл крышку капота. Глаза его полезли на лоб.

– Ничего себе! Янка, что это такое?

– Где?

– Вот это. – Демид ткнул пальцем в железные внутренности жигулей.

– Мотор, я так думаю.

– Это не просто мотор. Это новый мотор! Смотри-ка, сплошное новье. Блестит, как только что с завода. – Демид полез пальцами под масляные шланги, обжигаясь о разогретый металл. – Ничего не течет. Сухо и горячо, как в Каракумах. – Он опустился на четвереньки в дорожную пыль и попытался засунуть голову под машину. – Резина новая… И глушак даже не заржавел. Слушай, что это такое? Опять проделки старого колдуна?

– Демид, что тебе не нравится?

– Мне не нравится? – Демид кряхтя выпрямился. – Да я просто тащусь! Какой-то шутник подменил нашу машину! Взял старый побитый кузов и поставил его на новый Жигуль. Новый, понимаешь, полностью новый!

– Ну, машина ведь побывала в ремонте…

– Не понимаю, какой смысл пересаживать старый кузов на новую несущую часть и мотор. Легче просто взять новую машину…

Демид посмотрел на Яну и понял, что его провели. Янка не смогла удержать серьезную мину и прыснула в кулачок. Потом изобразила скромную улыбку.

– Ну, я просто решила, что лучше оставить для новой машины старую внешность. Это обошлось недорого. Чуть подороже, чем новые Жигули. Я подумала, что так мы будем привлекать меньше внимания.

Демид ошарашенно молчал, не зная, что сказать. Вот это подколка! Хохма стоимостью в его годовой заработок! Нет,

он явно недооценил эту девчонку.

– Демид, извини, что я не предупредила тебя. Ну, не молчи.

– Янка, ты чудо. В перьях.

Демид, все еще не веря глазам, плюхнулся на сиденье. Приключения последних дней выбили его из колеи, и когда серый металл нового двигателя тускло блеснул на солнце, ему показалось, что у машины сейчас вырастут клыки или длинный полосатый хвост, хищно бьющий по земле. Он осознал, что живет в ожидании подвоха со стороны любой, пусть даже самой привычной вещи.

– Демид, а куда мы едем?

– К бабке Матрене. Называет себя колдуньей, хотя, по твоей классификации это знахарка.

– А что мы будем там делать?

– Посмотрим. Не думаю, что она такая сильная колдунья, чтобы снять с тебя заклятье. Но, по крайней мере, познакомимся поближе с предметом нашего расследования. Поговорим, поглядим, на что она способна.

"А заодно попробую забраться к ней в мыслишки. Глядишь, и выужу какую-нибудь информацию".

Он давно не занимался этим делом. Путешествие по чужим мозгам (Демид называл его "подглядыванием") отнимало много нервной энергии, да и относился к нему Демид с какой-то брезгливостью. К тому же большинство людей, к которым Демид пытался пролезть в мысли, сразу ощущали

беспокойство, иногда даже впадали в панику. И все же стоило вновь заняться этим. Потренироваться для пользы дела.

– Дем, а как мы узнаем, хорошая это знахарка или шарлатанка? Может быть, только время потеряем?

– Ну, если адрес мне дал Костик, это уже неспроста. Конечно, она сходу должна определить, что ты – девушка необычная. Я думаю, что твоя аура должна ее испугать. Если она ничего не почувствует, грош ей цена.

Они свернули на проселочную дорогу и покатили к недалекой деревеньке, оставляя за собой шлейф пыли. На окраине Демид тормознул около сморщенного деда, сидевшего на скамейке и пыхтевшего вонючей самокруткой.

– Добрый день.

– День доброй.

– Не подскажете, где дом бабки Матрены?

– Мокошь-то где живет? Да тута, через три дома будет.

Изба бабки Матрены не слишком отличалась от других домов на улице. Черный сруб без особых изысков не украшали никакие колдовские чудачества, как, например, прибитые крест-накрест лошадиные челюсти или медвежий череп, насаженный на кол. Едва Демид подошел к калитке, из конуры вылетел плечистый лохматый пес, гавкая басисто, но без особого усердия. Хозяйка дома, перекатываясь, прихрамывая на обе ноги, шла из огорода. Большие ее руки с пальцами, искривленными и расплющенными артритом, были испачканы в земле. Глаза из-под старого цветастого плат-

ка, повязанного на голову с пиратской лихостью, смотрели на незнакомцев хмуро и подозрительно.

– Добрый день. Не вы ли будете Матрена?

– Ну, я буду. По какому делу приехали – по хорошему или плохому?

– Да вот, вас рекомендовали нам. Нам нужно обследовать девушку… – Демид показал глазами на Яну, стоявшую поодаль и напряженно всматривавшуюся в лицо Мокоши.

– Комендовали? Кто это вас комендовал? Ничаво такого я не делаю, и оставьте стару женщину в покое.

– Извините! Почему вы не хотите иметь с нами дела? Нам очень нужна помощь!

Матрена обернулась.

– Помощь, говоришь? Да никто ей не поможет! Не знаю, чего такое она исделала, но грех на ней лежит великий. Не буду я с ней связываться, да и тебе, мил человек, не советую. Проклята она, загублена.

Демид посмотрел на Яну. Яна стояла, побледнев. Внезапно она крикнула жалобным, срывающимся голосом:

– Матушка, не уходи, Христа ради! Моей вины здесь нет! Пожалей меня! Если ты мне не поможешь, Господь тебе не простит!

Даже пес притих и посмотрел на Яну грустными глазами. Матрена остановилась в раздумье. Потом мотнула головой в сторону дома:

– Ладно, проходите.

В доме пряно пахло травами. По стенам были развешаны пучки сухих растений, обстановка чем-то напомнила Демиду комнату Нади. Только здесь не было примет цивилизации – телевизора, радио, даже электрической лампочки. Очевидно, вечером дом освещался свечами. Яна, входя, поклонилась и трижды перекрестилась на образа. Старуха посмотрела на нее с интересом.

– Ну, мила девица, чего ты хочешь со старой Матрены? Чтоб полечила я тебя или чтоб паренька тебе красивого присушила? Или тоску на кого напустила?

– Полечите меня, бабушка.

– Ишь, куды хватила. Дай-кось, посмотрю я на тебя, девонька. Как зовут-то?

– Яна.

– Яна… Как-то не по-нашему. И разговаривашь не по-нашему. Откуда взялась така?

– Эстонка она… – Демид попробовал встрять в разговор, делая Яне знаки, но бабка яростно сверкнула глазом в его сторону, и Дема заткнулся. Да, что и говорить, залезть без скандала в мозги к такой шустрой бабке было делом немыслимым.

Матрена не спеша водила руками перед девушкой, хмурясь и что-то шепча под нос. Потом вдруг перекрестилась и сплюнула через плечо.

– А ну-ка милка, скидай сорочку-то. Покажь, что у тебя за знак там такой бесовской. Думашь, не вижу? Сымай, сымай,

стесняшься, что ли?

Янка смущенно покосилась на Демида, но он молчал. Яна перекрестила руки и стащила майку через голову. Две аккуратные грудки упруго подпрыгнули, и паучок подпрыгнул вместе с ними.

– Изыде дьяволе от дому сего, – пробормотала знахарка. – Никак, сам Агей тебя пожаловал. Его знак-то, не спутаешь. Где ж ты, милая, этому супостату дорогу перешла?

Глаза у Демида полезли на лоб. Что угодно он ожидал услышать, но только не это. Чтобы бабка в российской глубинке знала, и не понаслышке, канадского колдуна!..

– А кто такой Агей, матушка? – Демид спросил, ожидая, что старуха снова цыкнет на него. Но Матрена лишь горько усмехнулась.

– Агей-то? Агей и есть. Нежить он, продал диаволу душу вместе со всеми потрохами. Хуже его ни одной собаки не быват. Таких лихоимцев, как он, со старых времен не было. Откуда только взялся на роду человеческом такой паразит каянный!

– А где он живет-то? – осторожно продолжал допытываться Демид.

– А где хошь. Носит его по белу свету, людям на погибель. Нечиста сила не дает ему на месте сидеть, пятки чешет, душу гложет. Но здесь-то давно его не бывало, годов двадцать. Я чаяла, сдох он давно, нехристь поганая. Да видать, нелегко помереть старому ведьмаку, не принимат его земля. – Она

повернулась к Яне. – А ты одевайся, ласточка. Говорила я тебе сразу – ничего я для тебе сделать не смогу. Жаль мне тебя, Яна, жаль душу твою христианску, да только не моя это работа. Господь с тобой…

Яна села на скамью и опустила руки на голову.

– Что же мне делать, бедной? Никому я не нужна…

Старушка села рядом с ней, погладила изувеченной рукой.

– Слыхала я, есть на свете такие люди, которые самим Богом приставлены следить за ведьмаками, чтобы не допускали они безобразия. Говорила мне об этом моя бабка: "Гляди, Мотря, не переступай заповедь Божию, не якшайся с бесом, направляй даденную тебе силу на добро. Нето приидет Защитник Господень, и сверзит тебя посохом огненным прямо в пекло!" С тех пор ни от кого я про таких людей не слыхала, и сама язык не распускала. Не знаю, правда это, али нет, но только простой человек тебя от этого заклятия не избавит.

Демид чувствовал, что где-то в воздухе носится конец нити. Той невидимой нити, ухватившись за которую, можно размотать всю логику событий.

– Матрена… Посмотрите меня, пожалуйста. Может, и на мне какой-нибудь сглаз есть?

Старушка подняла голову.

– Нечего тебя смотреть. Тебя, милок, ни сглазить, ни испортить нельзя. По мне, так ты вообще не человек. Нету от тебя ни духа человеческого, ни сияния, ни венца злого. Ты

как броней железной закрыт. Не знаю уж, к чему это, пропащая твоя душа или наоборот, добродетель великая, но только не мне тебя судить. Хотя погодь, погодь…

Она взяла коробок и высыпала спички на стол перед Демидом. Он озадаченно глядел на старуху, пытаясь понять, что от него требуется.

– Ну, чего смотришь? Подымай спички-то!

Демид протянул пальцы к столу.

– Да не рукой, бестолочь! – гаркнула бабка. – Взглядом подымай!

Демид вытаращился на спички, чувствуя себя идиотом. Ни малейшего движения на столе не наблюдалось. Мокошь громко зашептала что-то и прикоснулась к рукаву Демида. Вдруг Демид почувствовал приятную легкость в теле, как будто свежий весенний ветер ворвался в душную комнату. Спички медленно поднялись со стола, выстраиваясь в воздухе в сложную многогранную конструкцию. Она медленно поплыла к окну, вращаясь вокруг собственной оси.

Яна вскрикнула и спички с тихим шорохом рассыпались по полу. В комнате наступила глубокая тишина. Демид не выдержал и суеверно перекрестился.

– Как это вам удается? – спросил он Матрену. Бабка смотрела на него с открытым ртом, как на инопланетянина.

– Мне? Господь с тобой! Да ведь это ты их поднял!

– Так. – Демид деловито оперся на стол. – И что же это означает?

– Это означат, что человек ты непростой. Тебе дадена власть над неживыми вещами. От Бога эта власть или от Сатаны, я не знаю. Да только одно я тебе скажу. Если, к примеру, у колдуна есть така власть, то это уж всем колдунам колдун. Он может даже скрозь стены проходить. Необычное это дело. Ну а чтоб доброму человеку такое давалось? Не слышала я об этом… Идите-ка вы, голуби мои, от греха подальше, и не вводите в грех стару бабку Матрену.

Она вытолкала их за дверь, и пес привычно облаял их вслед – не со зла, а подчиняясь служебной необходимости. Демид тихо ругался. Дело не прояснялось, а запутывалось все больше и больше.

Демид мрачно крутил баранку. Машина чувствовала его раздражение – виэжала на поворотах, норовя слететь на обочину, взревывала на подъемах и дергалась, как паралитик, когда Дема переключал скорости.

– Ну, что ты теперь скажешь, Демид?

– Не знаю. У меня такое впечатление, что все люди на свете пытаются доказать мне, что я какой-то необыкновенный, что я обладаю паранормальными способностями, а эта бабка вообще заявила, что я не человек. Ничего себе! Что же я – марсианин, что ли? Или ангел небесный, только без крылышек? Защитник Божий… Может быть, ты считаешь, что я и есть этот Защитник?

– Нет, не считаю. Неужели не понятно: Защитник – это тот человек, который передал мне крест. Живет он где-то в

России, его нам и нужно искать.

– Что же он тебе сразу не помог? Снял бы заклятие это чертово, да и дело с концом!

– Наверное, все не так-то просто. Откуда ты знаешь, что он вообще там был? Следов на снегу не оставил, видеть его я не видела. Может быть, только голос его и был?

– А как же крест?

– Вот найдем его, тогда и спросим про крест. Ты мне лучше скажи, что ты думаешь о летающих спичках?

– Бабка дурила нас, это же ясно.

– По-моему, это ты дуришь меня.

– Я? И не думаю. С чего бы это…

– Ты пытаешься скрыть от меня свои способности.

– Какие такие способности?

– Телепатия, телекинез. Ты умеешь это делать.

– Ничего я не умею. Я и слов-то таких не знаю.

– Останови машину, – зло произнесла Яна.

– Зачем?

– Останови! – крикнула Яна. – Почему ты меня не слушаешься? Ты должен слушаться меня, тебе за это деньги платят!

– Ну ладно… – Демид резко вырулил на обочину и затормозил. – Что дальше?

– Выходи!

– Уже увольняешь меня? Быстренько… Не думаю, что твой папа будет доволен.

– Выходи, я сказала!

Демид пожал плечами, открыл дверцу и медленно выполз наружу. Черт, что случилось с девчонкой? Разъярилась как фурия – внезапно, безо всяких видимых причин.

Яна выскочила из машины, хлопнула дверью и подлетела к Демиду. Раскочегарилась она не на шутку. Лицо ее покрылось красными пятнами, кулаки сжались. Демиду показалось, что еще мгновение – и она съездит ему по морде.

– Тихо, тихо… – он отступил на три шага назад. – Спокойно, Яна. Бить меня не нужно, я хороший…

– Ты плохой, нечестный!

– Почему?

– Потому что я не просто так наняла тебя. Когда я увидела, что ты телепат и телекинетик, я сразу поняла, что ты – тот, кто мне нужен. И ты обещал помочь мне. А теперь притворяешься, что ты нормальный человек!

– Я и есть нормальный.

– Ты можешь читать чужие мысли. И можешь двигать предметы без помощи рук.

– Откуда ты знаешь?

– Я это сразу поняла, еще в тот день, когда ты чинил мою машину. Ты тогда попытался залезть в мои мысли. Я это почувствовала – ощущение-то знакомое!

– Ладно, Ян, извини… – Демид изобразил на лице раскаяние. – Больше не буду.

– Подожди, я еще не все сказала. Итак, у меня тогда за-

глохла машина. Заглохла после того, как проехала мимо тебя, что само по себе уже подозрительно. Я так думаю, что это ты заставил ее остановиться. Дальше ты вызывался мне помочь. И вместо того, чтобы лезть в мотор и копаться в стартере, ты закрыл глаза и начинал медитировать. Это что, нормально? Я видела, что у тебя ничего не получается, и решила как-то помочь. Я достала мой крест и тихонько дотронулась до твоей руки. И машина сразу завелась! Без ключа!

– Стало быть, крест мне тогда помог? И что это значит?

– Я много думала над этим. И поняла. Ты – тот человек, который должен привести меня к Защитнику. Хочешь ты этого или нет, но ты – ключ к разгадке. Я пришла к папе, сказала, что ты спас меня на дороге, что ты умный, сильный, надежный и порядочный, и что он должен нанять тебя в качестве бодигарда. Он проверил данные на тебя, убедился в том, что ты и вправду хорош, и вот ты здесь…

– Ну ладно, сознаюсь, – Демид виновато развел руками. – Я – чертов телепат и хренов телекинетик. И что это меняет? Почему ты решила, что я приведу тебя прямой дорогой к Защитнику?

– Я уже объясняла тебе! Потому что мой крест тебе помог!

– Это случайность…

– Не случайность! – выкрикнула Яна. – Ничего в этом мире не случайно! Это знак свыше! – Яна показала пальцем в небо. – А если ты не хочешь мне помочь, так сразу и говори!

– Я хочу тебе помочь, – тихо сказал Демид. – Очень хо-

чу. Но боюсь, что твоя вера в мою исключительность – всего лишь иллюзия. А иллюзии, как известно, ведут к жестоким разочарованиям.

– Нет, не иллюзия. Я все делаю правильно.

– Завидую твоей уверенности, – сказал Демид. – От души завидую.

ГЛАВА 8

Демид и Яна подошли к большой двери, обтянутой дерматином. На стене блестела старомодная латунная табличка с надписью: "Проф. В.С. Подольский". Второй адрес, данный Костей.

Дема позвонил. Через несколько минут по ту сторону двери раздались шаркающие шаги. Дверь приоткрылась настолько, насколько ей позволяла цепочка, и в образовавшейся щели появился внимательный глаз.

– Добрый день, Виктор Сергеевич. Извините, что вас беспокоим. Мне дал ваш адрес Константин. Нам необходима ваша консультация.

– Очень приятно, проходите. – Профессор Подольский, в противоположность бабке Матрене, оказался приятным и неподозрительным человеком. – Всегда рад гостям, хотя что-то не балуют они меня в последнее время.

Чувствовалось, что раньше в этом доме часто бывали студенты – заходили посоветоваться с популярным и демократичным преподавателем, неизменно приглашались выпить чашечку чая с сушками, и надолго задерживались в просторной кухне, способной вместить человек двадцать. Наверное, и сейчас славному профессору не хватало молодых людей и очаровательных девушек, незаметно увлекающихся спором до полуночи. Старичок выглядел бодро, голос его был хоро-

шо поставлен, а в манере обращения присутствовала некоторая профессиональная покровительственность, оставшаяся от преподавательских времен.

– Значит, Костя Зыбин? Что ж, приятный молодой человек, и весьма, весьма многообещающий. Я ведь давно его не видел – около трех лет. Что же он, наверное, сделал значительные шаги на профессиональном поприще? Как поживает? Как его диссертация?

– Все хорошо, – не моргнув глазом, соврал Демид. Не хотелось ему расстраивать старичка.

– Да, когда я был молодым, мне казалось, что горы можно свернуть. Все же молодость – величайший дар природы! К сожалению, мы слишком поздно начинаем понимать это… Да, поверьте, многие проблемы молодежи кажутся настолько надуманными! Я ведь смотрю телевизор, прессу читаю. Я в курсе всех нынешних проблем. Наркомания, пьянство, нежелание работать. Или наоборот, бодибилдинг этот, когда неестественно огромные мускулы себе накачивают. Это же ненормально! Вы, молодые, не понимаете: главное – это здоровье и бодрое расположение духа. А с возрастом сохранить их становится все труднее…

– Да, Виктор Сергеевич, вы абсолютно правы, – согласился Демид.

– Да, молодые люди! – спохватился старичок. – Что ж мы в прихожей-то стоим? Прошу в мою скромную келью.

Они прошли вслед за ним по длинному темному коридо-

ру, сплошь заставленному стеллажами с книгами, и очутились в уютной комнатке с большим окном, эркером выходящим на улицу и полуприкрытым тяжелыми зелеными шторами. Во всю ширину окна размещался письменный стол старинной работы. Здесь, как и в коридоре, было невероятное количество книг, расставленных на полках с величайшей любовью и аккуратностью. Тут не наблюдалось бесконечных коричневых талмудов марксизма-ленинизма с тиснеными профилями вождей на корешках. Книги в основном были старые, с солидными потемневшими переплетами. Отдельную полку занимали бережно переплетенные толстые рукописи. Словом, это была библиотека ученого – его сокровищница и место работы. Книги здесь не пылились в праздном ничегонеделании, ими постоянно пользовались, их перечитывали, вглядываясь в пожелтевшие страницы. Наверное, старый профессор провел в этой комнате большую часть своей жизни, мысленно переносясь в воображаемые, некогда существовавшие миры – в жестокие и загадочные владения ассирийцев, в белые, выжженные солнцем города эллинов, в причудливые дворцы китайских императоров, украшенные скульптурами драконов и чудесными вазами. Но больше всего здесь было книг по истории России – дореволюционные тома Соловьева, Бердяева, Ключевского соседствовали с именами, о которых Демид и не слыхивал. Лишь мельком скользнув взглядом по полкам, Дема увидел десятки книг о русских обрядах, суевериях, языческих преданиях. Да, про-

фессор был настоящей ходячей энциклопедией.

– Садитесь, располагайтесь поудобнее, – Подольский указал на большие кожаные кресла. – Вот, наслаждаюсь тишиной и одиночеством. Обычно у меня здесь много народу. Сын с семьей, две внучки. Но сейчас все они на даче. Вам, наверное, покажется странным, что я бесстрашно пускаю вас в квартиру, хотя вижу в первый раз. Знаю, знаю… Сколько раз мне говорили: нельзя быть таким доверчивым! Но вот никак не могу привыкнуть к нынешним временам. Преступность, квартирные кражи… А я все такой же. Я слишком стар, чтобы меняться. Если я вижу человека интеллигентного, ничего не могу с собой поделать – сразу начинаю относиться к нему с симпатией.

– И все же нужно быть осторожнее, Виктор Сергеевич, – деликатно сказал Демид. – Время ныне лихое.

– Да, время сейчас смутное! – профессор взмахнул рукой. – Но сколько раз уже в России наступали темные времена! День сменял ночь, один правитель – другого, а человек оставался человеком. Поражает сходство различных исторических эпох и ситуаций, складывавшихся в развитии человечества. Гераклит сказал: "Нельзя в одну воду войти дважды". Да, пожалуй так. Но мы упорно пытаемся влезть в ту самую воду, в которой когда-то едва не утонули. В протухший и мрачный омут смуты норовим нырнуть. По самую макушку! Есть нечто общее во всех периодах революций, войн и беспорядков. Самое главное, пожалуй, то, что все они рано

или поздно кончаются. И начинаются снова. Все эти приливы и отливы неизбежны, и если вы оказались волею судьбы в нижней точке исторической синусоиды, нельзя бить себя в грудь и доказывать, что во всем виноват конкретный Иоанн Васильевич или, к примеру, Иосиф Виссарионович. Исторический взгляд на жизнь помогает переносить любые невзгоды…

Старичок замолчал, обнаружив, что собеседник его витает где-то в другом измерении. Красивая светловолосая девушка спала в кресле, откинув голову.

– Я вижу, ваша спутница очень устала, – шепотом сказал профессор. – Как ее зовут?

– Яна.

– А вас?

– Демид Коробов. Научный сотрудник.

– Может быть, не будем ее беспокоить? Пускай немножко поспит.

– Я был бы вам очень признателен, Виктор Сергеевич.

– В таком случае пройдемте на кухню. Я думаю, вы не откажетесь от чашки чая. Там и поговорим.

Они уселись на кухне.

– Виктор Сергеевич… Извините, об этом как-то не принято спрашивать. Но… вы в Бога верите?

– Ну почему же не принято спрашивать? По-моему, это сейчас самый популярный вопрос – без него, считайте, ни одно интервью не обходится. Что же, скажу вам откровенно

– я атеист. В конце концов, в какого Бога верить? Богов сотни, и для меня все они равноценны. Знаете ли, мой предмет изучения – история человечества на протяжении многих и многих веков. И это заставляет меня смотреть на вопрос религии как бы с высоты тысячелетнего опыта.

– Что же, может быть, это и к лучшему. Сейчас мне хотелось бы поговорить с человеком, который оперирует только фактами. Голыми фактами без мистического тумана. Мне очень нужна информация.

– Да, да, я весь внимание. – Глаза старичка загорелись. Он жаждал немедленно еще раз убедиться в своей полезности, в умении логически осмыслить любую ситуацию. Был счастлив оказать любую услугу Демиду уже за одно то, что тот пришел к нему за помощью.

– Речь пойдет о явлениях, которые появились на Руси еще в дохристианскую пору. Вы можете назвать их языческими поверьями, но нельзя отрицать, что поверья эти появились не на пустом месте. Я имею в виду колдунов. Не знахарей-целителей, а страшных, злонамеренных колдунов, которые продали душу дьяволу и могли совершать волшебные, магические действия, управлять людьми, животными, стихиями.

– Вернее сказать, считалось, что они могли это делать.

– Виктор Сергеевич, давайте пока отбросим точную терминологию – умели, или считалось, что умели. Это сейчас не так важно.

– Да, да, вы правы. Знаете, когда я читаю старинные книги, где с такой живостью описываются чары и лиходейства русских ведунов, то поневоле сам начинаю верить, что когда-то, в древние времена, такое было возможно. Вот какой силой обладает живой язык народных преданий! Сейчас, в наш технотронный век…

– Извините, Виктор Сергеевич, я снова вас перебью. Итак, остановимся на колдунах. Что вы можете сказать о наиболее могущественных из них?

– В народных поверьях утверждалось, что иногда, раз в столетие, появляется страшный колдун, наделенный несокрушимой силой. Он может мгновенно переноситься на сотни верст, летать, проходить сквозь стены и закрытые двери. Он может принимать обличье любого зверя, чаще медведя или волка. Таких волков-оборотней восточные славяне называли волколаками или вурдалаками. Эти колдуны обладают властью над думами и снами людей и могут сводить их с ума. Наконец, они властвуют над различными неодухотворенными предметами – могут производить их перемещение, своего рода русский народный вариант телекинеза. Могут управлять погодой, насылать снег, град, ураган.

– И как же такие, с позволения сказать, сверх-колдуны умирают?

– Как они умирают? – Профессор задумался. – Знаете, что удивительно? Несколько, как вы изволили выразиться, сверх-колдунов описываются в исторических хрониках как

реально существовавшие личности, даже с указанием некоторых дат. А вот как они умирают? Насчет смерти колдуна существует множество прелюбопытнейших баек и легенд. Но мне кажется, здесь они не подходят. В этих случаях происходило что-то особенное… Подождите-ка, подождите…

Ученый вышел, теребя кончик носа, и через пять минут вернулся с двумя толстыми книгами. Он долго перелистывал их, с любовью поглаживая страницы длинными сухими пальцами.

– Так, так… Кажется, это где-то здесь. Хм, любопытно! – Он поднял выцветшие глаза на Демида и озабоченно покачал головой. – Интересно, что этот вопрос как-то выпал из моего поля зрения. Именно эта, подчеркнутая вами особенность. Но! Все эти зловещие личности, колдуны, так сказать, всероссийского масштаба, были убиты не обычными людьми, а некими чудесными богатырями, наделенными Богом особой силой. Интерес же заключается в скрытности этих ратников. Редко кто видел их, они не открывали своего лица, никто не знал их имен и свои добрые дела они творили втайне. Весьма необычно!

– А там не сказано как эти богатыри называются? Нет таких слов: "Защитник Господень"?

– Защитник? Нет, определенно нет. В описании их все завуалировано, хотя в целом для русских преданий характерна поразительная конкретность в описании деталей, даже многословие. Здесь же ничего такого нет. Вот послушайте: *«И*

был убит колдун Азарий в году таком-то от рождества Христова воином, имя которого не речется, посланным от Бога нашего, Иисуса Христа». Вот и все!

– А как убил? Осиновым колом?

– И про это ничего не сказано. Если хотите, я сделаю библиографический обзор на эту тему. Но увы… Сразу же обещаю вам отрицательный результат.

– Большое спасибо вам, Виктор Сергеевич! Вы уже очень помогли мне.

– Ну что вы, что вы! Очень рад. Нынче редко встречаются молодые люди, столь эрудированные и заинтересованные в предмете русской истории. Хотя, собственно, я так не узнал цели вашего исследования.

– Цель очень простая. Завелся в наших краях один старый ведьмак. Не дает он мне в последнее время покоя. Я хочу найти специального богатыря и с его помощью отправить на тот свет это чертово отродье…

– Да, да… – Профессор посмотрел на Демида с испугом, как на сумасшедшего. – Да, да, конечно…

"Решил, что я шизик. Зря расстроил доброго старика. Кто меня за язык тянул?"

Демид разбудил Яну. Она сонно озиралась, пытаясь вспомнить, где очутилась.

– До свидания, Виктор Сергеевич, – Дема извинительно улыбнулся старичку. – Спасибо вам и простите, если чем обидел. И все же: не пускайте незнакомцев в свою квартиру

– когда-нибудь эта доверчивость сыграет с вами злую шутку.

Профессор расстроенно кивнул головой.

Яна и Демид вышли на улицу. Вид у Яны был заспанный, но Дема смотрел на нее с завистью – он бы тоже не отказался поспать пару часиков. Наступили сумерки, небо на западе окрасилось в тревожный кровавый цвет. Ночь шла большими шагами по земле, предвещая новые неприятности. Похолодало, и Янка зябко поежилась, залезая в машину.

– Ну, узнал что-нибудь?

– Да так… Ничего интересного. Пока наше следствие буксует.

ГЛАВА 9

На этаже, где находился номер Яны, было тихо. Дежурная дремала за столом. Что-то здесь было не так – Демид ощущал это явно. Он остановился и придержал Яну рукой. Дверь в номер была аккуратно закрыта, замок был цел, но на никелированной поверхности около скважины была заметна маленькая, словно случайная царапина.

– Яна, туда лучше не соваться, – приглушенно сказал Демид. – Ты очень расстроишься.

– Я хочу зайти в свой номер! – заявила Яна. – Там мои вещи, деньги. Почему ты меня не пускаешь?

– Ну хорошо, если ты так настаиваешь… – Дема слегка толкнул дверь рукой и она открылась. Демид щелкнул выключателем и свет беспощадно озарил разворошенное нутро комнаты. Яна вскрикнула. В номере было изгажено все. Перевернуты стулья и стол, разломан шкаф. Из вспоротого брюха дивана вываливались желтые поролоновые кишки. Невесомый ковер из подушечного пуха медленно передвигался по полу под действием сквозняка. И по всей комнате была развешана одежда Яны – платья и рубашки, майки и трусики, все перепачканное красной краской, словно кровью. Таким же цветом на стене были намалеваны скабрезные слова и рисунки, непонятные знаки. Яна громко всхлипнула, по лицу ее потекли слезы.

– Яночка, милая, не переживай. – Демид обнял девушку, ее мокрое лицо уткнулось в его шею.

– Кто это сделал?

– Откуда мне знать?

– Это просто воры?

– Нет, конечно. Посмотри на эти знаки на стене.

– Похоже на пауков…

– Вот именно. Это как-то связано с нашими поисками.

– Деньги, – всхлипывая, прошептала Яна, – может быть, остались деньги?

Денег, конечно, не осталось. Все было старательно разграблено. Кто-то недвусмысленно предупреждал Яну и Демида о грядущих неприятностях. Деме уже приходилось видеть такое.

– Демид, что будет дальше? – в глазах Яны сквозило отчаяние.

– Дело обстоит скверно. Мы перешли кому-то дорогу. Возможно, если бы мы прекратили поиски, нас бы оставили в покое.

– Нет! Мы должны… У меня просто нет выхода. Я не хочу умереть! Что нам делать?

– Поехали.

– Куда?

– Ко мне домой.

Когда до деминого дома оставался один квартал, Демид вырулил на небольшую площадку, скрытую деревьями.

– Яна, очень жаль, но тебе придется остаться в машине. В моей квартире может быть… Может быть все что угодно, и я должен разобраться с этим сам.

– Дем, я боюсь оставаться одна, – Яна панически вцепилась в его руку. – Не уходи.

– Яна, я скоро приду. А ты ложись на заднее сиденье и не высовывайся. Машину запри изнутри и никому не открывай. Слышишь, никому!

Предостережение было излишним. Яна, бледно-зеленая от испуга, свернулась калачиком на заднем сиденье и затихла. Конечно, можно отвезти ее к отцу, в безопасное место, но… Вероятно, следствие Демида на этом и закончится. Папа Эджоу узнает обо всем, круто вмешается в судьбу несчастной доченьки, предпримет все возможные меры с привлечением милиции и загубит этим дочку бесповоротно.

Демиду приходилось в своей жизни иметь дело с дрянными людьми самого разного сорта. С настоящим сильным колдуном он столкнулся впервые, и интуиция подсказывала ему, что в борьбе с таковым милиция окажется бессильна.

Все нужно делать самому. Знать бы еще – что делать…

Демид удостоверился, что машина заперта и Янку не видно снаружи. Затем скользнул в тень деревьев и стал пробираться к своему дому. Не стал заходить в подъезд – не было сомнения в том, что в квартире его ждут. Путь его лежал на третий этаж – там в темноте едва виднелся демин балкон. Демид вытер руки о штаны и беззвучно полез вверх, подтя-

гиваясь на балконных решетках и на ощупь ставя ноги на невидимые во тьме карнизы.

Как кошка, он скользнул через ограду своего балкончика и присел, переводя дыхание. Балконная дверь была слегка приоткрыта. Дема не сомневался – в комнате его ждут непрошеные гости. Он не стал заглядывать в окно – на фоне лунного неба голова являла собой отличную мишень. Он просунул палец между дверью и порогом и, стараясь не дышать, миллиметр за миллиметром расширил щель.

– Где его черти носят, твоего Демида? – раздался громкий шепот за дверью. – Заколебался уже ждать-то. Может, он вообще не придет?

– Придет, я его знаю, суку, – прошептал другой голос. – Эта хата для него – считай, самое главное. Он на эту квартирку четыре года ишачил, потом еще кучу бабок в ремонт вбухал. Как только поймет, что ему сели на хвост, сей секунд рванет сюда – посмотреть, все ли здесь в порядке. Главное ушами не хлопать, а то он нас в момент по стене размажет.

– Да ладно, у нас же пушки. Он и подойти-то не успеет, шмальну в лоб, дырку ему в башке нарисую, и порядок.

– Ты чо, не въезжаешь? Я же тебе объяснял, на что он способен. Не смотри, что он с виду не накачанный. Это зверь натуральный. Очень быстрый.

– Да ладно… Видели мы таких резвых.

– Значит, еще раз повторяю. Демид очень быстрый. У него что-то там с нервами – реакция нечеловеческая. Ну и тре-

нирован он будь здоров. Так что если хочешь жить, стреляй сразу же, как только что-нибудь шевельнется. Всю обойму вали. Потом разберемся.

Шепот прекратился. Демид сидел на полу, пытаясь представить то, что предстоит дальше.

Драка… Сколько их было в его жизни? Дема вспомнил свою первую тренировку – тощеногим пацаном жался он тогда к стенке и с завистью смотрел на здоровяков-старшеклассников, с дружелюбным пыхтением мутузящих друг друга на ковре. А очкастый носатый тренер Гриша, бицепсы которого по форме и размерам напоминали мячи для регби, казался живым полубогом. Сколько лет прошло с тех пор?

Годы прошли. Годы упорных тренировок – ставших из мучительного труда жизненной необходимостью. Занятия карате (кекусинкай, сетокан… какие школы там еще были?) подарили Демиду автоматизм ударов, потерю чувствительности в разбитых сотнями схваток кулаках и кличку "Динамит". Потом он заинтересовался Джиу-джитсу – спокойным и жестоким стилем, основанным на знании слабых мест человека и молниеносной реакции. Но с годами Демид понял – исход схватки решает не стиль, а скорость и внутренняя концентрация, умение сломить противника и опередить его на долю секунды. В последние годы он занимался только внутренними школами У-шу, терпеливо разбирая витиеватый язык старинных трактатов и длительно отрабатывая медленные, сложные перемещения. Когда Демид (все реже в

последнее время) демонстрировал на тренировке свою технику, партнеры его разлетались по залу, как сухие дрова, он же плавно передвигался по замысловатой траектории с полуприкрытыми глазами. Касания его к противникам казались краткими и незначительными. Поступь времени замедлялась для Демида во время боя – ему казалось, что соперники двигаются словно во сне, медленно поднимая ноги и размахивая руками. Впереди каждого удара Демида летел сгусток энергии, парализующий противника. Скопировать старый стиль не удавалось никому – бесполезны были долгие разъяснения. Только тяжелая работа над собой могла принести ясность сознания и легкость в управлении телом.

"Вломиться в комнату? Вырубить глупых уродов? Не успею. Просто не успею".

Демид считал доли секунд как на калькуляторе. Просчитывал раз, другой, третий. И с каждым разом убеждался все отчетливее – не успеет. Нельзя ему лезть под пули – изрешетят как дуршлаг.

Уйти? Оставить двух бандитов в своей милой, уютной, вылизанной квартире? Плюнуть на собственное «я» и заняться спасением девочки Яны?

Нельзя, нельзя. Нужно поговорить с гостями. Не просто набить им морды, но побеседовать с ними по душам, предварительно лишив возможности двигаться. Потому что так нужно. Нужно для той же Яны. Потому что никто не сунулся бы в место приватного обитания Демида просто так, без

основательных причин. Потому что Демида оставили в покое уже год как, разрешили ему быть простым преподавателем биологии – из уважения, по понятиям. И то, что резко вторглось сейчас в его ареал, было безусловно связано с Яной. Было чем-то совсем новым. Той новой грязью, что натащил колдун.

Маразм, правда? Гипотетический русско-канадский колдун появляется в жизни Демида Коробова чрез посредство канадско-русской девочки Яны Ежовой, грузит бедного Дему мистическими иррациональными проблемами, и вдобавок проявляет свое гротескное появление разграбленным гостиничным нумером и двумя огнестрельными бандюками в славной деминой хатке, оснащенной двумя металлическими дверями с замками четвертого класса защиты.

Случайность, скажете? Совпадение? Вот уж хрен. Не верил Демид в такие совпадения.

Тем интереснее разобраться, что за всем этим стоит.

Дема прислушался – в комнате стихло. Отлично. Дема нащупал в темноте глиняный цветочный горшок (кинул его на балкон неделю назад собственноручно, после трагической гибели Брунфельсии малоцветковой от неправильной подкормки удобрением), сделал три коротких выдоха, приводя нервы в порядок, прижался к полу, остерегаясь рикошета, и через голову запустил горшком в окно. Со звоном разбитого стекла смешался сухой звук выстрелов – два обормота, не помня себя, лупили куда попало. Судя по пукающим звукам,

работали из пистолетов с глушителями.

Еще два кратких выдоха – не помешает.

Демид змеей ужом скользнул в комнату – невидимый для стрелков, не отрывающих глаз от окна. А через долю секунды уже сидел в коридоре, рядом с дверью.

Стрельба резко смолкла. На этот раз двое разговаривали довольно громко:

– Ну все! Хватит, в натуре. Он, наверное там как решето. Весь в дырках.

– Кто – он?

– Ну кто? Динамит! Демид твой.

– А ты его видел?

– Да нет, вроде…

– Тогда не спеши.

– Блин. Я задолбался тут с тобой не спешить. Сам сказал – стрелять во все, что шевелится. Он шевельнулся, Демид твой, и совсем не хило. У тебя что, каждый день окно на третьем этаже бьют? Это он был, Динамит твой. Мы его нарезали. Иди осмотри труп. А потом звоним шефу, что, типа, готово. И идем оттягиваться. По полной программе. Я тебя сделаю сегодня, в покер или во что. Да хоть в очко. Потому что ты пересрал. Пересрал, братан. По полной программе. Сделаю тебя в очко.

– Труп? – голос первого из бандюков зазвенел от благородного негодования. – Я так думаю, он лежит на балконе, и ждет, пока ты высунешь свой дурацкий кочан. Почему дверь

на балкон открыта?

Разговор резко понизил шкалу громкости, снова перешел на испуганный шепот.

– Не знаю. Не открывал.

– А кто открывал? Я?

– Ты. Сам открыл. Точно. Душно тебе стало.

– Я?!

– Ты, ты. Точно.

– Ладно, я.

– Придурок ты! Ну ладно, я проверю, а ты меня прикрой. Встань у окна, и смотри, нет ли кого на полу, а я выйду через дверь. Только не пристрели меня сдуру.

– Иди, проверяй. Начальник выискался, мать твою. А за придурка ответишь.

Демид воспользовался тем, что засадчики отвернулись к окну, и на мгновение заглянул в комнату. Парней действительно было двое. Рослый верзила, килограммов на сто пять, с длинными руками и головой, стриженной под табурет, очевидно, занимал подчиненное положение. "Начальником" оказался парень среднего роста, довольно щуплого сложения. Он, судя по всему, знал Дему лично и боялся его до колик в животе. Что было весьма разумно с его стороны. Дема пытался вспомнить, что это за тип, но в голову ему ничего не приходило. Мало ли скотов он видел в своей жизни?

Демины гости обследовали балкон и не нашли там ничего, кроме стекла, раскрошенного в пыль. Это потрясло их не на

шутку. Снова раздался шепот, снова перепуганный.

– Я же тебе говорил, что его там не будет.

– А может он с балкона гребанулся? Ты смотрел?

– Смотрел. Нет его там. Я же тебе говорю – все это его шуточки. Пока не увижу его с дыркой в башке, не поверю, что он сдох. Заговоренный он, у него семь жизней, как у кошки.

– У тебя что, крыша едет со страху? А кто ж в окно ломился?

– Наверное, кинул в стекло чем-нибудь с улицы. А может, он уже здесь в квартире сидит? Пока мы ушами хлопаем.

Демид почувствовал, как у парней в комнате зашевелились волосы от такого предположения. Молодец все-таки этот Начальник! Нагнал страху, дальше некуда. А между прочим, у Демида голые руки против двух пушек, и ничего гениального он еще не придумал.

Притихшие было визитеры вновь зашептались. Первым заговорил Начальник.

– Слышь, Кока. Мне в туалет надо.

– Ну и что? Отлей прямо здесь. Вон в цветок.

– Ты чо? Нам здесь всю ночь сидеть. Я мухой, только не шлепни меня, когда буду обратно идти. Когда пойду – стукну по косяку два раза. Если не стукну – значит не я. Тогда пали, не думай.

– О'кей.

Сперва из дверного проема появился пистолет, потом его обладатель – как в полицейских боевиках. Но в коридоре уже

никого не было. Начальник осторожно прошел в кромешной тьме, на ощупь открыл дверь туалета и зашел туда. И оказался в цепких объятиях. Демина рука сжала его горло, задавив неродившийся вопль.

– Спокойно, парнишка. Пикнешь – разорву, как цыпленка, – выдохнул в ухо плененного Демид. – Пушку давай сюда, она тебе больше не понадобится. Сиди тут без писка, и я тебя не трону. Усек?

Парень кивнул головой с облегчением, как будто не сомневался, что этим и кончится. Дема сунул пистолет поглубже в карман, запер туалет на задвижку и пошел к комнате, нарочно громко шаркая ногами. Тут же услышал хриплый шепот:

– Стой, кто там?

– Это я! – Дема два раза стукнул по косяку, ссутулился и появился в проеме двери. Кока стоял, держал пистолет в вытянутых руках, и пытался что-то рассмотреть в темноте. Секундная задержка обошлась ему дорого. Демид без особых ухищрений выбил пистолет из рук парня, ударив по кисти ребром ладони. Верзила заорал от боли и затряс рукой. Но тут же опомнился и встал в боевую стойку.

– Ого, – сказал Демид, – никак мы каратисты. А ну-ка расскажи, что у тебя черный пояс и ты уроешь меня за три секунды. А то мне что-то не страшно.

– Это ты что ли – знаменитый Динамит? Что-то дохловатый ты фраерок с виду.

– Такой уж уродился. – Демид усмехнулся. – Кстати, что это за кличка такая неприличная – Кока? "Кок" – это по-английски "петух". И ты, петушок, зря кукарекаешь. Как бы соловьем петь не пришлось…

Кока английского не знал. Но знал блатной жаргон. И, само собой, обиделся. Демид почувствовал, нет, скорее услышал, как нога противника летит в воздухе, рассекает его, как бревно. Медленно и тяжело. Удар был на снос и шел в голову. Напрасно. Демид среагировал молниеносно – отклонился и захватил ногу соперника двумя руками. Кока застыл в крайне неудобной позиции – одна нога стояла на полу, вторую Дема держал на уровне головы, скручивая ступню болевым приемом и не давая пошевельнуться.

– Стало быть, у вас, крутых чуваков, это зовется "маваши-гери"? – полюбопытствовал Дема. – Я бы посоветовал тебе пойти в балет. Знаешь, это такое место, где дяди и тети медленно и красиво машут ножками. Тебе бы подошло.

– Отпусти ногу, фраер, – просипел парень. – Связки порвешь.

– Запросто. Дерну за ножку – не только связки лопнут, но и грыжа вылезет. Ты уж лучше стой спокойно, не зли меня лишку.

Дема на секунду ослабил хватку, думая, что напугал парня достаточно. Но у Коки с инстинктом самосохранения было что-то не в порядке, спокойная жизнь его не устраивала. Он почувствовал слабину, и резким движением вырвал но-

гу, оставив в руке у Демида ботинок. И тут же пошел в атаку, рассчитывая задавить Демида своей массой. Руками он действовал лучше, чем ногами, и Дема, выведенный рывком из равновесия, сплоховал. Пропустил два сильных удара – в голову и в живот – и пролетел через всю комнату, сшибая своей спиной мебель, что попадалась на пути. Прижался к стене. Кока несся на него, пыхтя как разъяренный носорог. Он ударил кулачищем, рассчитывая проломить Демиду череп, вложив в удар всю свою силу и ярость. Но там, где только что была демина голова, кулак не встретил сопротивления и с хрустом влетел в стену. В тот же момент Кока почувствовал, что летит кувырком, перекинутый через голову. Он упал на бок, рука его переломилась, на ребра навалилась тупая тяжесть, не давая вздохнуть, и он плавно отключился.

Демид, тяжело дыша, вытер кровь с лица, осторожно ощупал свой нос.

"Опять без перелома. Должно быть, я и вправду везунчик…"

Кока распластался на полу черной тушей, уткнулся лицом в пол. Дема добросовестно стянул его руки и ноги ремнями и пошел к туалету – разбираться со вторым бандюком. Включил свет, щелкнул задвижкой, распахнул дверь туалета. И оторопел.

– Олег, ты?!

На унитазе, закрывая лицо от слепящей лампы, съежился жалкий и насмерть испуганный Начальник. Демид цапнул

его за шиворот и выволок его в коридор.

– Олег, Олег… Какого хрена ты здесь делаешь?

– Ты поймал меня, – просипел парень. – Доволен, да? Пришьешь меня теперь? Пришьешь?

– Ах ты сволочь, – горько сказал Демид. – Что ты там плел своему Коке? Что я убийца? Я не убиваю людей, и ты знаешь это. Что бы ты стал делать, если бы я лежал перед тобой с пробитой башкой? Плюнул бы мне в лицо и пошел получать свои тридцать серебряников? Ты продал меня с потрохами. Олег, ты же был моим другом! С какой мразью ты связался?

– Прости, Демид… Демка! Ты сам виноват. Почему ты не вытащил меня? Ты знаешь, я спился, скололся… Хреново мне было, Демка. Почему ты не нашел меня? Ты нашел бы, если бы захотел! Чужие люди подняли меня. А за добро надо платить. Ты знаешь, за все надо платить…

– Ценой моей жизни?

В ответ – молчаливый взгляд раскаявшегося Иуды.

– Кто тебя поднял? Крот? Это он?

Молчание.

"Ладно. Поиграем в кошки-мышки. Ты всегда любил играть, Олег. Только раньше я был на твоей стороне и ты слишком уверовал в свои силы. А теперь ты наставил на меня пушку. Правила игры в таком случае меняются".

Демид поглядел на часы. Прошло уже десять минут с тех пор, как была открыта пальба по стеклам, переполошившая, наверное, весь дом. Дема представил себе соты-квартиры, в

которых перепуганные насмерть жильцы запирают бронированные двери, пьют валидол и вызывают милицию.

– Так. Разговаривать некогда. Через две минуты здесь будет до черта ментов. Сматываемся. И не вздумай сбежать – убить не убью, но покалечу от души.

Демид распахнул дверь, скатился с лестницы, подталкивая в спину Олега. Едва они успели пробежать квартал, сзади раздались вопли сирен и к дому подлетели милицейские машины.

Вперед, вперед, не останавливаться…

Вот и «жигули» – там ждет его Яна.

Ждет?

Демид еще издали почувствовал, что что-то неладно, он спешил изо всех сил, но опоздал безнадежно. Выломанная дверца машины висела на одной петле. Капот покореженным листом валялся на земле, а из мотора, как кол из спины мертвеца, торчал лом. По асфальту растекалась масляная лужа. Демид заглянул в салон, заранее зная, что он там увидит. Пусто…

В душе Демида появилась огромная черная дыра. Мысли, привязанности, желания – все растворилось в бессмысленной пустоте. Дема стоял и тупо таращился на машину.

Резкая боль в плече вернула его к реальности. Демид медленно повернул голову, увидел нож, торчащий из левого плеча. Перекошенное лицо Олега мелькнуло сбоку. Демид выдернул нож, бросил его в сторону, развернулся и заехал Оле-

гу в челюсть. Олег упал навзничь. Демид рывком перевернул его на живот и оседлал, заломив руку за спину. Плечо саднило острой болью.

– Идиот ты, Олег! Как я устал от твоего идиотизма… Говори, кто тебя послал, и проваливай.

– Пошел в задницу, козел! – яростно прошипел Олег, корчась от боли. – Козел вонючий! Да никто меня не посылал! Сам хочу тебе кишки выпустить…

Демид закрутил руку сильнее и парень заорал от боли.

– Не ври, скотина. Друзей не продают из ревности. Знаешь, за что продают друзей? ЗА ДЕНЬГИ! Скажи, кто заплатил деньги, и я отпущу тебя. Ну, скорее!

– Я сам…

Демид усилил нажим, Олег завыл, суча ногами по земле и пуская слюни.

– Слушай внимательно. Мне нужна девчонка, которую забрали из этой машины. Ты мне не нужен, мне до тебя нет дела. Скажи, и я отпущу тебя.

– Не… скажу… ничего… сука… – прохрипел Олег, вытаращив глаза от нестерпимой боли. В руке его что-то хрустнуло. Демид отпустил конечность – не гестаповец же он, в конце концов. Олег со стоном перекатился на бок. Он хрипло дышал, лицо его кровоточило.

– Ладно, попробуем по другому, – сказал Демид.

Олег с изумлением увидел, что Дема спокойно опускается на колени рядом с ним, откидывается назад и закрыва-

ет глаза. Олег попытался подползти к ножу, но резкий приступ тошноты свалил его на землю. Он схватился за голову, сжимая распухающие мозги, и невыносимая боль спутала его мысли.

***

…Демид скользил по закоулкам сознания Олега. Он пытался стать самим Олегом, увидеть прошлое его глазами. В хаотичном мелькании образов, обрывочных мыслей и жгучей боли он уловил вдруг ясное пятно. Оно манило, и Демид устремился к нему, беззвучно раздвигая мельтешащую пелену. Картинка становилась все четче. Демид увидел дом – аккуратный двухэтажный особнячок с фигурными решетками на окнах. Около него с озабоченным видом прохаживалось двое кожаных хмурых парней – с виду родные братья Коки. Несколько иномарок запозли боком на тротуар, освобождая узкую улочку. Этого было вполне достаточно. Дема знал этот дом, ему приходилось бывать здесь. Теперь он знал, кто заварил кашу.

Демид сделал резкий вдох, моргнул и очнулся. Олег валялся на земле как выжатый лимон – глаза его закатились, язык вывалился изо рта. Сломанная выпотрошенная кукла. Вторжение в память – не самая приятная процедура.

Дема похлопал Олег по щекам, тот открыл глаза.

– Живой, – пробормотал Демид. – Могло быть и хуже.

Прощай, ублюдок.

Дема передвигался по улице, перебегая от дерева к дереву. Невдалеке возбужденно перекликались голоса – началось прочесывание района. Связываться с милицией в планы Демида не входило – ему дорога была каждая минута. Демид выбежал на проспект. Улица была погружена в душную ночную пустоту. Только теперь Демид понял, как нечеловечески он устал.

В темноте появился размеренный шум мотора. На дорогу вырулил микроавтобус, "УАЗ-буханка", побывавший во многих переделках, но вполне бодрого вида. Демид поднял руку.

"Остановись, друг. Пожалуйста, остановись!"

Машина остановилась.

– Садись, – сказал спокойный хрипловатый голос.

Демид прыгнул в кабину. Через мгновение они уже неслись по пустынной дороге, пролетая перекрестки, мигающие круглыми желтыми глазами.

– От милиции драпаешь? – шофер крутил баранку, не глядя на Демида. – Хорошую заварушку ты там устроил.

– С чего вы взяли, что это я?

– Ладно, не боись. – Говор водителя был неторопливым, окающим, веяло от него деревенской основательностью и дружелюбием. – Не выдам. Небось, решил, что я уже в ментовку тебя везу?

Некоторое время ехали молча. Демид исподтишка изучал

незнакомца. Кисти рук, державшие руль с небрежной легкостью, были огромны и привычны к тяжелой работе. Пальцы были неожиданно длинны, и даже желтоватые ногти и несмываемые пятна мазута не нарушали их гармоничной красоты. Водитель, широкоплечий и кряжистый, как дуб, имел вид обычного работяги лет сорока пяти – пятидесяти. Демид не мог рассмотреть его лицо в темноте, и видел только мощную шею и спину, обтянутую курткой из грубого брезента.

– Ну, что натворил-то, парень? Может, расскажешь?

– Да ничего… Разборки такие… Двое жлобов залезли в мою квартиру. Расстрелять меня пытались. Шуму навели на весь район. Упорные попались ребята. Никак не хотели объяснить, кто на меня так круто обиделся…

– Да, натворили делов… – Шофер усмехнулся, качнул головой. – Ты сам-то, что, тоже из этих? Из братвы?

– Нет. Другой я. Не люблю их. Если и было что-то, все в прошлом…

– Ладно хоть жив остался.

– Я всегда остаюсь жив, – зло сказал Демид. – Проблема в другом. Машину мою вскрыли, раскурочили всю ломом. А там меня ждала девчонка. Ее увезли, понимаешь?

– Да… – шофер присвистнул, сочувственно покачал головой. – То есть, вроде как на крючок они тебя все равно поймали. И что будешь делать теперь? Она тебе что, невеста, что ли?

– Нет. Она моя клиентка. Охраняю я ее. И упустил, как последний лох… – Дема вытер пот со лба. – Я знаю дом, где их искать. Серьезная "малина"… Я отобью ее – пока они не очухались.

Водитель внимательно посмотрел на Демида, словно прикидывая, не является ли его пассажир клиентом сумасшедшего дома. Но через мгновение складки его лица разгладились и Демид понял – мужик поверил.

– Алексей, – сказал водитель и протянул свою лапищу. – Зовут меня так – Алексей Петрович. Как царского наследника.

– Демид. Тоже Петрович. – Демина рука утонула в мощной длани Алексея.

– Слушай, Дема. Ты уж думай, что хошь, но я человек не совсем бесполезный в этом деле. Бывал во всяких переделках в своей жизни. Я тебе помочь хочу. Пойдем вдвоем, вломим им всем по первое число. У меня давно зуб на таких гадов, которые жить спокойно не дают. У тебя, небось, и пушка есть?

– Пушка есть, – кивнул головой Демид. – Но пойду я один. Ты уж извини, Алексей. Мужик ты, кажется, хороший, не хочу, чтобы тебя пристрелили. Я вижу, что у тебя кулачищи чешутся надавать кому-нибудь по морде. Но так дело не пойдет. Полезем дуром – сами погибнем и девушку мою могут убить. Люди там серьезные. Очень серьезные. Я не хочу ворошить весь этот муравейник, мне до них дела нет. Надо

просто забрать девчонку и драпать -так, чтоб пятки сверкали.

– Да, Дема, может, ты и прав… – Алексей насупился, обдумывая ситуацию. – Тут нужно без форсу. Вот только силенок-то хватит?

– Хватит, – заявил Демид.

Алексей неопределенно хмыкнул.

– Алексей, а сам-то ты откуда?

– Да с района. В лесхозе работаю. В магазин вожу сдавать деревянную посуду, это у нас вроде как народный промысел считается. Утром домой поеду. Хотел вот к знакомому заехать, да теперь уж… Хочешь, рванем со мной? Спрячу вас в лесу, вся эта погань днем с огнем не найдет.

– Хочу. Поехали. – Демиду и вправду захотелось сбежать из города хоть на край света. – Если не пристрелят, когда Яну вытаскивать буду.

– Яна? Это девушку твою так зовут?

– Ага.

– Красивая?

– Очень. – Дема вспомнил белоснежную улыбку Янки, свежий запах ее волос, и ему захотелось завыть от тоски. Только два дня назад она вошла в его жизнь, а сейчас ему уже не хватало этой девушки, как наркотика. Мир поблек, и он был готов подраться хоть с сотней уголовников, чтобы вернуть *свою* Яну.

– Алексей, сверни здесь. И езжай потихонечку. Тихо, ти-

хо, не газуй. Как мышка. Вот, приехали.

Петрович выключил фары и они встали в полной темноте. Демид заговорил шепотом:

– Вон тот дом, видишь? До него отсюда метров четыреста. Подъезжать к самому дому нельзя – засекут сразу. Я захожу внутрь, забираю Яну. Вся ставка – только на скорость. Пока не успеют очухаться. Часы есть?

– Есть.

– Замечай время. Ровно через пять минут выезжай к дому. Мы должны выбежать.

– А если не получится?

– Уезжай. Рви когти. Со мной там церемониться не станут. И сам туда не вздумай соваться!

– Понял. Ну, Господь тебе в помощь. Давай.

Демид выскользнул из машины и пошел к дому, напряженно вглядываясь в особнячок. Свет пробивался сквозь щелки плотно зашторенных окон, и трудно было сказать, много ли в людей в доме. Около двери маячила фигура долговязого молодого человека. Он вел себя, как полагается часовому на посту – не курил, не спал, не принимал пищу. Но, очевидно, отчаянно скучал. Потому что ежеминутно подходил к двум машинам, стоявшим неподалеку, и внимательно рассматривал колеса, опустившись на корточки. Это его и подвело. Демид подошел к нему сзади, схватил за шею и сильно сжал пальцы. Страж уткнулся носом в машину, затем медленно сполз на землю. Демид потрогал его пульс.

"Неплохо. Минут на десять хватит".

Затем обыскал карманы пострадавшего и извлек оттуда ключи. Прошелся вдоль окон. И снова ему повезло. В просвете между шторами одного из окон он увидел Яну, сидевшую за столом. Дема заелозил, пытаясь рассмотреть еще что-нибудь. Вот это да! Рядом за столом сидели еще два молодчика, и играли с Яной в карты. Один из них положил на стол пистолет.

"Ничего себе сценка! – Демид покачал головой. – Я тут жизнью рискую, спасаю ее, а она в карты режется!"

Демид подошел к двери и приложил к ней ухо. Тихо. Он подобрал ключ из связки, отобранной у часового и проскользнул внутрь. В обе стороны тянулся широкий коридор, застланный ковровым покрытием. Дема подошел к нужной двери. Он помнил, что в маленькой комнатке всего три шага отделяет дверь от стола, на котором лежит пистолет. Три больших шага между удачей и пулей в молодецкую грудь.

Через долю секунды Демид уже был у стола. Два ошеломленных парня – круглые глаза и открытые рты. Демида явно не ждали. Рука одного из парней потянулась к оружию, но Демид опередил его. Сжал рифленую рукоятку и направил ствол в лоб сопернику.

– Заткнитесь! Чтоб ни звука! – прошипел яростно. – Встать к стене, руки за голову. Вякать будете – мочу без предупреждения!

Демид не собирался вступать в переговоры, времени у

него не было. Парни безропотно встали у стены, подняв руки и раздвинув ноги. Они вели себя хорошо, но сегодня им не повезло. Демид двумя точными ударами по голове вырубил обоих. Сотрясение мозга было им обеспечено – пять минут потери сознания и две недели постельного режима.

– Ого, да у нас гости!

Дема развернулся. В двери стоял человек. Он напряженно скалился, направив на Демида черное отверстие ствола.

– Пушку на пол, живо! – Рука Демы рефлекторно дернулась… увы, шансов успеть не было и пистолет его полетел к ногам противника. – Лечь на пол, руки за голову.

Дема опустился на корточки, кося глазом на охранника. За спиной парня возникла вдруг темная туша, раздался тяжелый удар. Охранник выстрелил в стену, перекувыркиваясь в воздухе, и грянул об пол. Дема вскочил и занес руку над поверженным врагом. Лишнее – парень беззвучно извивался, ловя ртом воздух. В двери показался Алексей.

– Быстрее, быстрее, ребятишки! Смываемся!

– Крест, где крест? – беззвучно прошептала Яна.

– Этот, что ль? – Алексей протянул руку. Крест лежал на полу, паркет вокруг него обуглился, но гладкое серебро оставалось незамутненным. Демид дернулся, пытаясь перехватить руку Алексея, но тот спокойно взял опасный предмет. Безо всякого вреда для себя. И передал Демиду.

Они пролетели по коридору, сшибив по пути еще одного заспанного хлопца. И едва "УАЗ" рванул с места, визжа по-

крышками, сзади захлопали выстрелы. "Буханка" проделала несколько пируэтов по ухабистым улицам и вылетела на магистраль.

– Ну, Алексей Петрович, по гроб жизни буду благодарен! Ну ты и медведь! Чуть хребет парню не сломал.

– Да и ты ведь не слаб, Демушка. Да только один в поле не воин, говорил я тебе.

– Ой, Петрович, спасибо огромное! До конца жизни буду теперь тебя водкой поить.

– Да не пью я зелье проклятое. Слово, может, слыхал такое – старовер?

– Понял. Что, самый настоящий старовер?

– Да нет, конечно. У настоящих-то порядки ой строгие! Не могу я так. Хоть и воспитан в старообрядчестве. Помню, в монахи даже хотел податься по молодости и простоте юношеской. Да пересилила натура моя беспокойная. Не могу я в скиту закрыться, плоть бычья не дает сидеть взаперти от мира. Так и гуляю по свету – то молюсь, то взбрыкну, как жеребец. Прости, Господи…

Они снова свернули на боковую улочку. Демид остановил машину около телефонной будки. Он набрал номер – тот единственный, который мог помочь в такой ситуации.

– Привет! Привет, говорю!!! – Слышимость была плохая, приходилось орать и Дема прикрывал трубку ладонью. – Это я. Я! Ладно, не ругайся. Утром выспишься. Я тут опять набедокурил маленько. Да. Да. Ну что же поделать – жизнь та-

кая. Надо вставить стекло в квартире. Я там пришиб двух жуликов, защищал личную собственность. Да. Пускай милиция занимается своим делом. Вернусь, разберусь с ней сам. И найди Еремеева. Он знает, что делать. Официальная версия – скрываюсь от рэкетиров. Да, в самом деле. Нет, этого я сказать не могу. Спасаю клиента. Деньги есть. Да ладно тебе! Живой, живой. Вернусь, все расскажу. И позвони еще одному человеку. Его фамилия – Эджоу.

Он дал еще несколько инструкций и повесил трубку.

– Ну, поехали! Алексей, вези, куда знаешь. Чем дальше, тем лучше.

ГЛАВА 10

"УАЗ" тарахтел по дороге, асфальт зернисто блестел в свете фар. Янка сидела на коленях у Демида – прижалась к нему, словно боялась, что он снова исчезнет и бросит ее на растерзание людоедам. Демид обнял ее за плечи и уткнулся носом в волосы.

– Яночка, милая моя! Прости, что так случилось. Теперь не отойду от тебя ни на шаг.

– Дема… Дема… – Девушка погладила его по щеке, провела пальцем по разбитым губам. – Как тебе досталось-то… Больно?

– Да нет, ничего, – Демид попытался улыбнуться. Все тело ломило, каждый поворот головы откликался стреляющей болью в шее. – Теперь отдохнем на природе, в лесу. Ягоды будем собирать. Любишь землянику?

– Люблю, – шепнула Янка ему в ухо и Демид забалдел от этого волшебного слова.

– Ну что, картежница, рассказывай, что случилось. Во что хоть играли-то?

– В "козла". Пытались меня научить. И ребята не такие уж плохие. Я хотела тебе сказать, чтобы ты их не бил.

– Ну, насчет "неплохих" у меня собственное мнение. Я думаю, что если бы мне снесли бы череп, ты бы расстроилась.

– Дем, не говори так…

– Да, да. А если бы я тебя не выручил, тебя бы без особых сантиментов отдали твоему бородатому приятелю Агею. Несмотря на симпатию и игру в "козла". Я бы им всем головы поотрывал, отморозкам чертовым! Только жить мне еще в этом городе. Хотя теперь и не знаю, смогу ли я когда-нибудь туда вернуться…

Он помолчал некоторое время.

– Как тебя забрали из машины?

– Плохо помню. Я ждала, ждала тебя, а потом заснула. И вдруг – страшный треск! Дверца отлетает, и меня сразу выдергивают за ноги из машины. А дальше… Прижали к лицу тряпку с хлороформом, я хорошо знаю этот запах. Чуть не задохнулась. Очнулась уже в этом доме. Связана по рукам и ногам. Потом меня развязали. Я даже не пыталась что-нибудь делать. Я верила, что ты придешь и заберешь меня оттуда.

– А крест? Как он оказался в комнате?

– Они меня спрашивали, что это за штука странная. Положили крест в свою машину, так он им чуть сиденье не сжег. При мне один пытался взять его в руки – заорал как ошпаренный и бросил. Пол аж задымился.

– А ведь Алексей Петрович-то наш взял крест и хоть бы что, – шепотом сказал Дема, показывая глазами на водителя. – Хороший, видать, человек.

– Робяты, – откликнулся Петрович. – Идите-ка вы спать, небось умаялись за день. Ехать еще долго. Местов у меня

пассажирских в кабине всего одно. Не положено ведь так – у друг друга на коленках. ГАИ остановят – штрафами замучат. Там в кузове ворох всякой рухляди, хоть и грязно, да мягко. Может, и покидает от стенке к стенке, да все сподручней, чем в кабине мотаться.

Он остановил машину и открыл боковую дверцу. В кузове было пыльно, пол устилала кипа рогожи и старых одеял. Демид осторожно опустился и вытянул ноги. Янка фыркнула от пыли и плюхнулась рядом. Машину мотнуло и Яна схватилась за Демида. Через пять минут они уже спали, уносясь верста за верстой от злополучного города.

* * *

Демид проснулся от боли в левом плече. Боль росла, прорывая его сон и наконец превратилась в реальность. Дема со стоном сел и открыл глаза.

Он находился в душном обшарпанном салоне "УАЗа", освещенном несколькими замызганными окошками. Машина стояла, в кабине никого не было. Рядом, уткнувшись носом в кучу ветоши, спала Янка. Демид подполз к дверце, беззвучно ругаясь – каждое движение пробуждало в теле маленьких зверьков, впивающихся в травмированные мышцы. Он открыл салон и воздух лесного утра опьянил его. Машина притулилась в березняке, на обочине грунтовой дороги. Дема побрел, раздвигая ногами темно-зеленые листья копытня.

Между травинок появился любопытный глазок алого цвета. Дема сорвал земляничку и слизнул ее с руки.

– Господи, как хорошо!

Пригорок уже напитался утренним солнышком и Дема с удовольствием растянулся на животе. Трава под ладонями была как шерсть большого животного – зеленого и доброго. Он прикрыл глаза.

– Эй, засони! Вылазьте с машины! Завтракать будем! – раздался голос Алексея.

Пахнуло дымком. Петрович сидел на корточках у костра, и держал что-то в вытянутых ручищах. Улыбка сморщила его прокопченную физиономию. При свете дня Алексей выглядел намного старше, чем показался Деме сначала. Коричневое лицо его было покрыто сетью глубоких морщин, волосы и густая щетина были седыми. Впрочем, язык не повернулся бы назвать его пожилым человеком – в глазах плясали лукавые искорки. Демид подумал, что если снять старую маску с Алексея, под ней обнаружится молодое веселое лицо.

Янка выползла из автобуса и потянулась. Майка поднялась и обнажила золотистую полоску живота. Ветерок шевелил ее короткие волосы, на лице отпечаталась розовая сеточка рогожи.

– Доброе утро, Дема!

– Привет. Как спалось?

– Замечательно. – Янка обняла Демида. – Дема… Ой, что

это?

Демид поморщился и отстранился. Правый рукав рубашки был жестким и бурым от запекшейся крови. Он осторожно стянул рубашку – на плече красовался длинный разрез, покрытый потрескавшейся коркой, из-под нее сочилась сукровица. На левой скуле синел свежий кровоподтек. Губы распухли и еле ворочались.

– Это все бутафория, чтобы тебя испугать.

– Дема, хороший мой… Прости… От меня одни неприятности. Тебя ведь чуть не убили!

– Хуже всего было, когда тебя выкрали из машины. Знаешь, у меня внутри что-то оборвалось, когда я это увидел. Правда. Если бы с тобой что-нибудь случилось… Нет, такого быть не может. Я тебя вытащу хоть с того света.

Яна встала на колени и сполоснула лицо в лесной лужице. Перепуганная лягушка прыгнула из под ее ног и уставилась на Демида темными глазками. Все этажи леса заполнились звуками пернатого народца – в шорохе листвы разносилось эхо кукушки, дятел деловито выбивал дробь на стволе березы. Алексей кашеварил у костра. В котелке аппетитно булькало, пузырьки лопались и выпускали тонкие струйки пара. Петрович подул на ложку, пробуя варево.

– А, вояки пришли! Располагайтесь. Ложки, правда только две, зато каши на всех хватит.

Демид, стараясь не торопиться, глотал огненное хлебово. Ему казалось, что он один может сожрать весь котелок. Он

вспомнил, что не ел по-хорошему со вчерашнего утра.

– Ну что, Алексей Петрович, долго еще ехать осталось?

– Ну, это как считать. Километров, пожалуй, пятнадцать будет, только ведь дорога-то плохая. Считай, и нету дороги. Проплюхаем долго.

– Прямо в глухой лес везешь? Не одичаем там?

– Ну так одичать и в городе Париже можно, ежели зверем жить. С голоду не помрете, избушка тоже не самая плохая. А через пару дней навещу вас, когда ясно будет, что к чему. Если что, сами на дорогу выберетесь, покажу как. Пешком-то, пожалуй, быстрее, чем на машине будет. Не робейте.

– Слушай, Петрович, вопросик тебе задам. – Демид, сыто жмурясь, растянулся на травке.

– Задай, если не боишься.

– Агей. Имя такое тебе ни о чем не говорит?

– Агей? – глаза Алексея недобро потемнели. – Мало ли Агеев на свете? Знавал я одного человека с таким именем, так ведь и человеком-то его не назовешь. Кровопивец был, каких мало. Сгинул он давно. Видать, Господь сжалился над людьми и сверг его в геенну огненну. Лучше и не вспоминать о нем.

– Придется вспомнить. Жив он или нет, вопрос спорный. Но если это тот человек, которого я имею в виду, то куролесит он еще по свету. Ты уж будь добр, расскажи, что знаешь.

– Так ведь, если жив, годков за девяносто ему уже будет. Он, считай, в начале века родился. Мне уже под шестьде-

сят, не смотри, что прыгаю, как молодой. Помню его хорошо. Чай, в одной деревне жили.

Семья у Агея была нехорошая, колдовская. Мать была ведьма старая, никто с нее покою не знал. А отца агеева никто отродясь не видел – тоже, небось, человек был темный. Жили они на отшибе, в черной избушке, и все добрые люди то место стороной обходили. Каким мальцом был Агей, не ведаю, он ведь в отцы мне по возрасту годился. А когда стал я себя сознавать, уже помнил, что связываться с этим супостатом не стоило. Говорят, что в двадцатые годы, когда людей в колхозы стали сгонять, ровно скотину, Агеюшка первым активистом был – почетной, так сказать, голытьбой. Свирепствовал он тогда без всякой совести, и не из чувства долга, а для собственного удовольствия. Ведь край-то у нас далекий, кондовой. Может, и не больно бы донимали большевики со своими порядками. Так нет ведь, этот упырь житья никому не давал! Ходил с командой своих голодранцев, двери ногой распахивал. Сам в сапогах яловых, фуражке, бороду сбрил, поганец. Да еще очки завел для форсу, за них его Сычом прозвали. Люди-то у нас жили не бедно, водилось кое-что в закромах. Такие, как он, бесштанные, водились редко. Старообрядцы-то, они люди богаты были, самый что ни на есть купеческий народ.

– А что же Агей?

– Сыч-то этот очкастый? Выгребал все под чистую, на пропитание и посев и то не оставлял. Знал, у кого где и что

сховано, словно сам прятать помогал. А уж раскулачивал и по разнарядке, и без нее. Да все норовил не выслать, а расстрелять человека, чуть что не по его. Время было лихое, все списывалось. Священника нашего лично пристрелил из нагана, а церковь Божию осквернил – устроил там свой вертеп. Нехристь был, одним словом. Говорят, не раз мужики пытались его убить, стреляли даже, да все без толку. Выходил он живым из любой передряги, будто заговоренный.

Только это все до меня было. По рассказам я это знал. Родился-то я в окаянном тридцать шестом, в этом же году, говорят, и загребли Сыча в тюрягу. Думаю, что по уголовному делу. Вор он ведь был форменный, да только ничего у него не держалось, что награбил. Все спускал, так и жил голытьба голытьбой. В предвоенные-то годы, когда я пацаненком был, хоть и голодновато было, какой-никакой порядок уже установился. Может, потому и установился, что Сыча посадили. Однако долго он не просидел. Тогда ведь только политические полный срок мотали, а к таким ворюгам, как Агей, власть благоволила. Появился он перед самой войной, тогда я его и запомнил.

Алексей задумчиво опустил голову, пошевелил пальцами босых ног. Тень легла на его лицо, резче обозначив морщины. Он отхлебнул черного чая из кружки и прокашлялся.

– Вернулся он с тюрьмы, вел себя тихо. Да только негодяем стал еще пуще, чем раньше. Поселился на окраине, дружбу ни с кем не водил, да и люди от него шарахались, как от

чумного. Так я его и помню – ведьмак ведьмаком. Глаз у него был черный, пронзительный до того, что смотреть невозможно. Дурной глаз. Бородища вороная, длинная. Полушубок бараний, шиворот-навыворот. Вечно ходил в нем. Нечесаный, немытый, как зверь в чащобе. Малолетками мы боялись его до беспамятства, хотя, вспомнить, так и голоса его никогда не слышали. Бывало, ходили к нему людишки дрянные, да все незнакомые, да все больше по ночам. Говаривали, что вор он в законе и вся шпана в районе дань ему платит. Но по мне, так не столько он был уголовником, сколько колдуном. Колдуном черным, злонамеренным. Так всю войну и прожил на отшибе. В армию его не взяли, отмазался. Батька вот мой погиб на фронте, а Сыч чертов пересидел в своей берлоге, хоть бы хны. Тяжелое время было военное. С голоду не пухли, лес-кормилец не давал умереть, но жили внатяжку. А этот паразит явно не бедовал, даже морду отъел. Но вот чтобы за куском хлеба к нему обратиться… Те, кто не выдержал, сходил к нему с поклоном, людьми быть уже переставали. Нападала на них черная злоба, словно не деньгами, а душами они с ним расплачивались. Тяжко это вспоминать, да и забылось многое…

Демид вспомнил старика в вывернутом полушубке, явившегося к нему во сне. "Значит, вот ты какой, Агей-Сыч. Знаю я тебя в лицо".

Он поглядел на Яну. Она сидела, обняв колени. Лицо ее окаменело, словно подернутое морозом. Демид осторожно

дотронулся до плеча девушки. Она схватила Демида за руку, придвинулась ближе и зябко прижалась к нему.

– Вот, пожалуй, и все, – проговорил Алексей. – А после войны пропал он, больше его и не видели. Слухи ходили среди деревенских, что подался он в город, промышлять там разбоем. Что снова посадили его, а может, даже расстреляли. Это нам неведомо, да и не хотел я ничего больше знать об этой нежити.

Он поглядел в глаза Демида и тот понял – много рассказал Алексей, да не все. Выдавал его взгляд – знал он еще что-то про Агея. Но что ж поделаешь – не станешь же копаться в его мозгах, не тот это человек.

– А что за надобность тебе знать про Агея? – с прищуром спросил Алексей. – Ты-то как мог с ним столкнуться? Ведь тебе, поди, и тридцати нет.

– Да ничего. Не того я имел в виду Агея, про которого ты рассказывал. Так что зря побеспокоил.

– Угу. – Петрович глянул с недоверием.

Алексей засобирался, запихивая в мешок посуду и ворча что-то под нос. Рассказ об Агее явно не способствовал его хорошему настроению. Он завел мотор и, кряхтя, уселся за руль.

– А вы, ребятки, давайте снова в кузов. Через деревню сейчас поедем, не надо, чтобы кто вас видел. Заодно провианту вам накупим в сельмаге. Залазь!

Машина запрыгала по желтой дороге, взбрыкивая задом

и подбрасывая Демку с Янкой на каждом ухабе до потолка. Дема попробовал заговорить, но чуть не прикусил себе язык и оставил это опасное занятие. Скоро в окошечке показались дома, и машина остановилась – так резко, что ребята не удержались и шлепнулись на кучу одеял. Янка повалилась на Демида и захохотала. Дема зажал ей рот рукой.

– Тихо, – сказал он зловещим шепотом. – Всю деревню на уши поставишь. Конспирация и еще раз конспирация!

– Здорово, Лексей! – раздалось с улицы. – С городу, что ль, приехал?

– Ага, – ответил голос водителя. – Слышь, Тимофевна, в сельпе хлеб есть?

– Привезли только.

– А консервы?

– Этого добра всегда хватат. Собрался, что ль, куда?

– А как же? В лес надо ехать, на делянку. Тебе ж первой дрова надо будет. Принеси-ка мне с огороду лучку, редиски, огурчиков. Да побольше.

– Смотри не лопни.

– Давай, давай. За брюхо мое не беспокойся, оно много вмещает.

Через десять минут дверь приоткрылась и в нее вплыл большой пакет, набитый всякой зеленью. За ней появилась всклокоченная голова Алексея.

– Это вам. Пойду в магазин. Деньги есть?

– На. – Дема сунул в огромную лапу смятую кипу бума-

жек.

– Да ты что как, не считая? А как обжулю?

– Алексей, не смеши. Покупай побольше и получше, не экономь. Надо будет, еще напечатаем.

– Ну смотри. – Петрович качнул головой и сунул деньги в карман. – Вон видишь, избушка? Моя!

В голосе его прозвучала гордость. И действительно, гордиться было чем. Дом тянулся к небу остроконечной крышей, отличаясь от всех изб в деревне какой-то нездешней аккуратностью и изяществом. Демиду вообще не приходилось видеть таких домов в русских селах. Он словно сошел с картинки западного туристического проспекта – двухэтажный, светящийся желтым лакированным деревом, обвитый мохнатым плющом. Перед домом не было обычных для российского огорода грядок, увенчанных прутьями и обрывками целлофановой пленки. Зато в изобилии росли цветы. Дема присвистнул.

– Ничего себе! Ты его что, из-за границы вывез?

– Да нет. Что захотел, то и построил. Рукам-то я своим все же хозяин. – Алексей посмотрел на свои мозолистые клешни. – Через этот дом меня вся деревня чудаком считает. Все спрашивают: "А где же скотину-то держать?" А я и не хочу ее держать – баранку кручу, на жизнь хватает.

– В гости не пригласишь? Чайку попить.

– Приглашу, милый, да только не сейчас. – Алексей глянул настороженно, насупился. – Не обижайся. Сейчас неже-

лательно, чтоб народ видел, что я чужих на заимку повез. Разболтают ведь по всему белу свету, народ любопытный, недалеко и до беды. Сам понимаешь. И так тут много с тобой разговариваем. Прячься давай.

Он захлопнул дверь.

– Дема, а ничего, что он сразу так много продовольствия закупит? – спросила Яна. – Там ведь больше десяти килограммов будет. Он может вызвать подозрение.

– У кого, у этих, что ли? – Дема хмыкнул. – Вот если бы он пришел в магазин и попросил сто грамм колбасы и пятьдесят сыра, все бы сразу насторожились, за американского шпиона бы приняли. Здесь ведь затариваются основательно – ведрами и мешками. До следующего привоза.

– Привоза? Это что такое?

– Есть такое русское понятие, – пробормотал Демид. – "Привоз". Особый социопсихологический феномен. Привоз в магазин, черт бы его брал. Переводу на иностранные языки не подлежит.

– Это хорошо. У вас большой покупательный спрос населения. Хорошо, что они так много покупают. Это способствует развитию экономики.

– Ага… – Дема поскреб в затылке.

Не понимал он иногда этих иностранцев. Дурацкие у них шутки.

Петрович отсутствовал не менее часа. В это время не раз появлялись подозрительные бухие личности, шатались во-

круг "УАЗа" и даже пытались открыть запертую дверь. Демка с Яной пришипились на полу и затаили дыхание. Обошлось. Наконец, дверь открылась и в нее въехал, погромыхивая банками, огромный баул со снедью. Через полминуты машина рванула с места, заставив беглецов слететь на пол и громыхнуться спинами о стенку. С улицы раздался пьяный голос:

– Лех, богатый нынче? Дай на опохмелку.

Алексей остановил машину, открыл дверцу и внятно произнес:

– А питие, сын мой, есть от Диавола. Сия пагубная привычка отдаляет тебя от благословения Божия и разрушает ферментные системы организма. Иди, мой сладкий, и займись общественно полезным трудом. Сортир, к примеру, почисти…

– Ну и хрен с тобой, профессор гребаный! Умный больно выискался!

"Так-так, – подумал Демид. – Ферментные системы организма… Западный коттедж, в который посторонним вход воспрещен. Деревенский шофер по прозвищу "Профессор". Впрочем, улик для отдельного досье пока недостаточно. Мало ли необычных людей на свете?"

Машина поехала, Демид засек время, посмотрев на часы.

"Наверное, Алексей – бывший политический зек. А может, пострадал из-за религии? Да-да! Повадки у него – как у попа-расстриги".

Мысль эта успокоила Демида и он предался занимательному кувырканию по салону, пытаясь ухватиться за что-нибудь не летающее взад и вперед.

"Буханка" ехала медленно, время от времени забуксовывая в песке и выбираясь из него с надсадным ревом. Наконец двигатель заглох и в салон заглянул Петрович.

– Что, ребятки, умаялись скакать? Ну, еще маненько осталося. Подсобите толкнуть мою конягу, что-то движок не тянет.

Демид выпрыгнул из машины. Дорога уже почти исчезла, оставив лишь заросшую травой колею. Березняк сменился темным пихтовым лесом, верхушки мрачно шелестели в недосягаемой вышине, между гладкими коричневыми стволами стояло душное затишье. Поваленные под углами колонны гигантских деревьев создавали сюрреалистическую геометрию – живую и мрачную.

– Эй, парень, хватит таращиться. Наглядишься еще до одури, время будет. Налегай плечом. Гляди, вон девчонка-то твоя как старается!

Янка и вправду уперлась в зеленую тупую задницу "УАЗа", пытаясь сдвинуть незаведенную машину. Демид улыбнулся и поплевал на руки.

ГЛАВА 11.

Машина остановилась на опушке леса.

– Ну вот и ваши хоромины. – Алексей повел рукой жестом хозяина. – Бывает, в сезон здесь охотники останавливаются, чаще осенью. А сейчас вас никто не побеспокоит. Так что располагайтесь как дома.

Хоромины представляли собой приземистую избушку, срубленную из толстенных бревен – неказистую, но с многовековым запасом прочности. Домик слегка покосился, уставившись на путешественников единственным темным оконцем, и прижался боком к просторному сеновалу. Впрочем, выглядел он вполне дружелюбно.

– Ну что, нравится?

– Как в кино. – Яна смотрела на избушку с изумлением. – Никогда не думала, что придется жить в хижине Железного Дровосека. Демид, ты читал такую сказку? Железный дровосек из страны Оз. Ее написал Фрэнк Баум.

– Это у вас – Баум, – наставительно произнес Демид. – А у нас – Волков. У нас, понимаешь ли, все свое, отечественное. Даже башка, набитая отрубями. У вас – Пиноккио, хулиган и тунеядец. А у нас – Буратино, ставший на путь трудового перевоспитания…

– Я читала про Буратино, – сказала Янка. – Папа давал мне такую книжку, когда я была маленькая. Хорошая сказка.

Я даже клала ее под подушку…

– Эй, вы, буратины, хватит болтать. – Петрович спешил. Повел показывать нехитрое свое хозяйство. – Здесь у меня сенничок небольшой. Можно спать здесь ночью, да только комары сожрут. Ну, дом вы видели. Удобства все в лесу, умывальник – вот. Да, еще банька есть неподалеку, возле речки, хоть и черная, да справная. Натопить-то сможешь?

– Постараюсь.

Они, пригнувшись, зашли в избушку. Внутри она состояла из одной комнаты – широкой, тускло освещенной. Потолок был низок, Демид задел головой свисающие нити паутины. Между толстыми бревнами стены торчали пучки седого мха. В углу стоял большой топчан, покрытый старой медвежьей шкурой. Стол и два табурета были сделаны из чурбанов, слегка обтесанных для приличия. Зато на полочке в углу стояла древняя икона, закопченная почти дочерна.

Имелась и небольшая печка, обмазанная растрескавшейся глиной. На полках стояли высокие туеса из бересты, стеклянные банки с крупами, висели сыромятные ремешки и упряжь, наполняющие комнату слабым запахом кожи. Дема провел пальцем по стеклу оконца, оставляя светлую дорожку в пыли.

– Приберетесь маненько, я думаю, – сказал Алексей, втаскивая в избу сумку с едой. – Содержите дом в порядке, а то он на вас обидится, второй раз не пустит. Посуда вот тута, а провизию держите на полках, да от мышек берегите, так

не оставляйте. Постелю я вам тоже припас. Вот наволочки для подушек – мохом набьете, спать сладко будет. Вот простыня даже. – Он с некоторым сомнением осмотрел полотно, бывшее некогда белым, а теперь серое и истертое до дыр. – Ну, простыня, в общем. А одеяло, извиняйте, только одно, да так и теплее-то, вдвоем под одним одеялом. Не замерзнете. Дверь открытой не держите, комарья напустите. А вот электричества у меня нету. Пользуйтесь свечками, да не жгите лишку. – Он упер руки в боки и внимательно осмотрел свое хозяйство. – Рад бы остаться с вами, ребятишки, да дела дома. Да и мешать не хочется стариковским брюзжанием. Приеду денька через два – посмотреть, как вы тут лесуете. А пока прощайте.

"Буханка", чихая и переваливаясь с боку на бок, скрылась за деревьями. Демид почувствовал себя спокойно – в первый раз за последние дни. Ничто в его душе не подавало сигнала тревоги.

– Вот мы с тобой и остались хозяевами, Яна. Не Монте-Карло, конечно, но экзотики хоть отбавляй.

– Как все странно… Я и во сне не могла представить, что так приключится. Мне кажется, что я попала в некий фильм ужасов и играю там чужую роль.

– Все мы играем роли – кто по своей, а кто и по чужой воле. Наверное, где-то есть сценарий, в котором расписаны все наши действия на месяцы и годы вперед. Мы выступаем там в качестве статистов, да только статисты попались нику-

дышные. Спокойно нам не живется, все время суем свой нос в чужое дело и норовим все сделать по-своему, путаем все карты. Я думаю, что через некоторое время все прояснится, встанет на свои места. Даже если мы ничего не будем делать, а будем просто валяться кверх пузом на солнышке и ловить рыбу.

– Почему ты так решил?

– Увидишь. А сейчас постарайся выкинуть из головы все мрачные мысли. Будем просто жить. Давай перекусим. Потом немного приберешься в избе, а я схожу, натоплю баньку. Ты когда-нибудь мылась в настоящей русской бане?

– Нет.

– Попарю тебя как следует.

– А мы что, вместе мыться будем? – Янка порозовела.

– Вместе. А ты что, против?

– Не знаю… Я стесняюсь.

– Ну что ты, Яночка. Тебе нечего стесняться. Ты…

(ты изумительно красива. Я восхищаюсь тобой, твоей улыбкой, каждым твоим движением. Хочу увидеть тебя всю всю всю)

Русский обычай у нас такой, – сказал Демид. – Russian custom[18]. В бане мы все вместе моемся. Мужики и бабы.

(Идиот)

– Хорошо. – Яна посмотрела на него как-то странно и улыбнулась. – Хорошо, пойдем вместе.

---

[18] Русский обычай (англ.)

* * *

Демид долго возился, растапливая баню. Работа была ему в удовольствие, хотя с непривычки и наглотался дыма. Банька топилась по черному – трубы не было, дым выходил через дверь, стелясь сизой завесой по потолку. Стены покрывал слой копоти и Дема перемазался как кочегар. Разогрелась баня хорошо, до сухого смолянистого жара. Дрова прогорели, чад сошел, вода неторопливо булькала в котле. Демид сполоснул чумазую физиономию в речке и потопал в дом.

Яна спала на топчане, умаявшись после бессонной ночи. Она привела в порядок избу, и та обрела опрятный жилой вид, почувствовав добрые руки хозяйки. Постирала даже. Белье Яны и демина рубашка сушились теперь на солнышке. На самой же Янке были только джинсы, надетые на голое тело. Она свернулась калачиком на боку, положив руки под щеку, и мирно посапывала. Дема нежно погладил ее по плечу.

– Яна… Просыпайся. – В горле его почему-то пересохло. – Пойдем мыться.

* * *

Янка шла по тропинке впереди, покачивая бедрами. По-

прек ее загорелой спины шла светлая полоска от купальника. Демид шлепал сзади, голова его отчего-то слегка кружилась.

Наверное, Яна была самой обыкновенной девушкой – каких много было в его жизни. Но сейчас Демид не мог представить себе кого-нибудь лучше ее.

"Влюбился?" – спросил он себя.

И ответил: "Да".

Они зашли в предбанник. Золотистая кожа девушки слабо светилась в полумраке. Она нерешительно стояла, теребя молнию на брюках.

– Ну что, раздеваться?

– Конечно. В штанах мыться будешь?

Демид уже скинул с себя всю одежду. Он чувствовал особое, дрожкое возбуждение от собственного обнаженного тела. Яна отвела взгляд, соски ее напряглись и затвердели, выдавая волнение.

– Янка, иди сюда.

Яна сделала шажок и прижалась к Демиду, закрыв глаза. Дема осторожно дотронулся губами до ее щеки, вдыхая нежный цветочный запах. Яна обняла Демида за шею, провела язычком по его шершавым губам. Дема почувствовал, как острые кончики ее грудей заскользили по его коже. Он поцеловал ее и губы ее ответили с неожиданной страстью. Янка расстегнула пуговицу и переступила через упавшие джинсы. Рука Демида скользнула по гладкому бедру девушки.

– Янка, милая моя… Ты самое лучшее, что Бог создал на

земле.

Яна захватила теплым ртом ухо Демида и укусила его. Он почувствовал, что уже не может справиться с охватившим его возбуждением.

– Я хочу тебя…

– И я… – Она охватила его ягодицы руками и прижала его к себе.

Он думал, что это произойдет по-другому… Цветы, шелковая простыня… Нет, он уже ни о чем не думал. Он просто проникал в нее глубже и глубже. Слился с нею. Стал с ней единым движущимся целым.

– Хорошо… Еще, еще… – тело девушки обмякло и она потащила Демида на пол.

* * *

Они расслабленно лежали на полу в предбаннике. Янка обняла Демида за шею и закинула на него ногу. Солнце, пробивающееся сквозь щели, раскрашивало спину и ягодицы девушки в светлые полоски. Яна медленно проводила коленом по бедру Демида, подаваясь к нему всем телом и заставляя блаженно щуриться. Кожа ее блестела от пота.

– Дема… Странно, правда?..

– Что?

– Что все это случилось так быстро. Я знала, что это будет. С самого начала знала, как только тебя увидела. Я толь-

ко думала – как же это произойдет? Помнишь, я в Москву уехала на две недели? Я там просто спать не могла, все время вспоминала тебя – как ты бежишь по обочине, я вижу твою спину, я еще никогда не видела твоего лица, но уже знаю, что никогда его не забуду…

– Яночка, солнышко мое… – Демид улыбнулся. – Ты знаешь, мужчины любят глазами. Я смотрю на тебя, на твою изумительную, совершенную красоту, и не верю, что такое случилось со мной. Я король воров. Я украл тебя – самый лучший, самый драгоценный камень на свете.

– У кого украл?

– У всех. Украл тебя и спрятал здесь. И не отдам никому. Я спрячу тебя в сейфе, и буду вынимать тебя тайком, и рассматривать при магическом свете луны, и ты будешь только моей…

– Нет, так нечестно, – заявила Яна. – Я не согласна так – только глазами. Мне такой любви мало! И прятать меня не надо, я без солнца не могу. Вот ты сам попробуй – поживи в сейфе. Там скучно. И мыши.

Она провела рукой по животу, на ладони ее остались разводы грязи.

– Надо было сделать это после бани. Чистыми.

– Я думаю, что после бани мы еще раз сделаем это. И перед ужином. И после ужина, кстати, тоже можно попробовать…

– Дем, ты только не подумай, что я такая распутная. У ме-

ня вообще очень маленький опыт. Ну… В общем, это было у меня только один раз. С одним мальчиком в школе. Нам было любопытно попробовать, что это такое. Хотя и страшно.

– Ну и как это было? – Демид ощутил укол бессмысленной ревности к этому далекому мальчишке. Небось, ездит на каком-нибудь навороченном "Ягуаре", в шортах до колен, рубашке навыпуск, с пижонскими бакенбардами, с непременной жвачкой во рту. Конечно, чего не жить в Канаде-то?

– Это было больно. И я не захотела больше. Хотя мне этот мальчик нравился.

– Симпатичный?

– Да так, ничего… Конечно, не такой красивый, как ты.

– Я – красивый? Да ты что! Ты посмотри на мою физиономию разбитую! – Дема покачал головой. Он никогда не считался красавчиком, вот уродом, случалось, называли.

– Ты красивый. У тебя особая красота – мужественная. Она в глазах, в шрамах на руках, в походке твоей танцующей. В манере разговора. Для меня ты самый красивый.

– Спасибо… Как странно слышать от тебя комплименты.

– Дем, – Янка потупила глаза. – Мне понравилось. Это. Я не знала, что может так быть.

Поцеловала его. Медленно поднялась на ноги. На спине ее отпечатались доски пола красными полосами.

– Пойдем мыться. А то так и пролежим на полу все два дня.

Яна потянула дверь на себя, решительно сделала шаг впе-

ред. И выскочила обратно, как пробка.

– Ой!!! Жарко! Здесь как в пекле!

– Вперед! – Демид подтолкнул ее в спину. – Не отступать! Это благородный пар. Все твои хвори разом вылечит. Залезай наверх!

Яна забралась на полок, обхватила руками колени. Глаза ее блестели в полумраке, на коже выступили крупные капли. Демид вытащил из таза распаренный веник и помахал им. Горячая волна возникла в воздухе, отразилась от стен и обдала Яну, едва не скинув с полки.

– Ты что, будешь бить меня этим страшным веником?

– Буду. Ложись на живот. Терпи. Привыкай.

Яна потянулась в кошачьем движении, томно выгнув спину. Дема провел рукой вдоль ее спины, и хлопнул по круглой попке. Девушка скользнула вниз и уткнулась лицом в ладони. Демид начал осторожно похлестывать веником, нагоняя жар. Яна жалобно стонала и ерзала при каждом хлопке. Кожа ее покрылась красными пятнами.

– Ой, Демка, больше не могу! Сейчас умру!

Она соскочила с полки и выпорхнула из бани.

Демид стоял в открытой двери и с восхищением смотрел на нее. Яна летела по лужайке как длинноногий грациозный зверек. Она с визгом плюхнулась в речку и вода вокруг нее закипела. Янка восторженно плескалась, прыгала и бултыхала ногами как большой голый ребенок.

– Ой, как хорошо! Демка, иди сюда!

Демид, покрываясь гусиной кожей, зашел по колено в прозрачный студеный поток. Яна прянула из воды как русалка, подняв столб брызг. Она прыгнула на Демида, обвив его ногами и чуть не удушив в объятиях. Они с шумом свалились в реку. Демид набрал воздуха и погрузился лицом в воду. Янка оседлала его и лупила кулачками по спине.

– Вот тебе, вот! Хотел меня живьем зажарить?

Дема медленно всплыл спиной вверх, не подавая признаков жизни.

– Дем, ты чего? Кончай дурачиться! Ну Демка! Ты что, утонул?

Дема хитро улыбнулся рыбешкам, снующим во взмученной глубине. Янка теребила его, пытаясь перевернуть на спину. Наконец выволокла на берег. Дема старательно изображал утопленника, стараясь не дышать. Руки его бессильно распластались по траве. Янка сильно хлопнула его по щекам. Голова Демида мотнулась, рот приоткрылся, приоткрытые глаза бессмысленно уставились в небо. Яна приложила ушко к его груди.

Сердце Демида предательски стучало.

– Ага. Хочешь меня обмануть. Я знаю, как тебя оживить!

Она уселась верхом на живот Демида и нежно потерлась о него шелковистым лоном. У самого лица Демида покачивались круглые груди с аккуратными розовыми кружками. Яна закрыла глаза, кончик языка блуждал по ее губам. Желание горячей волной прокатилось по телу Демида, он сделал глу-

бокий вдох и выгнулся дугой. Девушка свалилась с него и засмеялась.

– Никогда не видела у покойника такой хорошей эрекции.

– Ты и мертвого можешь возбудить. Вернула меня с того света. Иди сюда…

Янка скользнула под него и они занялись самым простым делом на свете.

ГЛАВА 12.

Демид запомнил эти два дня как самые счастливые в своей жизни. Они собирали чернику и дурачились, размазывая ее синими пятнами по лицам. Купались в речке до дрожи в теле и согревались в объятиях. Янка рисовала портрет Демида углем на конфетной коробке и хохотала, украшая его гусарскими усами и свиным пятачком. Дема свирепо гонялся за ней и валил на траву, собираясь растерзать за подлость. Они изучали друг друга, познавая каждый уголок тела. Они рассказывали друг другу самые сокровенные мысли и желания. Они совсем забыли о своих неприятностях, выкинули из головы мысли о далеком колдуне и его проклятии – казалось, ничто не может угрожать им в этом зеленом шелестящем мирке – таком светлом и беззаботном. Но паук на груди Яны существовал по-прежнему. Он заметно подрос, опустился толстым мохнатым брюхом на сосок и тянулся лапами к шее.

На вторую ночь заклятие старого ведьмака напомнило о себе.

Вечером Яна притихла. Печально молчала, съежившись в углу. К еде не прикоснулась.

– Яночка, солнышко, что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь?

– А почему я должна себя хорошо чувствовать? Я, навер-

но, скоро умру и никто не сможет этому помешать… Все хорошее когда-нибудь кончается. Любое счастье требует расплаты, а веселье всегда кончается слезами. Ты что, забыл, почему мы здесь оказались? Как ты думаешь, что такое ад? Это вправду – черти, сера и кипящие котлы? Или еще что-нибудь страшнее? Века беззвучного, бессмысленного оцепенения, невыносимого ужаса?

– Яна, милая… – Демид хотел наговорить кучу добрых, ласковых слов и почувствовал вдруг, что они неуместны. Что он мог сейчас сказать? Как мог достучаться до ее души, разбуженной счастьем, и вдруг отпрянувшей, съежившейся от страха? – Понимаешь, жизнь так устроена. У всех нас есть свой колдун – свой дикий ужас, который хватает нас за горло и не дает вздохнуть. Он там, внутри. – Демид ткнул пальцем себе в грудь. – Он силен. Он непременно убьет любого из нас, если мы позволим ему сделать это. Не позволяй, Яна!

– Мой колдун не там, – Яна смотрела на него раздраженно. – Он – извне! Что я могу сделать с ним?

– Обстоятельства… Это все – обстоятельства жизни. Не позволяй им взять над тобой верх. Да, конечно, колдун считает, что ты вся в его власти, что он может сделать с тобой все, что захочет. Но только… Я думаю, что он сильно просчитается. Не верю я в его могущество. Сама подумай. Если Агей этот такой всесильный, чего ему стоило растоптать и тебя и меня в одно мгновение, как он уже загубил десятки других людей? Сколько сил он употребил, чтобы добить-

ся своего! В двух странах, в двух концах света, направил он против тебя свои чары, послал против нас столько негодяев, что можно было бы истребить десяток человек. И все безрезультатно! Наверное, у тебя есть свой ангел-хранитель и он помогает тебе выжить. Разве не так?

– Я думала, что ты – мой ангел-хранитель. Верила, что ты можешь меня спасти. А теперь… – Яна зло сверкнула глазами. – Два дня трахаемся здесь, как кролики, дурака валяем. По-моему, тебя больше ничего не интересует. Ты получил то, что хотел. Ты ведь хотел только этого, да, fuckin' man? Ты ничего уже больше не делаешь. Плевать тебе, что будет со мной дальше!

– Извини… – Демид попытался обнять девушку, но та холодно отстранилась. – Никакого злого умысла с моей стороны не было. Как ты могла такое подумать? Ну да, я потерял голову. Я… Люблю тебя, Яна. Мне совсем не просто сказать эти слова. Но это правда. Я тебя люблю.

– Не надо громких слов! Люблю, не люблю… – визгливый истерический оттенок появился в голосе Яны. – Ты просто используешь меня! Как вещь!

Демид ошарашенно замолчал. В голове его зазвенело словно после хорошей оплеухи. Он не мог представить, что можно услышать такое от Яны. Его Яны, милой, нежной и доброй.

– Яна, успокойся, пожалуйста! Ты просто устала. Ложись спать. Тебе надо хорошенько выспаться.

Янка фыркнула почти с ненавистью, и повернулась лицом к стене, с головой накрывшись одеялом. Демид осторожно опустился рядом.

Он никак не мог заснуть.

Ему было очень грустно.

Было тоскливо так, что хоть на стену лезь.

Он был взрослым человеком, реально воспринимающим этот мир. Может быть, даже слишком реально – практично, а порою и цинично. И, конечно, несмотря на это, он уже успел построить за два дня свой замок иллюзий. Такое случается с людьми, которые вынуждены думать о том, доживут ли они до завтрашнего дня. Вынуждены просчитывать каждый свой шаг, каждое слово. Некуда таким людям убежать. Они могут спрятаться только в самих себя. Выстроить внутри себя мирок, благоухающий цветами.

В мирке Демы не было долларов, виллы в Канаде, богатого папаши-миллионера и свадебной процессии на Роллс-Ройсах. Деньги, по большому счету, его не интересовали. За свою жизнь он слишком много заработал и потерял денег, чтобы включать их в список жизненно необходимых предметов.

В мирке Демида было только одно. Точнее, только одна – Яна.

Может быть, он действительно любил ее?

Во всяком случае, он не мог не думать о ней. Не мог не мечтать о ней. Это было неприятно – быть зависимым от ко-

го-то. Но в этом было и мучительное наслаждение – быть зависимым от нее. Только от нее. От единственной, для которой он готов был сделать исключение.

И все это было напрасно.

Или нет?

Демид не привык просто так отдавать то, что принадлежало ему. А Яна была тем, что *должно* принадлежать только ему…

С этой мыслью он и заснул.

* * *

И проснулся от боли.

Что-то ползало между его ног – голодное, шершавое, суетливое. Что-то царапало его кожу, перебирало членистыми суставами как огромное насекомое.

Вдруг он понял, что это рука. Человеческая рука. Или почти человеческая. Ищет что-то, впивается в его кожу до крови длинными, острыми ногтями.

Демид вздрогнул всем телом. Испуганно выбросил вперед ладони, и в кромешной тьме они уткнулись во что-то твердое, холодное, как лед.

Демид нащупал на полу зажигалку, зажег свечу. Язычок пламени выхватил из темноты лицо: резкие, отвратительно угловатые черты, запавшие воронки глаз, распухшие губы утопленницы, черный язык, блуждающий по губам.

Яна. Невозможно было поверить, что это она. Но и отрицать это тоже было невозможно.

Она, обнаженная, сидела на его вытянутых ногах. Кожа ее почти светилась в темноте – бледная, как у обескровленного покойника. Сидела, и как сомнамбула, пыталась запустить руку ему в трусы

– Яна… Ты что? Проснись!

Голова ее медленно повернулась на его голос. Глаза в глаза.

Демиду не приходилось видеть взгляда страшнее. Птица. Вот кому могли принадлежать такие желтые, немигающие глаза-стекляшки. Огромная, сошедшая с ума похотливая ворона.

Кто-то украл прекрасные голубые глаза Яны, девушки, которую он любил, и вставил вместо них мертвые буркалы.

– Человечек… – Усмешка скривила черные губы и клыки желто блеснули между ними. – Проснулся, человечек… Трахни меня! Скорее! Людишки любят это. Они любят совокупляться, голые и потные слизни! Трахни! Я знаю, ты всегда этого хочешь…

Голос был низким и сиплым. Что-то чуждое спряталось в телесной оболочке Яны, поработило ее разум.

Демид молча извивался. Он попытался освободить ноги, но они не слушались. Яна – или то, чем было сейчас это существо, – сдавило их мертвой тяжестью, лишило чувствительности. В воздухе витал острый мускусный запах.

– Яна, что с тобой случилось? Проснись!

– Поцелуй меня… Возьми меня… Убей меня… – Руки ее тянулись к шее Демида, скрючившись, как лапы высохшего птичьего чучела.

– Яна! Ты слышишь меня? Борись с *ним* ! Выкинь *его* из головы!

– Что, брезгуешь мной? Не нравлюсь тебе такая? Не хочешь меня? Ну и черт с тобой!

Рука Яны скользнула между ее бедер и задвигалась там. Яна откинула голову и закатила глаза. Застонала в экстазе.

Его Яна не могла сделать такое. Не могла так вот сидеть перед ним, и мастурбировать, стараясь, чтобы он увидел как можно больше подробностей. Это был спектакль – дешевый и отвратительный. Кто-то разыгрывал его, используя тело Яны, как марионетку.

Кровь потекла по ногам Яны – похоже, бедная девочка поцарапала себя там, внутри.

Тело Демида ниже груди словно отрубили. Не было там уже ничего – ни ног, ни живота, ни спины. Тупой холод полз все выше, добираясь до сердца, чтобы остановить его в последнем мучительном спазме.

"Крест… Где крест? Боже, спаси нас, грешных…"

Демид лихорадочно зашарил рукой в ворохе одежды, пытаясь дотянуться до креста.

Существо остановило вдруг свое действо. Медленно поднесло руку ко рту. Слизало с пальцев кровь Демида и кровь

Яны.

Красные вертикальные зрачки сжались в точки.

– Ш-што, голуба, затрепыхался? Смертушку свою почуял? Бога своего зовешь? А где он, Бог-то? В раю, говорят? Там его место. Теплое местечко. Нешто он тебя услышит, творец своенравный, себялюбивый?! А твое место – в аду, человечек! Гореть тебе заживо… Гореть, как всем людишкам… Вошь ты супротив меня… Не таких, как ты, давил… лежат их кости гниючие по всей земле…

Голова Яны шипела, дергаясь и капая слюной.

Голос Агея. Демид узнал его. Трудно было не узнать.

– Молиться умеешь? Нонешние, они и это забыли… Молись, если можешь…

Костлявая рука сжала горло Демида. Демид попытался сделать вдох, но лишь захрипел бессильно, клацнул зубами бессильно, проскреб ногтями по полу.

Не было больше воздуха.

И все же он боролся, не мог умереть просто так. Шарил непослушными пальцами вокруг себя, искал крест.

Крест – последнее, до чего он хотел дотронуться в своей жизни.

Тьма взорвалась в его глазах миллионами искр. Тьма испуганно завопила сотнями вороньих голосов и разлетелась в стороны, хлопая крыльями рваной гари.

Крест мягко светился в руке Демида.

Сила вернулась в его замороженное тело. Он откинул чу-

жие пальцы от своей шеи и хрипло втянул воздух.

Во мгле появилось лицо Агея – заколебалось в воздухе полупрозрачной дымкой. Губы колдуна беззвучно двигались, растерянность читалась в глазах его. Демид вытянул крест перед собой.

– Нет тебе, диаволе, части и участия, места и покою, здесь крест Господень!.. – Демид сам не знал, откуда рождались эти слова в устах его. – Крест на мне, рабе божием Демиде, крест передо мною, крест за мною, крест – диавола и все враги победиша! Беги отсюда во ад кромешный, где твой настоящий приют и тамо да обретайся! Слово мое крепко, яко камень. Аминь, аминь, аминь…

Голова колдуна разлетелось на клочья, истаивающие в воздухе с шипением. Мгновение – и только едва заметный смрад паленой шерсти напоминал о случившемся.

Демид медленно сел на топчане, опустил ноги на пол. Положил крест перед собой, удрученно покачал головой.

Не чувствовал он себя победителем. Скорее – приговоренным к смерти, которому дали отсрочку на неизвестное время.

Яна со стоном приподнялась на локте. Кожа ее постепенно розовела, глаза приобретали осмысленное выражение. Она натянула одеяло на ноги.

– Дема, ты тут?

– Тут…

– Случилось что-то плохое?

– Да нет… Так… ничего. Спи.

Не мог он сказать ей сейчас. Он-то еще переживет такое. А она?

– Не обманывай. Я знаю… Такое уже было, – Яна провела рукой по своему бедру – всему в засыхающей крови. – Господи! Такое ощущение, что меня изнасиловали…

Она застонала от боли.

– Яна…

– Не говори ничего. Ты тут не причем. Я знаю… Я сама… Это он, колдун. Он появлялся. Он снова приходил. Что я делала? Что говорила тебе?

– Тебе лучше не знать.

– Демид! – Яна припала к его плечу и разрыдалась. – Я так больше не могу, Дем. Он делает со мной, что хочет! Если он придет еще хоть раз – я умру!

– Яна… – Демид гладил ее по голове. – Крест прогнал эту нежить. Колдун боится его.

– Боится?

– Да. Боится, сволочь. Боится. Господь не допустит… Крест Господень охранит нас. Сейчас главное не расставаться с крестом. Ни на секунду. Мы положили его на пол, и вот… Держи крест все время с собой.

– Хорошо, – шепнула Яна, сворачиваясь калачиком и закрывая глаза. – И ты будь со мной. Не бросай меня, Демид. Я дурная, но ты не бросай меня, пожалуйста…

ГЛАВА 13.

Утро. Демид хлопотал по хозяйству, пытался чем-то заняться, отвлечься от мыслей, разъедавших его изнутри как голодные черви.

Из-за деревьев раздался знакомый гул мотора. "УАЗ", подскакивая на выбоинах, выехал на поляну.

– Вот и я, – сказал Алексей, вылезая из машины. – Как и обещал.

– Привет, – мрачно произнес Демид. – Явился…

– Как вы тут? Медведи не замучили? – Петрович старался выглядеть веселым, но взгляд его был тревожен.

– Да ничего. Как на курорте.

– Ну слава Богу. А я-то волнуюсь… Яна-то где?

– Спит.

– Я только на минутку. Вот хлеба вам привез. Свеженького. Уеду нынче в город – опять командировку выписали. Вернусь завтра к вечеру, тогда уж и заберу вас отсюда. Лады?

– Про Агея ничего нового? – спросил Дема.

– Неугомонный ты, Дема. – Лицо Алексея потемнело. – Что ты все заладил про Агея? Помер он уж давно.

– Да ладно, Петрович, брось темнить! Знаешь ведь прекрасно, что жив он. – Демид прищурился. – Что ты за человек такой, Алексей?

– А что за человек? – глаза Петровича суетливо забега-

ли. – Мужик как мужик. Живу себе спокойно, никого не обижаю. Что ты пристал ко мне со своим Агеем? На кой он тебе сдался? Сам, что ли, колдуном хочешь стать? Мой тебе совет – не связывайся ни с какой нечистью, пропадешь. Мало тебе неприятностей в городе? Еще и нечистую силу хочешь себе на шею посадить?

– Уже посадил, – вырвалось у Демида. – Я-то думал, ты мне поможешь… Знаешь ведь ты многое. Да темнишь впустую. Где же совесть твоя христианская? Погибает ведь человек!

– Что за человек погибает? С Яной, что ли, плохо?

– Да.

Алексей помрачнел еще больше.

– Что случилось?

– Да так… Ничего. – Демида охватил вдруг приступ недоверия.

– Ну ты хорош! Лишнего слова не расскажешь, а хочешь, чтобы я тут с тобой в догадки-разгадки играл? Так дела не делаются. Загубить девчонку хочешь?

Душевно было сказано. И Дема сделал уже над собой усилие, пытаясь рассказать Алексею про сегодняшнюю невероятную ночь и все, что ей предшествовало. И не смог.

Давно он не встречал такого подозрительного типа, как Алексей. В каждом его слове сквозила недосказанность, а в попытке сыграть полуграмотного трудягу он, пожалуй, переигрывал лишку. Если бы Демиду сказали сейчас, что Петро-

вич – это Агей, сменивший обличье, он бы ничуть не удивился. Ничего себе совпадение – оказывается, шоферюга, случайно подхвативший Дему ночью в городе, знает Агея с детства, вырос с ним в одной деревне…

Не верил Демид в такие случайности.

– Спасибо, Петрович. Выручил ты нас, но… Я еще не готов рассказать тебе все. Подумать мне надо. Извини.

– Ну и лады. Не рвись. – Алексей положил руку Демиду на плечо. – Не спеши, а то голову потеряешь.

– Петрович, – Демид глянул на Алексея пристально, в самую душу пытаясь залезть. – Кто ты? Колдун? Такой же, как Агей?

– Нет уж, милый. – Петрович уже поворачивался, чтоб уйти, да повернулся. – Баш на баш. Ты – молчок, и я – молчок. Завтра увидимся. Только предупреждаю: не вздумай рвануть отсюда. И сам сгоришь, и девчонку загубишь. Это самое безопасное для вас место. И помни – друг я тебе, а не враг, уж верь или не верь. А пока прощай.

Демид зло глянул на медвежью спину Алексея.

"Господи, когда же все это кончится?"

* * *

День был тягучим. Солнце медлительно ползло по небу, наполняя лес колышущимся зноем. Яна все еще спала, не в силах очнуться после бессонной ночи. Демид бесцельно сло-

нялся вокруг избушки, все валилось у него из рук. Раздражал его любой звук – звон комаров над ухом, галдение птиц, шелест листвы.

Издалека вдруг донеслись сухие одиночные стуки – как будто кто-то стрелял из ружья. Демид настороженно прислушался, но все стихло.

Он уселся на пенек и начал строгать ножом дощечку, вырезая человеческую голову. Получалось что-то мерзкое – деревянный идол пялился на Дему незрячими белками и ехидно скалился. Дема запустил чуркой в кусты. И подскочил от неожиданности – на краю поляны стоял человек, вооруженный двустволкой. Этакий старичок-лесовичок. Щуплый, узловатый, заросший до самых глаз клочковатой бородой.

– Чего спужался – то? Я людей, чай, не стреляю. Нервные все стали, – незнакомец подошел поближе.

– Да, станешь тут нервным… Подкрался, как тать в нощи. Да еще и с ружьем!

– А как же? – Старичок захихикал. – Привычка така. Или прикажешь мне по лесу с громом шастать? Я, чай, охотник. Мне шуметь резону нету. Ладно. Серега меня зовут, – он протянул Демиду маленькую морщинистую руку.

– Дема. А по отчеству-то как будешь?

– А никак. Серега и есть Серега.

Охотник достал из кармана щепотку махры, свернул самокрутку и засмолил, окутавшись клубами вонючего дыма.

– А я смотрю, поселился кто-то в лехиной избушке. Го-

стите, стало быть, у него? В дом-то к себе, небось, не приглашал?

– Нет, – признался Дема.

– Оно понятно. Никого не приглашает. Золото там, что ли, держит? Хитрый Леха мужик. Ты-то откуда его знашь?

– Да познакомились случайно. Позвал отдохнуть на природе, рыбку половить.

– Клюет?

– Кто?

– Рыба, кто еще?

– Клюет. Ты мне вот что скажи, Сергей Батькович. Что этот Алексей из себя представляет? Я ведь и видел-то его полтора раза. Ты, небось, сызмальства его знаешь?

– Да откуда? Он ведь не тутошний. С городу приехал. Купил участок в деревне, делянку. Рабочих пригнал, да и склали они ему домик за два месяца. И ведь дом-то какой чудной, не нашенский.

– Ага. Так он здесь работает, в лесхозе?

– Да ты что? Кто тебе лапши на уши навешал? Не знаю я вообще, где он работает и на что живет. Гоняет на своем "УАЗе" туда-сюда, только пыль стоит. Хозяйства не держит, в дом к себе не пускает. Говорю тебе, непонятный человек, хоть с виду и неплохой.

– Неплохой?

– Ну да, неплохой с виду. В обращении простой. Всю деревню обворожил. Знает, как к людям подступиться. Порой

со стороны гляжу – аж завидки берут. Не каждый так умеет. Ко всякому человеку свой подход – ну что твой артист. К этому так, к другому сяк. Роль разыгрыват, как в кине. Вроде лапоть лаптем, а нет – и скажет ученое словечко. И взгляд-то вроде добрый, а наскрозь протыкает, прямо в душу залазит. Не пьет, опять же… По бабам не скачет, хотя мужик холостой, да и явно в силе. Говорю тебе, есть в нем двуличность. Я с ним связываться не люблю.

– А давно он тут обжился?

– Годов пять будет. В аккурат как Дуся Егорова померла, так он ее участок и купил.

– А раньше кем работал?

– Дак откуда ж мне знать? Говорят, ученым был в институте, чуть ли не профессором. А по мне, так он больше на иерея похож. Может, из попов выгнали за грехи какие?

– Ну спасибо, Серега, просветил. Может, перекусишь?

– Да нет, спасибочки. Вот если б стопарик за знакомство… Нет водки-то?

– Нету. Не держим.

– Жаль, – мужичок с подозрением глянул на Дему, и стало видно, что не такой уж он старый – пристрастие к вину износило его раньше времени, припечатало к физиономии немало годков. – Может, дичинки купишь? – Он потряс связкой перепелок и те мотнули мертвыми головками.

– Нет, птичек оставь себе. Лучше вот что скажи мне, Серега. Фонарик электрический у тебя есть?

– Как же. Обязательно.

– Продай мне его.

– А сколько дашь?

– Вот. На пузырь хватит.

– Ну, это мало…

– Не хочешь, не бери. Дело хозяйское.

– Ладно. – Желание выпить взяло верх. – Даром, можно сказать, отдаю. Давай деньги.

Мужичок раздвинул ветки и бесшумно исчез в кустах. Дема остался хозяином фонарика – старого, но вполне исправного. В голове его вызревал план.

* * *

День прошел ни шатко, ни валко. Яна очухалась к обеду, но весь день была грустна, говорила мало, двигалась неохотно. Лицо ее осунулось, вокруг глаз появились темные круги. Демиду было до слез жаль видеть, как угасает девчонка. Он обдумывал предстоящие действия – сидеть сложа руки в этом медвежьем углу он не собирался.

Дема решил нанести визит в дом Алексея. Он был уверен, что хозяина ночью не будет – ведь Петрович сказал, что собирается уехать в город. При хорошей пробежке Дема рассчитывал добраться до деревни за час. Таким образом, три часа на всю операцию. Страшно, конечно, оставлять Янку одну, но она об этом знать не будет. Демид надеялся на крест.

Он обмотал его бечевкой и привязал к груди Яны, несмотря на ее вялые протесты. Мысли о предстоящем деле не давали ему покоя – не мог он усидеть на месте и нервно вышагивал по поляне, торопя сумерки.

Наконец, наступил вечер. Демид уложил Яну. Убедился, что крест на месте и выскользнул в темноту.

Бежать по ночному лесу было дьявольски противно. Ухабистая песчаная дорога еле виднелась, хотя небо светилось миллионами звезд. Демиду казалось, что его тяжелое дыхание разносится по всей округе, и деревья настороженно прислушиваются к чужаку. Издалека доносился волчий вой, а из под самых деминых ног с треском выломился глухарь, напугав Дему до колик.

Демид не был героем, но умел давить в себе чувство страха. Сейчас же он с трудом контролировал себя, зябкая дрожь леденила душу.

Наконец, по бреху собак Дема понял, что приближается деревня. Высмотрел темный силуэт водонапорной башни и направился к нему. Улица словно вымерла – не светилось ни одно окошко. Дема перемахнул через забор и побежал к дому по дорожке, аккуратно посыпанной гравием. Трава на газоне была подстрижена, везде царил нероссийский порядок, и Дема почувствовал себя частным детективом из западного боевика. Он мотнул головой, отгоняя игривые мысли. Ситуация была непростой и стоило ожидать от хозяина дома любых неприятных сюрпризов.

Беглого взгляда на окна первого и второго этажа было достаточно, чтобы понять, что залезть в них, не изувечив рамы и не переполошив всю деревню сиреной сигнализации, не удастся. Алексей позаботился о непрошеных гостях – приспособления на окнах были незаметны неопытному глазу, но для Демы они были словно огромные знаки, запрещающие въезд. Оставалось небольшое окошко на чердаке. Добраться до него было нелегко – крыша нависала над ним на добрых два метра, но выхода не было.

Стена дома была обшита ребристой евровагонкой, лазить по такой для опытного человека – одно удовольствие. Демид вскарабкался по стене с ловкостью ниндзя, прилепился ладонями к шероховатой черепичной крыше и вполз на нее. Добрался до конька, вцепился в загнутый желоб и перевалил тело через край. Сердце Демида ухнуло, он повис на руках на семиметровой высоте.

Стараясь не смотреть на землю, мелькающую полосами далеко внизу, Дема начал осторожно раскачиваться. В движении разжал руки и полетел лицом прямо на фронтон крыши. Ноги попали на скат и заскользили. Падая спиной вниз, Демид успел зацепиться пальцами за наличник окошка. Переплет затрещал выдираемыми гвоздями. Демид подтянулся, встал на скат коленями и прижался щекой к холодному стеклу, балансируя над пропастью. Защиты на окошке не было. Через минуту Демид свалился на пыльный пол чердака и в изнеможении закрыл глаза.

Отдышавшись, включил фонарь. На чердаке ничего интересного не было – доски, строительный хлам. Демид открыл крышку люка и спустился на второй этаж.

Он ожидал, что увидит здесь интерьер, обычный для западного коттеджа – белые матовые стены, картины, ажурную чугунную лестницу. Но ничего такого не было – стены обшиты все теми же досками. Вообще, железа в доме было на удивление мало – словно хозяин боялся заэкранировать помещение. Массивная дверь на второй этаж выглядела неприступно. Дема оставил ее на сладкое и отправился вниз.

Обстановка первого этажа, очевидно, была рассчитана на неизбежных визитеров из деревни. Она незатейливо имитировала дом сельского жителя среднего достатка – гладкий крашеный пол, пестрые ковры, телевизор, покрытый кружевной салфеточкой. Безвкусно подобранная мебель – кровать на высоких ножках с горкой подушек, полированный сервант с хрусталем и хохломой. Бессмысленные репродукции из журналов на стенах. Дема ухмыльнулся, увидев в книжном шкафу собрание "Анжелик", Дюмы и прочего душещипательного чтива. Бутафория была рассчитана явно не на Демида.

Он снова поднялся на второй этаж, вооружившись инструментами из кладовки. Долго возиться с кодовым электронным замком не стал, просверлил его ручной дрелью и пинком открыл дверь. Осветил фонариком большую комнату и присвистнул.

Ни хрена себе, скромный работяга!

Здесь смешались в невероятном сочетании самые разные предметы. Луч выхватывал из темноты распятия, тускло блестящие на стенах, ряды старинных фолиантов, компьютер последней модели. Всю стену занимал шкаф с кодовыми ячейками, наподобие вокзальной камеры хранения. Дверцы его были аккуратно размечены неизвестными Деме знаками. Большое функциональное кресло в центре комнаты было увешано связками разноцветных проводов и датчиков, вокруг него громоздилась непонятная аппаратура. А со стены взирал печальный Иисус – картина была исполнена в гиперреалистической манере, и лицо Христа казалось живым. Дема спешно отвел от него фонарик.

Он сел в кресло и включил компьютер, с трудом разобравшись в путанице кабелей. Экран вспыхнул и на нем появилась надпись:

"ДАЕТСЯ 5 СЕКУНД НА УСТАНОВКУ ПРАВ ДОСТУПА. ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ".

Демид панически щелкнул тумблером, пытаясь выключить компьютер, но тот и не думал слушаться. На дисплее промелькнуло: "ОСТАЛОСЬ 3… 2… 1 СЕКУНДА", – и во весь экран появилась разъяренная физиономия Алексея. Демид вскочил как ужаленный.

Надпись на дисплее гласила:

"ПОЧЕМУ ТЫ БРОСИЛ ЯНУ ОДНУ В ЛЕСУ? Я ТЕБЯ СЮДА НЕ ПРИГЛАШАЛ!"

Демид не мог оторвать взгляд от компьютера.

– Алексей, я так больше не могу! – пробормотал он, словно имел дело с живым человеком – Я хочу хоть что-нибудь знать! Кто ты – дьявол или человек?

"Я ЧЕЛОВЕК".

Красные буквы разбухали на экране, пока не взорвались огненными сполохами. А на смену им появилась маленькая насмешливая надпись:

"Оглянись назад, дурачок!"

Демид крутанулся так, что хрустнула шея.

В двери стоял Алексей.

Демид открыл рот. Сидел, как идиот, и не мог сказать ни слова.

– Нет, вы посмотрите на этого героя! – Петрович раскатисто захохотал, хлопая себя по бедрам. – На этого юного следопыта, Ната Пинкертона и майора Пронина, вместе взятых! Что ты ищешь здесь, отрок? Карту острова сокровищ? Или полный список российских колдунов с указанием паспортной прописки? Вот что, вызову-ка я участкового и сдам тебя в милицию…

Алексей не успел договорить – Демид прыгнул, метя ногой ему в голову. Удар был неотразим, он мог бы свалить и быка. Но Петрович поймал Дему как балерину в полете, стиснул ручищами так, что затрещали ребра. Затем аккуратно поставил обалдевшего Демида на пол и отвесил оглушительную затрещину. Дема свалился как подкошенный.

В комнате загорелся свет. Демид осторожно покрутил головой, все еще не веря, что это происходит с ним.

Алексей сидел в кресле, положив ногу на ногу.

– Что, попрыгун, очухался? Со мной лучше не дерись – я тебе теперь как отец родной. Будешь хулиганить – уши надеру. Русским языком тебе сказал – сиди в лесу и береги девчонку! Какого лешего ты ее бросил, дурень? Зачем сюда пришел? Не мог дождаться завтрашнего вечера? Завтра бы я все тебе объяснил. Своей суетливостью ты мне все планы путаешь.

Демид, кряхтя, сел на пол. Перед глазами все качалось.

– Какие планы? С какой стати ты решаешь, что я могу делать, а что нет?

– Ты что, еще не раскумекал? Я-то думал, помощничек у меня будет подогадливее. Ты же собирался искать меня по всей России? Вот я, перед тобой сижу.

– Так ты что… Защитник?

– Ну, можешь называть меня и так. Защитник… Хм. Сам такое название придумал?

– Бабка Матрена подсказала. *Защитник Божий.*

– Вот, значит, как? – Петрович улыбнулся. – Ну, будем знакомы. Алексей Петрович, Защитник.

Он подал руку Демиду и, как пушинку, поднял его на ноги. Дема молча хлопал глазами.

– Что, ошалел? Думал, что я явлюсь этаким богатырем, в кольчуге, на белом коне, с шашкой наголо? А я приперся на

"буханке". Вот те на! Да еще и мозги тебе вкручиваю, не сознаюсь в своей волшебной силе. Да только не спеши, голубчик. Просто все только в сказке бывает, а в объективной, так сказать, реальности, дела наши обстоят ох как хреново. Да ты еще подпортачил. Так что не будем терять время, поехали выручать Яну. – Алексей посмотрел на часы. – Пока еще не поздно, но времени осталось в обрез. Опоздаем – и мокрого места от нее не останется!

Они прыгнули в "УАЗ" и с ревом рванули к лесу. Алексей вел машину как камикадзе – дорога еле различалась во тьме, машина подлетала на полметра на каждой рытвине. Демид подпрыгивал на сиденье, до судорог вцепившись в ручку, чтоб не разбить себе голову о крышу кабины.

– Что, лихо?! – проорал Алексей. – Через десять минут будем на месте. Вот тогда держись! Все твои приключения семечками покажутся!

Демид едва понимал, что происходит. Пытался осознать факт, что он нашел Защитника, что в этой дурацкой истории забрезжил конец, но никак не мог сосредоточиться. В голове его не гуляло ни единой мыслишки…

Толчок оказался настолько сильным, что Демид едва не влепился в стекло. Машину отбросило назад, мотор заглох. Алексей вытер испарину со лба.

– Все. Дальше пехом. Только не беги вперед сломя голову. Твоя помощь здесь без толку.

Демид сделал шаг вперед и уперся в невидимую преграду.

По лицу полоснуло жгучей болью.

– Стой на месте, сказал же тебе! Сгоришь!

Алексей начертил в воздухе магический знак и плюнул через плечо. Затем взял камень и кинул его вперед. Камень повис в воздухе, в долю секунды раскалился докрасна. Слепящие круги разбежались от него. Гигантская паутина вспыхнула в темноте огненными нитями и исчезла.

– Теперь бегом. Не упускай меня из виду.

Алексей с пыхтением несся в темноте, Дема еле видел его спину. Неожиданно Петрович свалился на землю и сделал знак рукой. Демид плюхнулся рядом.

Из кустов виднелась избушка, в которой осталась Яна. Сизый туман стелился по траве, перемещаясь в хаотическом движении. Демид не поверил своим глазам – вся поляна была заполнена волками. Не менее десятка матерых самцов крутилось вокруг дома. Животные были возбуждены – глаза горели красным огнем, из пастей текла слюна. Один из зверей разбежался и прыгнул в окно. Неведомая сила отбросила его, он перекувыркнулся через голову и грузно шлепнулся на бок. Волк заскулил, как побитая собака, но другие продолжали атаковать дом. Дверь трещала под ударами грузных тел. Тяжелый запах повис в воздухе.

– Так, значит, – прошептал Алексей. – Волков наслал. Это он может. Пока крест защиту держит, но это ненадолго. Придется бить бедных зверюг. Пистолет у тебя с собой?

– Нет. В избушке оставил.

– Жаль. Придется мне одному работать. Ты здесь лежи. Высунешься – голову откусят. Они сейчас как бешеные.

Петрович выскочил из кустов и помчался вокруг поляны. Волки заметили человека и понеслись за ним с хриплым рычанием. Алексей бежал нечеловечески быстро, но звери шутя догоняли его, передвигаясь гигантскими прыжками. Клацанье челюстей раздавалось уже за самой спиной Алексея, когда он вдруг встал, как вкопанный, обернулся и вытянул ладони. Волки с визгом уткнулись в невидимую преграду, смешались в барахтающуюся на траве кучу. Во тьме мелькнула серебристая нить и обвилась вокруг шеи волка. Защитник подтащил к себе хрипящего зверя, схватил за загривок и легко поднял, повернув мордой к остальным животным. Огромный волк беспомощно дрыгал в воздухе лапами.

– Гоп, ребятишки, степные волчишки! Спасайте шкуры серые, покуда дыр в них не наделали! Дрожь в хвост, страх в сердце, злой холод в тело! Изыде сила сатанинская из тварей Божьих! Изыде колдун проклятый из сердец волчьих! Именем Божьим, во веки веков, аминь!

Голос Защитника прижал зверей к земле. Волки, скуля и поджимая хвосты, бросились врассыпную с поляны. Две серых тени промелькнули возле самого носа Демида и он с криком вскочил. Но зверюги не обратили на него внимания, панически убегая в лес. Алексей поставил своего волка на траву и отвесил ему мощнейшего пинка. Зверь пролетел три метра и с треском скрылся в кустах. Петрович осел на зем-

лю, скрестил руки и закрыл глаза.

Демид подбежал к нему.

– Петрович, что с тобой? Ты жив?

– Почти что труп… Силушку из меня высосало. Дотащи меня в дом.

Дверь приоткрылась и оттуда осторожно выглянула Яна.

– Демид? Ты? Тут такое… Я думала, ты меня бросил…

– Иди сюда, – Демид махнул рукой. – Сюда! Скорее! Помоги мне!

Они положили отяжелевшее тело Алексея на топчан. Дема дотронулся крестом до лба его. Петрович приоткрыл глаза и слабо улыбнулся.

– Ну что, ребятушки-козлятушки, нахлебались страху? Ладно, на сегодня все. Посплю, и все пройдет. Янка, сваришь к завтраку кашу. Завтра буду голоден, как зверь. Лады…

И заснул, как убитый.

Яна смотрела на Демида с изумлением.

– Демид, что все это значит? Что происходит? Я ничего не понимаю.

– Все очень просто, – устало сказал Демид. – Я нашел Защитника. Вот он.

И показал пальцем на Алексея.

ГЛАВА 14.

Алексей развалился на топчане, спал беспробудным сном. Демид и Яна сидели за столом, жгли свечку и вели негромкий разговор. Девушка без конца теребила Демида и заставляла вновь пересказывать, что произошло. Она ожила, на щеках ее появился румянец. Лихорадочное возбуждение не давало сидеть ей спокойно.

– Ой, Дема, не могу поверить, что это правда! Я же говорила, что только ты можешь найти Защитника! Никогда бы не подумала, что это – Алексей. Он такой простой с виду!

– Не больно-то он простой…

– Но он просто замечательный! И ты у меня замечательный, Демка. Теперь все будет хорошо. Дема, ну почему ты такой невеселый?

– Яночка, мне жаль тебя разочаровывать, но все обстоит не так уж и хорошо. Как выразился сам Алексей – совсем хреново. Если ты думаешь, что он проснется, поест кашки и быстренько снимет с тебя заклятие, то ты ошибаешься.

– Но почему? Почему у тебя всегда все так сложно? Ты пессимист.

– Я тут не причем. Ты же помнишь – когда Защитник передал тебе крест, он сказал, что заклятие может снять только человек, который убьет колдуна. Так вот, напомню тебе, оптимистка моя ненаглядная, что Агей жив и здоров, и гуляет

где-то неподалеку.

– Так ты думаешь, что это Алексей дал мне крест и заставил ехать в Россию?

– Не сомневаюсь. Он и есть тот самый сценарист, который дергает нас за ниточки и не спрашивает согласия. Он собрал здесь всех нас – участников какого-то грядущего события. Что это будет, я не знаю. Но я бы не стал особенно обольщаться на этот счет. Возможно, наплевать ему на нас с тобой, он просто хочет убить колдуна – любой ценой. Ты даже не представляешь, какие мы мелкие мошки для этого Алексея Петровича. Хочется, конечно, верить, что он, как носитель доброго начала, бережно будет относиться к каждой человеческой жизни. Но знаешь, на самом деле все бывает не так. Сколько людей было загублено во имя светлых идей… Я думаю, что ты – лишь приманка для колдуна.

– Вот тут ты не прав, паря, – сквозь сон сказал Алексей. – Янку я не обижу ни за что. А ты не бойся, дочка, все будет хорошо. Поменьше слушай этого Шерлока Холмса.

Дема опасливо оглянулся на Петровича, но тот снова захрапел, повернувшись к стене. Янка показала Деме язык.

– Понял, вот так-то! Я Алексею Петровичу верю.

– Дай Бог, дай Бог. Ладно, я буду спать. Устал сегодня, как собака.

* * *

Дема проснулся от щекочущего прикосновения солнечного луча, пробивающегося через окошко. Алексея в избе не было, Янка спала рядом. Демид осторожно снял ее руку со своей груди и вышел из дома. Алексей сидел на пеньке и насвистывал песенку. В руке его был перочинный нож, рядом лежали две свежевыстроганные удочки.

– Доброе утро, Демушка. Как спалось?

– Хреново. Бессонница замучила – удивительно даже при такой веселой и счастливой жизни. Страшно, честно говоря, спать-то. Боюсь, что проснусь однажды, да только на том свете.

– Что ж поделаешь, время нынче такое – не живется людям спокойно. Не умеют оне расслабляться, все беды да тревоги. А я вот удочки сготовил, хочу тебя на рыбалку пригласить.

– Да ты что, Петрович, издеваешься? Какая, к черту, рыбалка? Нам надо что-то делать, сколько можно дурака валять? Ты когда-нибудь объяснишь мне, что происходит?

– Тише, тише, голубь. – Петрович приложил палец к губам и хитро подмигнул. – Что ты шумишь на всю тайгу? Думаешь, здесь ушей мало? Вот посидим на бережку, рыбки половим, да поговорим тишком. Вот благодать-то! Тише едешь – дальше будешь.

– А Яна?

– Не для ее слуха эта беседа. Она будет спать до обеда. Ничего с ней не случится. Ушицы сварганим. Каши она мне не сварила, ну дак какой с нее нынче спрос, с пичужки несчастной. Не она нас, так хоть мы ее покормим.

Демиду оставалось только взять удочку и поплестись за Петровичем. Они уселись на берегу. Алексей достал из кармана кисет, набрал горсть серого порошка и сделал из него дорожку вокруг места, где они сидели. Внезапно Демид ощутил, что не слышит ни щебета птиц, ни плеска воды. Наступила полная тишина.

– Вот теперь мы как в звуконепроницаемой камере. Можно поговорить по душам. Ты что, решил выболтать Сычу все секреты? Ведь он слышит нас как из соседней комнаты, даже если за сто верст отсюда находится. Осторожнее надо!

– Прости, вот уж не подозревал. Даже не знаю, с чего начать… Вот скажи, что это за заклинание странное ты произнес вчера, когда останавливал волков? Ни то ни се. Смесь французского с нижегородским.

– Да никакое не заклинание. Просто бормотал, что в голову придет. Не так важно в нашем деле, что говорить: можешь читать наизусть древние наговоры, а можешь нести какую-нибудь абракадабру. Главное не в этом. Главное в твоей собственной силе. Если у тебя ее нету, можешь хоть целый день шаманствовать, никакие заклинания не подействуют. Так-то, милок.

– Стало быть, весь секрет – в твоей силе?

– В ней, родимой.

– И как же ты научился этому?

– А вот в этом как раз и суть. – Лицо Алексея стало серьезным. – Если ты имеешь в виду ту силу, которой я владею, говоря твоими словами, силу Защитника, то ей нельзя научиться. Ее можно только получить!

– От кого?

– От другого такого же человека – Защитника. Он может передать тебе силу, когда будет умирать.

– То есть, как и колдун? Он тоже может передать свое могущество и нечистую силу, когда умирает. И может сделать это даже против воли человека.

– Да, именно так. Злая сила колдуна и добрая сила… хм, ну, скажем, Защитника – как два разноименных полюса. Они уравновешивают друг друга в мире. Защитник создан для того, чтобы не позволить нечисти разгуляться на свете.

– И как же ты стал таким Защитником?

– Интервью, стало быть, у меня берешь? – Алексей хитро глянул на Демида. – А разве тебе неизвестно, что Ратники Божии свои дела творят в тайне и никому секретов не выдают?

– Ну и не говори. Держи свои магические заморочки под семью замками. Достало меня все на свете…

– Врешь. Есть у тебя в этом деле интерес.

– Есть, – согласился Демид. – Только он не меня касается,

а Яны. Освободи ее от заклятия. Ни за что душа ее невинная страдает.

– Э, нет, милый, так дела не делаются. Гонишь ты, Дема, гонишь. Подхлестываешь события.

– Что значит гоню? Пускай паук жрет Янку? Ты что, ничего делать для нее не собираешься?

– А я и не могу ничего для нее сделать, – заявил вдруг Алексей. – Как ни спеши, толку все равно не будет.

– То есть как?.. – Демид опешил… – Ни хрена себе! Зачем ты тогда обнадежил ее? Ради чего затеял всю эту бучу?

– Агей, – сказал Петрович. – Все дело в нем. Убить его надо. Тогда и Янка будет свободна. Убить его…

– Ну так убей его! Зачем для этого мы тебе понадобились?

– Мне нужен ты. – Петрович пронзительно посмотрел на Демида. – Нужен позарез. Если хочешь знать, ты – главный герой в этой пьесе.

– Догадываюсь, – Дема невесело усмехнулся. – Баран – тоже главный герой. В виде шашлыка. Ну, скажи, какой шашлык без барана? Честь и хвала барану! Блеющему, брыкающемуся поставщику мяса. С уксусом, с чесночком, с молодым вином. Главное – правильно замочить…

– Ты не баран. Роль твоя другая.

– Какая?!

– Агей может меня убить. Может. – Петрович вытер пот, неожиданно выступивший на лбу. – И нужно, чтоб был со мною рядом человек, который сменит меня на этом месте.

Который после моей смерти заберет мою силу и станет новым Защитником. Потому что нельзя, чтобы место это пустовало. Не бывает так.

– Не понял! Что ты хочешь сказать?

– Все ты прекрасно понял. Потому ты и сторонишься меня, что душа твоя догадывается о том, что ей уготовано. Сопротивляется душа твоя. Жребий сей нелегок, но не избежать его.

– Чушь собачья! – Демид зло швырнул удочку в сторону. – Не собираюсь я становиться никаким Защитником! На хрен мне все это сдалось? Оставь меня в покое, Петрович – на полном серьезе предупреждаю. Сделать Защитником помимо воли так же безнравственно, как по принуждению сделать колдуном. Не все ли равно, добрая там сила или злая. Не надо мне никакой силы.

Демид вскочил на ноги. Уйти к чертовой матери. Нет, в самом деле, сколько можно терпеть идиотские шутки?

Алексей тоже встал. Положил руку ему на плечо. Посмотрел в глаза.

– Подожди. Ты же умный человек, Дема. Дослушай до конца. Я ведь тоже не с бухты-барахты так придумал. Мол, понравился мне этот парнишка, дай-кось будет моим преемником.

– Жду. – Демид плюхнулся на траву с отстраненным выражением лица. – Хотя напрасно все это, право…

– Ты говоришь, что ты простой человек. Что сила тебе и

даром не нужна. А вот тут, милок, не завирайся. Человек ты необычный, и диковинные способности живут в тебе сызмальства. Да, да, не отпирайся. Во-первых, ты телепат, хотя и не умеешь этим пользоваться. Во-вторых, можешь передвигать предметы силой сознания. Телекинетик, выражаясь по научному. А твоя сказочная везучесть? А умение предчувствовать будущее? Покопаться, можно и еще кое-что найти. Одним словом, улики налицо. Осталось только вынести приговор: субъект сей есть человек необыкновенный, наделенный паранормальными способностями. И как бы он не пытался вкручивать мозги и изображать простачка, старого Алексея Петровича ему не провести.

– Никому я мозги не вкручиваю. Подумаешь, спички двигаю. Способности мои в зачаточном состоянии, и развивать я их не собираюсь. От них одни неприятности.

– Разовьешь, – уверенно сказал Петрович. – Хочешь не хочешь, а никуда тебе от этого не деться. С каждым днем и месяцем ты будешь ощущать рост своих возможностей. И будь уверен, в стороне тебе остаться не удастся. Ты слишком лакомый кусок для тех сил, что тайно правят миром. Не прислонишься к добру – станешь носителем зла. Выбирать тебе…

– Господи, за что же мне наказание такое?

– Не наказание сие есть, но жребий твой, долг пред человеками. Долг, определенный твоим рождением. Ты ведь ничего не знаешь о своем происхождении…

– Ну почему же? Мама моя – обычный человек. Отец, правда…

– Отца своего ты не знаешь. Только расхожие сказки, что одинокие матери рассказывают своим сыновьям. Летчик, мол, был твой папаня. Разбился при испытании нового самолета. Или тому подобное.

– А что, ты можешь что-нибудь рассказать про моего отца? – Демид впился взглядом в Алексея.

– Могу. Но не буду. Рано тебе еще это знать. Когда-нибудь ты сам раскопаешь тайну. Многое тебе предстоит узнать самому. Даже если я умру, то сумею передать тебе лишь самую малость. Сумеешь ли ты развить свой дар, выжить, противостоять воздействию врага, еще неизвестно. Все зависит от самого тебя.

– Вот, значит, как… Утешил ты меня, Алексей Петрович, ничего не скажешь. Стало быть, окончательно ты меня не испортишь, – Демид неожиданно воспрял духом. – Будь уверен, что я приложу все усилия для того, чтобы остаться нормальным человеком. К черту все божьи дары – от них одни проблемы.

– Агею это объясни…

Минут десять сидели в тишине. Демид вернул в руки удочку, снова забросил наживку – сидел, шептал фразы беззвучно, нервно, доказывая что-то самому себе. Алексей оцепенел, застыл, уставив глаза на поплавок, неподвижностью своей напоминая Будду, оснащенного русскою бородой.

– Слушай, а чего ты с Агеем не поделил? – ожил вдруг Дема, снова вернулся к разговору. – Сволочь он изрядная. А ты человек вроде как добродетельный. Как вас схлестнуться угораздило?

– Старый он мой противник, – Алексей нахмурился. – Сыч проклятый. Богом сказано, чтобы избавил я землю от него и ему подобных. Должность у меня такая. Не раз уж я пробовал убить его, да уходил он невредимым. Непросто убить его. А сейчас чую, что достиг он силы большой. Ведь ты посмотри, что творит – фокусы с захватом сознания, перемещениями в пространстве, волками и прочим – это ж, считай, высший пилотаж, не сглаз какой-нибудь любительский. С таким я еще не встречался. Боюсь, Демушка, что не осилить мне Сыча. Что загубит он меня. Не страшно помирать, все мы ходим под Богом. Но страшно сгинуть в одночасье, и не передать никому свою силу, свое дело. Не должна ветвь моя прерваться, оставить человеков без защиты. Вот и призвал я тебя в преемники. Не серчай уж на старика. Ты – моя страховка. Точно так же, как Яна – страховка Агея.

– Что? Что ты сказал?

– Да, не шучу. Хорошая она девчонка, душой светлая, да какое это имеет значение? Нечистая сила и не таких сламывала. Лежит на Яне черная печать, и, не смоги мы победить Сыча, станет она его первой прислужницей. Ты ведь уже видел, в какую ведьму она может преобразиться… Не приведи Господь!

Демид вспомнил бледную маску-лицо, хрящеватый нос, приоткрытый в экстазе клыкастый рот, и по спине его пробежали мурашки. Ему захотелось утопиться в реке.

– Вот такие делишки, Дема. Волей-неволей ты уже вступил в игру. И в твоих интересах не притворяться дураком, но попытаться усвоить хоть что-то из моего ремесла. Я надеюсь, что пара дней у нас еще осталась. Лады?

– Фигушки, не дождешься.

– Экий ты упрямый!

– Да, такой вот я.

– Никак на тебя не угодишь.

– Можешь и угодить.

– Это как же? – Алексей уставился на Демида.

– Сделай так, чтоб мы рыбы поймали. А то в животе уже изрядно бурчит.

– Это всегда пожалуйста, – оживился Алексей. – Ты какую предпочитаешь? Щуку? Леща? Густеру?

– Сазана бы… Жирного, килограмм на восемь.

– Сейчас сделаем.

Петрович поплевал на пустой крючок и сызнова закинул снасть. Не прошло и двух минут, как поплавок нырнул, удочка затрещала под весом рыбы.

– Не спеши, не спеши, вываживай потихоньку. А то леску порвешь. Экий поросенок-то попался, – бормотал Алексей, по колено зайдя в воду.

Он наклонился к воде и выхватил за жабры здоровенную

рыбину. Сазан бил серебристым хвостом и беззвучно разевал рот. Петрович кинул его на траву.

– Все ж-таки пудришь ты мозги основательно, – резюмировал Демид. – Битый час тут куковали, и не клевал никто, ни одна драная килька. А сейчас ты возжелал – и сразу пожалуйста, цельный водный поросенок.

– А ты как хотел? – ухмыльнулся Петрович. – Время поговорить нам надобно было? Надобно. Вот и перетолковали. А теперь, как говорится, можно и отдохнуть, утробу насытить. На уху с лихвой хватит.

* * *

Алексей развел на поляне возле избушки костерок и повесил на него котел. Затем взял острый нож и одним махом распорол сазану живот. Рыба слабо затрепыхалась.

– Живучая… Ее порежь, так и в котле еще прыгать будет. Иди, буди свою хозяйку, нечего ей бока пролеживать! Пускай поучится ушицу варить, небось за границей такую не попробует. Все говорят – экология у них самая чистая, на западе-то! А я пробовал ихнюю еду – в рот не вломишь, соя одна. Синтетика, можно сказать. Может, это только нам, дуракам российским, шлют такую дрянь, а сами вкусно едят. Да только уха – она тогда хороша, когда своими руками сварена. Да как положено, с чешуей, с травками. Чтоб прозрачна была. Чтоб впитала все запахи этого вот леса. Такую уху, Дема, ты

никогда не забудешь.

Из избушки на голос вышла заспанная Яна.

– А вот и наша красавица, – галантно заявил Алексей Петрович. – Хоть и не мастак я комплименты девушкам делать, а скажу от сердца – хороша! Был бы я помоложе лет эдак на тридцать, влюбился бы без памяти. Ну, иди сюда, голубушка, принимай кухню. Будешь у нас шеф-поваром. Как там у вас, в Канаде, не бывает такой рыбки?

– Такой – нет. – Яна улыбнулась и солнце озорно блеснуло в ее глазах. – А вы что, в Канаде не были?

– Не был. Грех сказать, вообще за границей не был ни разу, только разве вот в Узбекистане. Тоже сейчас иностранным государством считается.

– Так это не вы передали мне крест? И голос тот на ваш не похож.

– Я это был, милая, я. Вот как передал – секрет большой. А голос? Что ж, это – дело десятое. Захотел бы, голосом Любови Орловой с тобой заговорил. Хотя ты, наверное, не признала бы его. Откуда ж тебе знать такую артистку?

– Алексей, я так рада, что вы здесь! – защебетала Янка. – Я столько мечтала, что увижу вас, представляла эту встречу как нечто волшебное, неземное. И вот теперь… Все равно, это замечательно! Это лучше всего, что можно представить! Спасибо вам за все!

– Да не за что меня пока благодарить, доченька. Дай Бог, чтобы все было благополучно. Чует мое сердце, что все еще

впереди. Ну да не робей. Вот тебе поварешка, посматривай за ушицей, да помешивай изредка. А мы с Петровичем-младшим пойдем в избенку парой слов перекинуться. Не обижайся уж, что на полчасика тебя тут оставим.

Они вошли в дом. Алексей плотно затворил за собой дверь.

– Алексей, мы что, не могли при Яне побеседовать? Ведь она нам не враг.

– Это, конечно, так, да вот только уши у нее вражьи. Через нее Сыч нас слышит, что по твоему телефону. А эта избушка заколдованная, тут нам никакие шпионы не страшны. Ведь ладно слова, он и мысли твои незащищенные слышит, Демид. Никуда от этого не денешься.

– А ты? Тоже наши мысли слышишь?

– А что скрывать? – усмехнулся Петрович. – Мыслишки ваши я могу учуять безо всякого труда, если надобность в том будет. И сделаю это деликатно, не так, как ты – вламываешься в чужой рассудок так, что у человека кишки выворачивает. Да только не очень-то меня ваши головы волнуют. Есть у меня дело посерьезнее – прислушиваюсь я постоянно к поганцу-колдуну. А он ко мне. Вот так и живем мы, как две рыбы на одной леске. Поймали друг друга, проглотили приманки, и с крючка сойти не можем. Кто быстрее вымотается, тот слабину даст. Хотя есть и у него, и у меня такие скрытные места, как эта избушка, где прерывается наша связь. Да только долго в такой норе не просидишь – страшно становится в

неизвестности. А где-то враг твой, что он сейчас поделывает, не стоит ли у тебя за дверью? Я ведь, милый, не бессмертный, убить меня и простой пулей можно. Вот и вылезаешь отсюда поневоле, и начинаешь снова нащупывать мыслишки Сыча – ага, вот он, родимый, никуда не делся!

Петрович удрученно качнул головой.

Только сейчас Демид начинал понимать, каково приходится Защитнику. После приключения с волками Алексей осунулся, постарел лет на десять.

– Да, нелегко тебе, Петрович.

– Да уж… Уходит моя сила, Демид, чую я это. Раньше я не таким был. Ломаюсь я, Демид… Кончается та бочка, из которой энергию черпаю. Может, и зря я на себя грешу, да только тревожно у меня на душе.

– А что это за оружие у тебя такое странное?

– Это? – Алексей вынул из кармана длинную серебряную цепочку. На одном ее конце были прикреплены три толстых серебряных кольца размером с кулак. Алексей протянул цепь Демиду, тот осторожно принял ее на ладонь. Кольца были словно живыми, они странно пульсировали, меняя свой вес – то становились легкими, как пух, то тяжелили руку свинцовым гнетом.

– Что, интересная штука? – спросил Алексей. – Это не простой металл. Какой-нибудь ученый мог бы докторскую о ней написать. Чувствуешь, словно дышит? А ведь его весом можно управлять по собственному желанию. Этими кольца-

ми можно каменную стену проломить, если захочешь. Много чудес я на свете перевидал – жизнь мне выпала интересная. А только лучше креста Доминика и этой цепочки ничего не знаю. Само обладание этими вещами может сделать любого человека чище, придать ему необыкновенную энергию, исцелить от многих болезней и продлить годы жизни. Но главное, это – оружие. Ведь против таких тварей, как наш Сыч, обычное оружие бессильно.

– А пулей серебряной его не возьмешь?

– Байки все это, – сурово сказал Петрович. – Хоть ты в него из крупнокалиберного пулемета серебряными пулями лупи, толку не будет. Я, когда еще только осваивал это дело, пытался как-то пристрелить Сыча из ружья. Охотился на него, ровно как на медведя. Сам-то он тогда мне тоже ничего сделать не мог, слабоват еще был, и досаждал я ему сильно. В конце концов, загнал я его в угол, зажал в одной хибаре. И сдался он добровольно -вышел, ручки поднял, глаза масляные – мол, весь я твой. Но я уже знал его натуру звериную – без лишних разговоров влепил ему дуплетом прямо в грудь. Никогда такого не забуду – пули прошли через туловище как через тыкву гнилую. И хоть бы хны! Стоит гад, ухмыляется. Дыры в нем прямо на глазах кожей затягиваются. Я аж дар речи потерял. А он спокойно ушел, и целых двадцать лет после этого я его разыскивал. Тогда-то и понял я, что пулей его не возьмешь. Как добыл я эту цепочку – разговор особый, и дня не хватит, чтоб рассказать. А крест мне достался от мо-

его предшественника, а теперь, глядишь, и тебе останется. Сам по себе он оружием не является, но сила в нем заключена немалая. Думаю, что святой этот – Доминик, которому, по преданию, принадлежал крест, тоже был Защитником.

– Первым Защитником?

– Ну почему же первым? Я думаю, что занятие это существовало со времен появления рода человеческого. Я, как христианин, вкладываю в свои действия и мысли христианские понятия, сражаюсь именем божьим, так уж я воспитан. Но сердце мне подсказывает, что подобное ремесло существует и в других народах – независимо от их верования. Силы добра и зла стоят выше религии. Они древние, как сам мир – мы не знаем, что они из себя представляют, что ими движет, как они воздействуют на людей. Я не старался глубоко вникнуть в это, я был простым солдатом. Для меня мир с детства был поделен на черное и белое, на слуг Дьявола и слуг Бога. Я пытался бороться с темными силами и не преступать при этом ту черту, за которой и сам мог бы стать носителем зла. А это очень непросто, сынок, помяни мое слово. Может быть ты, человек образованный, сумеешь когда-нибудь в этом разобраться, стать выше простых понятий. Но меня, старика, уже не переделаешь.

– А ты что, малограмотный? По-моему, у тебя высшее образование на лбу написано.

– Да что ты, милый? Пять классов, да и то с грехом пополам – вот и вся моя школа. Верно, когда я Защитником стал,

пришлось мне поучиться немало. Может, и не одно высшее образование я получил, читая книги. Ведь в них вся людская мудрость сокрыта, за все века существования человеческого разума. Да и изменился я сильно с тех пор, как получил этот дар. Науки стали даваться мне с легкостью – все, от оккультизма до компьютерной графики уложилось в моей голове, словно она только и ждала этого часа. А ведь до того, как я встретился со своим Защитником, шалопаем я был хоть куда. Правда, в грехе сильно не увяз – добрых людей не бил, грабежом не занимался. Была у меня с детства способность замечательная – мог я забираться в мыслишки других людей, а то и заглядывать вперед на день-два. Тебе, впрочем, дело знакомое. Вот и пробавлялся я картишками. Сильно не выигрывал – берегся, чтоб не убили по зависти. Так, на житье хватало, хотя будь моя воля, мог бы деньги грести лопатой. Мотался по всей стране, нигде долго не засиживался, боялся примелькаться. Да вот был у меня один недостаток – не мог я видеть, как добрых, беззащитных людей обижают. Не раз ввязывался в драку, и в серьезные передряги попадал. Надоела мне такая жизнь – хуже некуда. Встретил я тогда одного мужичка – монаха бывшего. Никодим его звали. Немало он бед в жизни хлебнул – религию, как ты знаешь, тогда не жаловали. И в лагере насиделся, и лес валил. Но не сломался человек. Он-то на верный путь меня и наставил.

Сперва я ничего не знал о его скрытой стезе. Исподволь подводил он меня к мысли о Защитниках, да только сопро-

тивлялся я еще поболее твоего. Недолго бродили мы с ним – убили его, зверски порезали лихие люди. И вот перед смертью прошептал он: "Наклонись-ка ко мне, Лексеюшка, словно заветное тебе скажу". Нагнулся я к нему, а он с последним выдохом передал мне всю силу свою добрую. И почувствовал я себя другим человеком, словно заново родился. Нелегко мне было себя переделывать, да только изнутри меня что-то толкало, не давало сидеть на месте. И стал я потихоньку таким, как сейчас. Не было мне ничего известно – откуда взялся мой Учитель, имел ли он связь с другими Защитниками, или один-одинешенек боролся с нечистью? Пытался найти я ответ в книгах, да так ничего и не нашел. Скрытное это ремесло, и лишь отдельные намеки на него можно найти в истории. Дай Бог, ты узнаешь побольше моего, а может, и найдешь других ратников божиих.

– А что, можно узнать Защитника по какой-нибудь примете? Может быть, есть на нем какой-нибудь знак, или, например, особая аура?

Петрович настороженно повел глазами вокруг себя, словно почувствовал чужой взгляд. Приблизил щетинистое лицо к уху Демида и шепнул:

– А это и есть самый главный вопрос. Есть, есть одна метка. Узнай о ней Враг, и останемся мы беззащитны. Не доверяю я полностью этой избушке, боюсь, что можно нас услышать. Будет время, открою я тебе этот значок. Здеся он, – Алексей показал пальцем на свою грудь. – Но это потом. И

так много я тебе рассказал.

Дверь осторожно приоткрылась.

– Эй, вы долго будете тут секретничать? – Яна заглянула внутрь. – Суп уже готов.

– Не суп, а уха, – наставительно заметил Петрович. – Пойду гляну, чего ты там настряпала. Соль-то хоть положила?

Он, ворча под нос, пошел к костру. Яна прикрыла дверь, подошла к Демиду и положила руки ему на плечи. Посмотрела прямо в глаза.

– Демид, что тут затевается? Вы ничего мне не говорите. Что, все так плохо?

– Яночка, милая… – Дема прижал Яну к себе. – Ты знаешь, мне так бы хотелось самому не знать ничего. Просто жить спокойно, быть с тобой, любить тебя, зайчонок…

– Дем, а ты меня вправду любишь? – прошептала Яна.

– Правда.

– И я тебя люблю. Люблю. Прости за то, что я наговорила тебе тогда. Я верю, что у нас с тобой все будет хорошо. Мы ведь всегда будем вместе?

– Янка, ты опять назовешь меня пессимистом. И все же я думаю, что мы не сможем быть счастливы… Прости.

– Демид, ну почему? – в глазах Яны появилась такая боль, что Дема не выдержал и отвел взгляд. – Я тебя пугаю? Тебя отталкивает то, что я проклята? Все кончится, я стану нормальным человеком и мы уедем отсюда. Уедем в Канаду и будем жить там. Не хочешь? Останемся в России. Пусть все

будет так, как ты пожелаешь. Только не оставляй меня, пожалуйста. Ты стал не таким, как прежде. Отчужденным. Почему? Что я не так сделала?

– Дело совсем не в тебе, – Демид с трудом находил слова. – И не во мне. Я хочу сказать тебе… Не должен говорить этого, но чувствую, что это уже ничего не изменит. В конце концов, ты ведь тоже человек, и имеешь право знать, что с нами происходит…

– Дем, уж лучше не говори…

– Слушай. Ты же хотела знать. Я должен стать Защитником. Алексей утверждает, что это моя судьба, это предопределено моими способностями, моим происхождением. Я не хочу в это верить, я сопротивляюсь, но в глубине души знаю, что это так, и ничего мне с этим не поделать.

– Правда? – Яна улыбнулась сквозь слезы. – Но это же замечательно! Ты действительно необычный человек, почему бы тебе не стать Защитником? Как это может помешать нашей жизни? Я буду любить тебя, каким бы ты ни стал.

– Пойми, что я буду уже не волен распоряжаться своей судьбой. Каково быть женой смертника? Знать, что в любой момент он может исчезнуть на долгие годы, а то и навсегда. Что всегда его окружают враги. Что нельзя распланировать свою жизнь даже на день вперед.

– Ну и что? Я не хочу думать об этом. Пускай хоть месяц, хоть неделя счастья – разве это не стоит риска?

– Янка, ты неисправимый романтик. Ты права, давай не

будем думать о будущем, терзать себя проблемами, которые еще не пришли. Все будет хорошо.

ГЛАВА 15.

К вечеру погода испортилась. С севера подул ледяной ветер, небо затянуло тучами. Пошел дождь – такой мелкий и нудный, что хотелось отмахнуться от него, как от тучи назойливых комаров. Демид пренебрег занятиями гимнастикой, все трое забились в избушку и сидели при свече, слушая, как капли барабанят по крыше. Петрович пробовал рассказать забавную историю из своей жизни, но настроения не было и он мрачно замолчал. За окном совсем стемнело, фиолетовая мгла наползла на лес.

– Ну ладно, – наконец произнес Алексей. – Раз такие дела, надо спать. Вы, ребята, укладывайтесь, а еще поброжу малость.

Петрович вышел в мокрые сумерки и Демид долго наблюдал в окошко, как он, ссутулившись, бродит вокруг дома, посыпает траву каким-то снадобьем, размахивает руками и бормочет. Дема улегся на топчан, вздохнул и закрыл глаза.

Проснулся он посреди ночи. Дом мелко дрожал, словно гигантская рука трясла его за шиворот. Туеса подпрыгивали на полке, звенело стекло. Вдруг избу потряс такой мощный толчок, что Дема слетел с топчана. Он сидел на полу и ошарашенно озирался вокруг.

Комната была тускло освещена свечкой. По полу передвигался Алексей – почему-то на четвереньках. Он мычал и ша-

рил руками вокруг себя. Взгляд его был настолько обреченным и испуганным, что Демид ужаснулся – он не ожидал, что можно увидеть могучего Защитника в такой прострации.

– Дема, ты креста не видел? – просипел Алексей. – Пропал он куда-то, не найду.

– Здесь где-то должен быть. Давай поищем вместе.

– Бесполезно. Если бы он здесь был, сам бы ко мне в руки пришел. Пропал крест. Исчез. Оставил нас Господь своею силой. Вот, значит, как все начинается…

– Что начинается?

– Что, сам не видишь? Дом-то как трясет! Агей за своим пожаловал. Знал я, что так будет, круг сделал возле дома защитный, заговоренный. Но что это значит без креста? Все на его силе держалось. Слышь, как Сыч мой круг на зубок пробует? Прогрызет, ей богу, прогрызет…

– Ах ты старая посудина! – Демид в ярости вскочил, схватил Алексея за грудки и рывком поставил его на ноги. – Чего ты раскис? Еще Защитник называется! Не в фетишах твоя сила – не в кресте, не в цепочке, ни в чем еще. Ты знаешь – сила в тебе самом, в твоем сердце! Алексей, ты силен, как медведь, ты раздавишь этого дохлого старикашку как вошь! Слышишь, не поддавайся! Возьми себя в руки! Ты так долго готовился к этому часу, а теперь, когда надо довести дело до конца, струсил? Я с тобой, Петрович, не дрейфь. Вломим мы старому уркагану по первое число. Ну, лады?

– Лады, – зло усмехнулся Петрович. – Прав ты, парень!

Плакать пока рано. Если не оторву этому гаду голову, тогда нет справедливости на земле. А теперь, пожалуй, подкрепиться не помешает. Дай-кось…

Петрович, не обращая внимания на тряску, с прежней своей ловкостью полез на полку и выудил оттуда флакончик темного стекла, заткнутый бумажной пробкой. Открыл бутылку и резкий травяной аромат заполнил комнату.

– Не спортился? – Петрович с сомнением глянул в горлышко. – Пахнет вроде, как надо. Зелье отменное, только нельзя употреблять его слишком часто. А сейчас вроде тот самый случай.

Он хлебнул из флакона и крякнул, вытер набежавшую слезу рукавом. Глаза его засияли в полумраке зеленым фосфорическим светом.

– И ты приложись, помощник. Не помешает. Только не задохнись с непривычки.

Демид сделал осторожный глоток и у него перехватило дыхание. Внутренности опалило огнем, комната закружилась перед глазами. Демид покрутил головой, и четкость зрения вернулась к нему с удесятеренной силой, все чувства обострились, наполняя разум незнакомыми ощущениями. Он слегка сжал кулак и флакон разлетелся вдребезги. Жидкость, попавшая на руку, с шипением всосалась в кожу, оставляя темные пятна.

– Осторожнее, Дема, сила твоя увеличилась. Голова не кружится?

– Ничего. Все нормально, – Демид едва удержался на ногах от очередного подземного толчка. – Господи, когда перестанет трясти избу? Как в поезде прямо.

– Думаю, еще немного осталось.

– А что с Яной? – встревожился Демид.

Девушка спала, не обращая внимания на происходящее вокруг. Дема потряс ее за плечо, но она не проснулась, лишь зябко завернулась в одеяло.

– Не трогай ее, – сказал Алексей. – Это я ее усыпил. Знаю, как ты к ней относишься, но теперь она нам не помощница – скорее наоборот. Хозяин ее рядом. Ты ведь не хочешь, чтобы она вцепилась тебе зубами в горло? Пускай спит.

Тряска неожиданно прекратилась, дом стал как вкопанный. И в ту же секунду оглушительно лопнуло стекло, в окне показалась огромная кабанья морда – клыкастая, с маленькими злыми глазками. Кабан с визгом влетел в комнату и покатился по полу. Демид обомлел – задней половины туловища не было, ее словно обрубило гигантским лезвием. Кровь толчками била из аорты, красные тряпки опавших легких со свистом пытались всосать воздух.

Защитник одним прыжком оказался у окна и нарисовал в воздухе некий знак. Что-то снаружи тяжело стукнуло в раму и отскочило от нее. С улицы раздался бешеный вой, царапанье когтей, непонятные стуки. Свинья на полу билась в конвульсиях, выплевывая последние сгустки жизни.

– Что это? – крикнул Демид.

– Это таран Агея! Он им круг защитный пробил, вот кабана и разрезало пополам. Мать честная, это похуже бомбы – открывай скорее дверь!

Кабанья туша расплывалась горой смердящего сала. Щетина на ней поднялась дыбом, превращаясь в тысячи дикобразьих игл. Демид бросился к двери и распахнул ее. Петрович схватил стокилограммовую тушу – на шее его вздулись жилы от напряжения – и выкинул ее наружу. В воздухе тонко запели иглы, впиваясь в стены. Демид, словно в замедленной съемке, увидел, как тонкая черная стрела летит ему прямо в лицо. Он вытянул руку и поймал иглу. Пальцы ожгло болью, игла жестко обвила кисть, пытаясь проникнуть под кожу. Демид щелкнул зажигалкой и дьявольский волос беззвучно вспыхнул.

– Скорей выходим! – крикнул Алексей. – Лови!

Он выхватил из-за пазухи тонкий серебристый предмет и кинул Демиду. Дема схватил его на лету и теплая костяная рукоятка удобно легла в руку.

Демид узнал его – это был меч из сна. Он светился во мраке ровным голубым светом.

Они выскочили во влажную ночь. Несмотря на темноту, Демид видел все, что творилось на поляне. Впрочем, не видел, скорее чувствовал присутствие множества странных существ. Белесыми тенями передвигались они в кустах, стелились по траве, не решаясь напасть на Защитника. Голова Демида заполнилась обрывками их мыслей – примитивными

предложениями и почти бессмысленными фразами. Здесь преобладали не слова, а желания. Дема почувствовал звериную ненависть и страх. Существа эти, полуживотные-полудемоны, хотели разорвать близкую добычу, погрузить зубы в теплую плоть, утолить свою ненасытную тоску. Но серебряный блеск меча сдерживал нечисть, пугал ее до смерти. Они ждали приказа своего хозяина.

– Что еще за страшилища? – прошептал Демид.

– Это звери. Переделанные звери. Агей – он по животным специалист. Мучает бедных тварей, делает с ними что захочет, превращает в своих слуг. Своими руками воевать не любит, а, зверей, понятно, не жалко бросить в любое пекло. По-научному это называется направленная мутация. Ты, как биолог, должен лучше знать. Не слишком бойся этих животин, с ними мы справимся. Прикроешь меня, а я попытаюсь добраться до него самого.

Мысленный приказ колдуна Демид услышал так ясно, словно его прокричали в ухо. И монстры набросились на него со всех сторон. Демид не мог понять, из каких живых существ были созданы эти выродочные зверюги – казалось, они состояли из длинных узловатых конечностей, кривых когтей, зубастых вопящих пастей. Бледные тела их мелькали в воздухе, совершали немыслимые прыжки, пытаясь добраться до Демида. Демид отключился от своего тела, вся сущность его переместилась на острие меча и сделала клинок живым. Уже не Демид управлял оружием, меч сам сно-

вал в воздухе, черпая энергию Демида. Он сверкал во мраке белой молнией, выписывал невероятные кривые и с тихим пением перерубал тела врагов. Кровь не держалась на лезвии, отскакивала от серебра, как крутящиеся капли воды с шипением отскакивают от раскаленного утюга. Демид медленно передвигался – спина к спине с Алексеем. Он не видел, что творит Петрович, только слышал зловещий свист крутящейся цепи и тяжелые звуки ударов.

Дема не знал, сколько длилось это побоище – время слепилось для него в шипящий змеиный клубок. Но вдруг тишина – невероятная, оглушительная, – ударила по ушам сильнее набата.

Зверей больше не было – их искромсанные и переломанные трупы устилали путь ратников по поляне. Сияние меча стихло, Демид почувствовал себя опустошенным – полоска волшебного серебра выкачала из него всю силу. Земля под ногами Демида закачалась, он ничком свалился на траву, лицом в лужу звериной крови. В последнем усилии разлепил глаза и посмотрел на избушку. Черный силуэт колдуна шмыгнул к дому и заколотил крючковатым посохом в дверь.

– Стой, Гоор-гот! – хрипло сказал Алексей. Голос его громом разнесся в лесном беззвучии. Колдун испуганно обернулся и втянул голову в плечи. – Что, сволочь, задрожал? Да, я вычислил твое истинное ИМЯ! Я узнал его, а это значит, что ты должен сдохнуть! Вспомни наш разговор – тогда, в алтайском предгорье, когда мы стояли, разделенные расще-

линой. Как я хотел тогда отрубить тебе голову, Сыч! Ты смеялся надо мной, ты говорил, что тебе даже лень убивать такое ничтожное существо, как я! Но я знаю, что страх всегда жил в твоем сердце. Я оставил тебя в покое – на время. Но я не зря потратил эти годы.

– Подожди, Мятежник. – Демид не узнал голоса Агея – тот заговорил мягким, почти нежным баритоном. – Ты же один из нас! Нельзя так поступать со своим братом… Вспомни, что стало с Иудой Искариотом? Он тоже верил, что совершает благое дело. В конце концов, мы можем договориться! Козыри сейчас в твоих руках – ты знаешь мое Имя, а я твое – нет. Стоит мне нарушить условия договора, и ты испепелишь меня в любой момент…

– Идти на переговоры с шакалом?! На мне и так слишком много грехов, может быть, твоя гибель искупит их хотя бы отчасти. Ты жалкий прислужник тьмы. Это вы помогли распять Господа нашего, а теперь ты пытаешься запугать меня судьбой Иуды? Возвращайся туда, откуда пришел!

– Нет, нет!..

– ДЕН ГААР ДЕН, ГООР-ГОТА, ТЭЭН ВАЛАС! – голос Зашитника набирал силу с каждым словом. – ГООР-ГОТА ВИЙЕРУСТА!!!

Демид никогда не слышал такого языка. Каждое слово заклинания порождало в воздухе крутящийся огненный шарик, и вот уже целая стайка их носилась в черноте, оставляя за собой оранжевые полосы. С последним звуком сгуст-

ки плазмы слепились в бешено вращающееся колесо, из центра его вылетела молния и ударила колдуна в самое сердце.

Колдун закричал. Казалось, земля и преисподняя слились в вопле невыносимой боли – неуспокоенные души жертв Агея, распятые, замученные, изжаренные живьем в адском пламени, совращенные колдуном в гнусной его жизни, завопили разом – корчась от нестерпимой муки и рождаясь заново в очистительном огне. Земля разверзлась перед колдуном и трещины змеями поползли от ног его.

Колдун согнулся пополам и сделал несколько шатких шагов вперед. Казалось, силы оставили его. Но нет – битва только началась. Агей выпрямился и мощным движением метнул посох в Защитника. Но еще быстрее белая молния просвистела в воздухе, серебряная цепочка обвила шею и плечи колдуна. Кольца ударили в висок, Агей в судорогах свалился на землю. Он щелкал зубами, стонал и извивался, пытаясь избавиться от ненавистной цепи. Цепь начала помалу поддаваться, виток за витком слетал с крутящегося тела колдуна.

Демид бросил взгляд на Алексея – тот лежал без сознания, пригвожденный посохом к земле.

Агей сорвал последние звенья со своей шеи и бросил цепь в сторону.

Демид прикрыл глаза, притворился бездыханным. Колдун скользнул по нему диким взглядом и поковылял к Алексею. На лице и шее его вспухали чудовищные багровые рубцы – след от цепи. Агей подошел к Алексею и схватился обеими

руками за посох, вырвал его из тела Защитника и нацелил в сердце. Застыл на мгновение, собираясь с духом…

Меч сам скользнул в руку, Демид почувствовал новый прилив силы. Он поднялся на ноги единым рывком и пошел к Агею.

– Стой, скотина, – крикнул он. – У меня с тобой свои счеты.

Колдун среагировал молниеносно – обернулся и кинул посох в Демида.

Меч дернулся в руке, взвился вверх и шутя перерубил железное оружие колдуна. Сыч отшатнулся, глаза его округлились от ужаса. Поздно. Клинок со свистом рубанул по жилистой шее. Голова колдуна покатилась по траве, туловище его рухнуло на землю, черная кровь потекла из обрубка шеи, наполняя воздух гнилостным смрадом.

Все. С колдуном покончено.

На траве лежит Агей
Он от крови розовый
Это Дема с ним играл
В Павлика Морозова.

Демид, шатаясь, добрел до Алексея, приподнял его и потащил в избу. Открыл дверь плечом, едва не ссадив с петель, пыхтя, дотянул Алексея до середины комнаты и в изнеможении рухнул на топчан рядом с Яной.

Яна вскочила, испуганно вскрикнула, побледнела, увидев

окровавленного Демида.

– Что с тобой? Что случилось?

– Колдун твой приходил…

– Он ранил тебя?

– Петровича ранил, – Демид показал на Алексея. – А мне опять повезло. Такой вот я счастливчик. Гада этого пришил, и сам жив остался.

– Какого гада?

– Как какого? Колдуна твоего чертового, Агея.

– Не понимаю…

– Что тут непонятного? Я убил Агея. Все. Кранты ему.

– Дема… Ты не шутишь? – глаза Яны полезли из орбит. – Это глупая шутка!

– Вовсе не шутка.

– Так просто – взял и убил?

– Просто… скажешь тоже, – Демид усмехнулся. – Видела бы ты, какая там рубка была. Я думал, такое только в кино бывает. Мутанты какие-то жуткие, гром и молнии, заклинания… Я даже не понять ничего не успел. Это все Алексей сделал, его заслуга. Молодец он. Я только завершил его работу.

Демид и Яна перетащили Алексея на топчан, стянули с него рубаху, заскорузлую от крови. Рана оказалась глубокой, посох колдуна пробил рваную дыру в области подмышки, но, похоже, не задел важных сосудов и не повредил грудную клетку. Алексея перевязали как смогли, разорвав на бинты

единственную простыню.

Алексей очухался на удивление быстро – через полчаса. Открыл глаза, долго смотрел на Яну и Демида мутным взглядом, словно вспоминая, где находится. Наконец, с трудом шевельнул запекшимися губами.

– Что с Сычом? Ушел?

– Я убил его.

– Убил?

Дема не ожидал, что слова его вызовут такую реакцию. Петрович возбужденно засипел, резко сел на топчане. Попытался сказать что-то, но из горла его исторгся только мучительный кашель.

– Куда поскакал? – Демид схватил Алексея за плечи, не давая встать. – Тебе лежать надо. Лежать, понял? Постельный режим.

– Как?.. – прохрипел Алексей, давясь кашлем.

– Что – как?

– Как… убил? – Ты… не мог… это сделать…

– Очень просто. Отрубил ему голову мечом.

– И все?

– А что, этого мало? Ты бы видел – башка его покатилась, как кочан. Я потом подходил к нему – мертвей мертвого.

– Этого… мало. Он же…

Петрович снова закашлял и в изнеможении свалился на подушку.

Демид схватил меч и вылетел из избы. Он уже начал дога-

дываться… Черт, так оно и есть. Ни тела, ни головы колдуна на месте не было.

Дема подошел к месту побоища. На росной траве отчетливо выделялись следы – видно было, как туловище ведьмака ползло на четвереньках, шарило руками в поисках головы. Демид закрыл глаза и устало потер веки. Вот ведь тварь живучая этот Агей. Башку ему отрубили – подумаешь, пустяк какой. Не повод, чтобы умереть.

Демид подошел к трупам убитых ночью зверей. Их было пятнадцать. Пятнадцать грязных, окровавленных, расчлененных трупов зверей неизвестной породы. Демид перевернул розово-серое тело носком башмака. Да, пожалуй, ближе всего существо стояло к псу. Огромный уродливый череп вмещал мозгов побольше, чем у простой собаки. Морда была сплющенной, короткой, а длинные иглообразные зубы не умещались во рту – идеальное орудие убийства. Уши розовые, круглые, мерзко сморщенные – похоже что их, вкупе с длинным голым хвостом, позаимствовали у крысы, дорастив до нужных размеров. В какой лаборатории вырастили этих странных мутантов? Какая технология применялась при их изготовлении? Научная или магическая?

Демид вошел в дом и на него уставились две пары глаз.

– Плохие новости, – сказал он.

– Ушел? – проскрипел Алексей.

– Ушел, гад. Прихватил свою голову и смотался. Господи, никогда бы не подумал, что такое может случиться.

– Это я виноват, – тихо произнес Алексей. – Не объяснил тебе, что к чему. А теперь… Теперь надо уходить. Чем быстрее, тем лучше.

– Куда ж ты пойдешь, Петрович? Посмотри, на тебе места живого нет.

– Пойду. В этом доме есть все, чтобы поставить меня на ноги. Ты сваришь настой, я тебе скажу, как.

И в самом деле, отвар из трав, который сварганил Демид, вдохнул жизнь в Алексея. Да и сам Дема заметно приободрился, хлебнув терпкой горячей жидкости. Петрович деликатно спровадил Яну из избы, сел на топчане и заговорил.

– Слушай меня внимательно, Дема. Если все будет удачно, мы сядем в машину, худо-бедно доедем до моего дома, и там будем в безопасности. Временной безопасности. Не думаю, что Агей нас так просто отпустит. Ты должен знать, что он уже не человек. Он перестал быть человеком. Теперь он Гоор-Гот.

– Это что, какой-нибудь ранг колдовской классификации?

– Это ИМЯ. Имя таких, как он, нелюдей. В неписаных правилах нашей игры имя играет особую роль. Оно держится в тайне. Мне удалось узнать имя врага, и это дало мне власть над ним, хотя, может быть, и слабую. У таких, как я, Защитников, тоже есть свое название. Если я умру, последнее, что ты от меня услышишь, будет наше имя. И это даст тебе силу. Но то, что я тебе скажу, держи в тайне. Потому что это не простое слово, это – ключ…

– Понятно.

– Гоор-Гота нельзя убить простым способом. Ты выполнил только первую ступень – лишил кровоснабжения его мозг. Это обездвижило его на время, но и только. Второе, и самое важное – это дерево. Не знаю почему, но это так. Ты должен проткнуть его сердце деревянным колом, или палкой, да чем хочешь.

– Осиновый кол в спину, стало быть? – Демид усмехнулся.

– Да, примерно так. Лучше осина, хотя может подойти и тополь, и орешник. Дуб тоже очень хорош. Если Гоор-Гот по настоящему умрет, то тело его подвергнется превращению.

– Какому?

– Сам не знаю. Но думаю, если ты увидишь – не ошибешься.

– Так ты думаешь, что Агей в состоянии справиться с нами сейчас?

– Конечно. Для него сейчас самый подходящий момент. Я еле ноги волочу. А ему что будет? Конечно, ты здорово изувечил его, и я думаю, что он постарается сменить свое тело на более пригодное.

– А что, может?

– Может. И поэтому очень прошу тебя – остерегайся Яны. Умирая, он может перейти в нее. Не спускай с нее глаз!

– Ладно…

Яна, легкая на помин, вошла в комнату. События последних дней не украсили ее – кожа приобрела землистый от-

тенок, едва заметные морщинки в углах рта придали лицу страдальческое выражение. Дема криво улыбнулся ей, чувствуя себя предателем.

– Демид, – позвал Петрович, не обращая внимания на Яну. – На самый худой случай: если помирать буду. Ты должен принять мой последний вдох. Поцеловать, то есть. Может, тебе и противно будет, да уж не побрезгуй. Прошу тебя, это очень важно. Ведь если я помру, не сняв заклятия с Яны, никто, кроме тебя, это не сделает.

– Алексей, ты не умрешь! – Яна умоляюще посмотрела на Защитника. – Бог этого не допустит!

– Ладно, не будем решать за Бога, пути его неисповедимы. Давайте собираться в путь.

ГЛАВА 16.

Машину завести не удалось. И дело было вовсе не в механике. Если бы Демид всерьез верил в сатанинское вмешательство, он бы сказал, что в машину вселился дьявол. Демид чувствовал это всеми потрохами. И если бы машина завелась, он не сел бы в нее – опасность исходила от тусклого зеленого металла удушливыми волнами. Алексей понимал это не хуже Демы.

– Час от часу не легче. Жал ко старушку, но теперь она нам не союзница. Придется идти пехом. Да ладно. Ноги ходят – значит дойдем.

Они медленно потащились по дороге. Лес пугливо притих, но тишина эта действовала на нервы сильнее любого грохота. Петрович опирался здоровой рукой о плечо Демида. Ноги его вязли в песке, и с каждым шагом стон вырывался сквозь сжатые зубы. Демид знал, чего стоит Защитнику эта прогулка. Но как он мог облегчить его участь?

– Дема, можно, я помогу? – печать вины лежала на сером лице Яны. – Алексей Петрович, пожалуйста…

– Нет, – Алексей отшатнулся от Яны, судорога исказила его рот. – Не прикасайся ко мне!

Яна тихо заплакала.

Огромное дерево лежало поперек дороги, полностью загородив проход. Вытянуло сухие лапы-сучья в ожидании до-

бычи. Демид вопросительно глянул на Алексея. Защитник вытер пот со лба – похоже, он был даже рад этой минутной передышке.

– Через лес пойдем. По дороге нельзя. Колдун закрыл дорогу.

Демид достал из кармана пистолет и снял с предохранителя.

Они сошли с дороги и начали продираться сквозь кусты. Резкий запах ударил в нос. Запах хищного животного, смешанный с падальным смрадом. На поляне стоял волк.

Впрочем, язык не поворачивался назвать это волком. Сгорбленный, переломленный в спине силуэт, грязная шерсть, облезающая клочьями, огромная башка, разорванные уши. Зубы не умещались в пасти и торчали во все стороны. Глаза горели дьявольским красным огнем, пронзали мозг жгучей ненавистью.

Волколак бросился на них сразу, не давая передышки, едва они выломились из кустов. Огромное тело его взметнулось в воздух, на секунду Дема увидел зависший над ним узкий собачий живот. Демид выстрелил, не целясь, он стрелял раз за разом и видел, как пули разрезают живую плоть. Волколак с воем покатился по земле, кишки его, выпавшие из живота, потянулись по траве кровоточащими колбасами. Алексей сделал молниеносное движение и цепь захлестнула шею оборотня. Волк захрипел, лапы его взрыли землю, срывая дерн клочьями. На мгновение с задними зверя конеч-

ностями случилась странная метаморфоза – они потеряли шерсть и превратились в желтые человечьи ступни, сведенные судорогой. Всего мгновение – и лапы вернулись в прежнюю звериную форму. Колдун сохранил контроль над своей телесной оболочкой – рваные раны на животе затягивались, шерсть наползала на них с фантастической скоростью. Оборотень вскочил на ноги, мотнул тяжелой башкой и Алексей, не удержав равновесия, покатился по траве. Клыки сомкнулись на его руке.

Они сплелись в хрипящем и воющем клубке. Демид с трудом различал в сером мечущемся вихре блеск цепочки, но она все еще держалась на шее оборотня. Поддавшись неосознанному порыву, Демид бросил меч, схватил Алексея за шиворот и оттолкнул в сторону. С размаху прыгнул на спину монстра, вцепившись в концы мотающейся цепи. Магическая серебряная нить впилась в трахею колдуна, перекрыла дыхание. Глаза волка вылезли из орбит, налились кровью. Зловонный язык вывалился из пасти, оборотень судорожно задергался в попытке сбросить Демида. Но силы его уходили, со свистом вырываясь из легких.

Зверь свалился на бок, придавив тушей своего наездника. Но Демид лишь крепче стянул цепь. Безумная, яростная сила закипела в сердце его, заполнила его без остатка. И он выплеснул ее на колдуна кипящим потоком. Он бил по рассудку Агея со всей мощью, со всей ненавистью, на которую был способен. Сознание врага взорвалось, разлетелось острыми

ранящими осколками, воля его лопнула, разорванная на клочья и сожранная взбесившейся волей Демида. Сейчас Демид был волком в тысячу раз больше, чем эта жалкая нежить, принявшая животное обличье. Жизнь оборотня испуганно заметалась в искалеченном песьем теле.

– Гоор-Гот, я знаю твое имя, – властно сказал Демид. – И знаю, как тебя убить. И поэтому ты сдохнешь! Сдохнешь, как собака! Сдохнешь, Гоор-Гот!!!

Цепь глубоко впилась в шею монстра, перерезав ее пополам. Волк судорожно дернулся и глаза его остекленели.

Демид вытащил ногу из-под обмякшей туши.

Волосы на теле волколака побледнели и начали быстро укорачиваться, врастая обратно в кожу. Конечности вытянулись и приобрели человеческий вид. На голом животе появились свежие багровые рубцы. Голова округлилась, борода с шевелением поползла вниз, отрастая до груди. Демид отпрянул от преобразившегося оборотня. Перед ним лежал труп Агея – обнаженный изможденный старик с полуотрезанной головой. Демид приподнялся, спазмы в пустом желудке заставили его закашляться.

"Теперь проткнуть его колом… – тусклые мысли едва перемещались в голове. – И башку отрубить. Дерьмовая работа. Вечно мне достается самая дерьмовая работа…"

Мощный толчок сбил Демида с ног и он кувырком полетел на землю. Он медленно открыл глаза, прекрасно зная, что увидит. Яна стояла над ним, пистолет в ее вытянутых руках

смотрел прямо в лоб Демида. Глаза ее светились красным огнем.

– Кто ты? – Демид не мог оторвать взгляд от черного отверстия ствола. – Ты Яна? Или Агей?

– Я – ТОТ, КТО ВЫБИРАЕТ. – Голос, что услышал Демид, нельзя было назвать человеческим. Низкая вибрация прогудела над поляной, прошила все тело Демида, заставив его скорчиться от боли. Кровь хлынула из его носа и ушей. – ТЫ УЗНАЛ МОЕ ИМЯ, ЧЕЛОВЕК, НО ТЫ ЗАБУДЕШЬ ЕГО, ПОТОМУ ЧТО НЕ ЗНАЕШЬ ПРАВИЛ ИГРЫ.

– Давай, стреляй, – просипел Демид. – Ну, чего ждешь?

Существо нажало на курок и Демид невольно втянул голову в плечи. Сухой щелчок бойка… Естественно – патроны кончились. Дема выпустил в оборотня всю обойму.

Он молнией метнулся к мечу, лежавшему на траве. Рукоятка удобно легла в руку и боль, разрывающая Демида изнутри, отступила. Он заставил себя посмотреть на Яну – вернее, на то, что еще недавно ею было. Нос ее заострился и свесился кривым клювом, кожа позеленела и покрылась глубокими морщинами, под носом выросли неопрятные седые волосы, на руках появились острые, почти птичьи когти. Она с недоумением глянула на пистолет и кинула его в сторону.

«Убей ее, чего ты ждешь?» – пробился в сознание слабый голос Алексея.

Демид глянул на Защитника – тот был изрядно истерзан, но еще жив. Демид знал, что мог убить Яну без особого тру-

да, она была беззащитна перед ним, породнившимся с магическим мечом и вобравшим его мощь. Колдун снова захватил ее разум и тело, но сравниться с прежним колдуном по вредоносной силе новая Яна, конечно, не могла.

Дема сжал рукоять меча. Перед ним вереницей пронеслись воспоминания. Янка, стриженая, как мальчишка, за рулем. Яна в офисе отца, раскрасневшаяся от смущения, смотрит на Демида с нескрываемой симпатией. Яна, испуганная, с дрожащими руками, перед домом Мокоши. Янка бросается ему на шею, когда он спасает ее из рук бандитов – господи, какое это было счастье! Яночка, милая Яночка, робко отводящая глаза. Ее горячая шелковистая кожа, белоснежная улыбка. И черный мохнатый паук на груди…

– Хрен вам, пара старых колдунов, – пробормотал Демид. – Вы все продумали, рассчитали каждый шаг. Изрубили друг друга в капусту. И что теперь? Надеетесь, что мы сменим вас и начнем кромсать друг дружку? "Убей ее!" Нет, так дела не делаются. Вы, похоже, выбыли из игры, на сцене новые актеры. Их желания не учитываются?

«Не дури, Дема. Если не ты ее, так она тебя убьет. Это сильнее, чем ты думаешь».

– Заткнись, – процедил сквозь зубы Демид. – Я не убиваю людей.

«Это уже не человек. Яны там больше нет».

– Есть. Я ее чувствую.

Яна бросилась на него с визгом, пытаясь полоснуть когтя-

ми по лицу. Демид уклонился, на ходу толкнул Яну в плечо. Она покатилась по земле, вскочила на четвереньки, и застыла так, вытаращившись на Демида остекленевшими птичьими глазами.

– Эй, ты, Гоор-Гот! Ты там, внутри? Вылезай! – крикнул Демид. – Оставь девчонку в покое! Отдай ее мне. Она моя, понял? Проваливай к чертям собачьим!

Он описал перед собой крест мечом. Яна с рычанием попятилась. Демид мысленно дотронулся до ее сознания – осторожно, пытаясь найти враждебное влияние, расколовшее рассудок на бессмысленные осколки. Огромное черное пятно паучьей формы появилось над головой девушки. Оно мерно пульсировало, словно дышало брюхо жирного членистоногого.

Дема нацелил меч на пятно и впился в него взглядом. Он представил, как разрубает паука пополам, как мохнатые ноги семенят в последней попытке избежать смерти, как клинок проходит сквозь хрустящий хитин. Разум столкнулся с невидимой преградой, черный вихрь с ревом вылетел из глаз демона и ударил Демида в грудь, сжав сердце стальным обручем. Пальцы Демида ослабли, он упал на колени, уперевшись рукояткой меча в землю, чтоб не выронить его.

– Боже, – слова Демида беззвучно сорвались с губ, но сила их была такова, что деревья вокруг поляны согнулись, словно под натиском урагана. – Боже… Прошу тебя, спаси рабу свою, бедную девочку во власти колдуна. Избавь ее от этой

ноши… Все в руках твоих, Боже! Если есть справедливость в мире, яви ее…

Тонкий слепящий луч вылетел, продолжая линию меча. Черное пятно вспыхнуло нестерпимо ярким светом и исчезло. Яна пошатнулась, упала на траву и замерла.

– Янка! – Демид бросился к девушке и схватил ее за руку. Слабый пульс пробился сквозь ледяной холод ее запястья. – Яна, ты слышишь меня? Вернись, не уходи!

Демид резко обернулся, почувствовав сзади движение. Колдун зашевелился. Пальцы его заскребли по земле, туловище выгнулось дугой. Он повернулся на бок, подтянул ноги и медленно встал на четвереньки. А потом двинулся к Демиду – неумолимо и прямо. Полуотрезанная голова Агея моталась на стебле позвоночника, открытые глаза смотрели на Демида. Волчья, нечеловеческая жуть возвращалась в них.

Демид махнул мечом, и молодая осинка, вздрогнув невинными ветвями, взлетела в воздух, направляемая его рукой. Он пинком опрокинул колдуна на спину и единым движением всадил кол в его сердце. Что-то лопнуло в груди Агея и фонтан черной крови хлынул из раны. Демиду нужно было отпрыгнуть – дымящаяся жидкость окатила его с головы до ног, – но сил уже не было. Он стоял и смотрел на умирающего Гоор-Гота. Туловище колдуна снова превратилось в волчье, затем заблестело на солнце толстой зеленой чешуей, на конечностях появились крючковатые шпоры. Очертания дергающегося тела становились все менее отчетливыми, си-

ний огонь охватил его и в мгновение превратил в кучку пепла. Цепочка Алексея упала на землю.

Металлический кружок тускло блеснул рядом с цепочкой. Демид наклонился и поднял его. Двадцатипятицентовик, канадская никелевая монетка с головой оленя. Демид подкинул его на руке и прихлопнул ладонью.

– Орел, – сказал он. – Если выпадет орел, мне повезет.

Он медленно убрал руку. Посмотрел на монету. Хотя знал заранее, что ему выпадет.

Решка, само собой. Решка.

Везение закончилось, господа. Ждем всяких гадостей.

* * *

Яна пришла в себя через несколько минут. Она растерянно озиралась вокруг. Слава Богу, выглядела она вполне обычно, демонические черты исчезли с ее лица после смерти колдуна.

– Яна, как ты себя чувствуешь?

– Все болит…

– Ты ничего не помнишь?

– Ничего…

– Янка, слушай меня внимательно. Колдун убит. На этот раз окончательно. Слышишь?

– Да… – плечи Яны вздрогнули, она медленно провела рукой по лицу.

– Яна, проснись! Ты понимаешь, что я тебе сказал?

– Да. Колдун убит… Где он?

– Он сгорел. Все. Его больше не будет!

– А это? – Яна расстегнула рубашку. – Почему это не исчезло?

Демид выругался сквозь сжатые зубы. Огромный паук попрежнему сидел пятном на груди девушки.

Да, ведьмак, кажется, убит, но ведь никто не снял с бедной Янки заклятие. Один только Алексей знал, как это сделать.

Дема оглянулся на Защитника. Жизнь еще теплилась в Алексее, но любой вздох его мог оказаться последним. Выглядел Алексей плохо – клочья рваной рубахи, полосы рваной кожи – все спеклось бурой кровавой коркой. Глаза Алексея были закрыты, грудь судорожно вздымалась и розовая пена появлялась на губах с каждым вздохом.

прими мой последний вдох

"Что?"

ты знаешь, что это твоя судьба. Ты всегда ждал этого

"Не уверен. Знаешь, Алексей, я вынужден разочаровать тебя. Я вовсе не собираюсь становиться Защитником. Хочу остаться нормальным человеком".

а кто же остановит их?

"В конце концов, какая разница – Гоор-Готы или Защитники? Вы не нравитесь мне – и те и другие. Вы живете по своим законам, переступаете через человеческие жизни в постоянной борьбе друг с другом. К чему мне ввязываться во

все это? Да, Петрович, ты красиво говорил о силах, царящих в мире. Но какое мне дело до них? Я устал. Жутко устал. И при этом, замечу, честно выполнил свое дело".

выполнил? Ты не снял заклятия с девушки. Она умрет

"Неправда. Какое значение это имеет теперь, когда Агея больше не существует? Останется дурацкая татуировка на груди, но никто уже не наполнит ее зловещей силой. Это чужая игра, Защитник, и я не собираюсь в ней участвовать. Ты победил Гоор-Гота, ты выиграл. Я тоже победил. Я переиграл тебя. Мы оба – победители, не правда ли?"

она умрет

"Неправда!"

Тишина. Слабый отзвук мыслей Защитника смолк в голове Демида. Он вытер испарину со лба. Облегчение – вот что он сейчас испытывал. Ну конечно – жизнь сыграла с ним дурацкую шутку, но он не настолько глуп, чтобы угодив пальцем в жернова, дать затянуть себя по самую макушку. Ему приходилось попадать и в более дурацкие ситуации.

Кончено. Все кончено.

Он встал на колени рядом с Алексеем. Знак Защитника – вот что хотел увидеть сейчас Демид. Пальцы его скользнули по одежде Алексея, обнажая мощную грудную клетку, поросшую седыми волосами.

Демид видел этот знак впервые, и все же ему показалось, что он встречал его тысячи раз – может быть во сне, может быть в другой жизни. Красный ромб не был нарисован

– он выбухал над левым соском живым сосудистым рисунком, пульсировал в такт биению сердца. Внутри ромба находился ровный красный крест, напоминающий две скрещенных палочки – на католический манер. Тонкая розовая линия заполняла все внутреннее пространство четырехугольника, образуя странный, не поддающийся логическому описанию узор.

Алексей захрипел, передернулся всем телом и замер. Из уголка его рта вытекла струйка крови. Демид осторожно обхватил пальцами его запястье. Пульса не было.

"Умер. Господи, прими душу его…"

Алексей отрыл глаза.

– Имя… Прими Имя… – Каждое слово вырывалось из уст Защитника со свистом, в груди его булькало и клокотало.

– Нет! – Демид панически дернулся, пытаясь оторвать руку, но пальцы его прикипели к коже Алексея. – Нет! Я же сказал тебе!

– В этой игре не бывает победителей и побежденных… В ней есть только участники…

– Замолчи! Не делай этого…

– АН-ТИРИТА

Последний выдох. Имя.

Демид разжал руку пальцы и рука Алексея безжизненно упала.

"В игре два трупа и один проигравший – я."

Небо над головой Демида закрутилось полосатой облач-

ной спиралью. Природа на глазах меняла свои очертания. Деревья мрачно вытянулись в вышину, на горизонте из дымки появились горы – старые, со сглаженными лесистыми вершинами. Повеяло ледяным холодом. Демид почувствовал, что сознание покидает его тело. Ощущение было тошнотворным, но он уже не мог контролировать свои действия, чужая воля делала с ним, что хотела. Демид поднимался в струях восходящего воздуха. Он увидел собственное тело, распростертое на траве. Демид – тот, что лежал внизу на земле, был одет в полотняную одежду, напоминающую одеяния буддийских монахов. На поясе его находился знакомый серебряный меч. На поляне не было больше никого – ни Яны, ни Алексея, и местность казалась совершенно незнакомой. Дема не успел как следует рассмотреть свой облик внизу, потому что с ним произошли изменения. Тело осталось в той же позе, но теперь на нем был шелковый голубой халат, расшитый серебряными птицами. Длинные светлые волосы рассыпались по плечам – Дема едва узнал самого себя. Между тем он поднимался и с высоты разглядывал странные трансформации, все быстрее происходившие с его собственным телом. Оно превратилось в изломанный силуэт, впечатанный в шоссе кровавой кляксой и окруженный разбитыми машинами. Потом Демид увидел себя лежащим на песке среди бескрайней пустыни, в военной форме серебристого цвета и высоких шнурованных ботинках. Механизмы на членистых паучьих ногах, сверкающие никелированной броней, деловито сновали

вокруг в ослепительном сиянии двух солнц, гонящихся друг за другом по небосводу.

Внезапно мелькание образов прекратилось и вернулась первая картинка – та, с древними горами на горизонте. Демид бесплотным духом несся с воздушной волной, горы надвигались на него шершавыми боками. Черный пролом вырос перед глазами и кромешный мрак окружил Демида. Он ничего не мог увидеть в пещере, тянувшейся километрами промозглой пустоты. Но он почувствовал присутствие живых существ. Они подчинялись своим законам, неведомым никому из живущих на земле. Они жили здесь тысячелетиями, охраняя тайны тьмы, время прессовалось для них в невесомые слитки, века превращались в минуты по их желанию. Сейчас эти твари не могли повредить Демиду, но они чувствовали его, пытались дотянуться до него своими когтистыми конечностями.

Светлое пятно тускло замаячило впереди как выход из тоннеля. Оно не обрадовало Демида – даже мрак пещеры был лучше, чем это неясное, обманчивое мерцание, вонзающееся в сознание холодными иглами. Он почувствовал, как разум его закручивается сотнями протуберанцев, разлетается на части в хаотическом мелькании радужных пятен. Боль разрезала грудь, острые зубы страха впились в сердце, заставив его остановиться. И наступила тьма…

* * *

Демид открыл глаза. Ничего не изменилось – все так же он сидел рядом с Защитником, Яна тихо плакала неподалеку. На мертвом лице Алексея застыла последняя улыбка. Демид вздрогнул, когда увидел его безжизненную ехидную усмешку – и с того света Петрович смеялся над ним.

И все же в мире что-то переменилось. Новые ощущения нарастали постепенно, словно проявлялись на фотографической бумаге. Началось с запахов. Волна лесных ароматов накатила головокружительной сенсорной волной. Никогда он не чувствовал столько запахов сразу. Терпкая горечь хвои, туманящая пряность шалфея, едкая вонь божьей коровки, свалившейся с куста на противоположной стороне поляны. Боже, как странно…

Демид лег на спину, пытаясь преодолеть головокружение. В небе черной точкой плавал коршун. Внезапно Демид осознал, что может рассмотреть его во всех подробностях: мохнатые лапы, желтые глаза, вильчатый хвост. Невероятно – чтобы рассмотреть птицу на такой высоте, нужно было иметь зрение не менее шести единиц зрения, зрения, зрения…

А потом в голове Демида зазвучал голос. Он услышал слова Яны в шуме листвы, хотя она не открывала рта. Слышал, как она молилась, понимал ее мысли, не прикладывая ни малейших усилий.

Дема медленно расстегнул ворот рубашки, пальцы его скользнули по коже. Слева, прямо над сердцем, они нащупали горячий пульсирующий четырехугольник. Демид прекрасно знал, как выглядит этот красный ромб. Он знал, какой крест будет вынужден нести всю жизнь. И знал свое имя. Тайная стезя, столь страшившая его, расстелилась перед ним бесконечной тропой…

Демид подошел к Яне, положил руку на ее плечо. Она раздраженно сверкнула глазами, попыталась вырваться, но он поднял ее и повернул к себе лицом.

– Ты предал меня!

– На, возьми, – Демид разжал руку Яны и положил ей на ладонь монету. – И больше не подавай нищим. Не отдавай ключ от своей души. Это слишком роскошное подаяние.

Паук на груди Яны ожил. Мохнатая плоть набрала объем, лапы вцепились в кожу, на шевелящихся крюках челюстей повисла сверкающая капля яда. Яна завизжала. Демид спокойно взял паука за спину и снял с девушки.

Маленькое чудовище в руке судорожно яростно перебирало лапами, пытаясь вывернуться и укусить Демида. Он дунул на паука и тот замер. Демид бросил паука на землю и наступил на него пяткой. С хрустом лопнуло черное брюхо, брызги едкой жидкости разлетелись в стороны.

– Ты… Ты… – Яна смотрела на Демида изумленными глазами. – Боже мой, ты все-таки стал Защитником?!

– Да. – Демид устало улыбнулся. – Но ты забудешь об

этом, девочка. Забудешь навсегда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЗНАК ВОЛКА

ГЛАВА 1.

Лека чувствовала себя отвратительно. Тонны мерзости вылились на нее и утопили с головой. Лека лежала с закрытыми глазами и боялась пошевельнуться. Молотки стучат в левой половине черепа сволочи лупят прямо по кости сволочи так что звон отдается зубной болью сволочи сволочи сволочи. Стоит пошевельнуться открыть глаза и потолок ухнет пустой белой плоскостью падать долго долго долго долго… Почему, боже? Кровать как корабль в бурю тошнота хлынет во все щели задраить все щели, от винта…

Она дьявольски хотела пить. Язык высох, стучал по зубам как деревяшка. Господи, почему так мерзко? Где-то на кухне, в шкафу, должна быть банка с аспирином. Лека представила, как проглатывает горсть этих кислых горьких самых вкусных на свете таблеток запивает пятью нет десятью сотней литров холодной прозрачной воды боже боже боже за что?!!!

Боль в спине, руках, ногах нестерпима. Господи! Почему я еще жива? Сделай так чтобы я умерла что тебе стоит? Не

хочу больше просыпаться вот так знать что жизнь сплошное дерьмо грязь кровь из твоих собственных вен Господи…

Лека осторожно, продвигая пальцы миллиметр за миллиметром, провела рукой по кровати. Проклятье! Никого рядом не было. Надо же, такой ломовой кумар[19] – и в одиночку. Труба! Вот паразиты, наркоманы проклятые! Ширяться вместе, а ломайся однааа.

Все паразиты быки сбежали козлы оставили ее одну в хазе друзья называется козлы она сейчас сдохнет.

Все, хватит!

Лека шепотом досчитала до десяти, собралась с духом и осторожно приоткрыла глаза. Хуже быть не могло. Беспощадный полуденный свет ударил по зрачкам, очертания комнаты расплылись в навернувшихся слезах. Где-то в уголке сознания Леки шевельнулось удивление: неужели в ней осталась хоть капля жидкости на слезы? Казалось, вся она высохла как коричневая египетская мумия, и любое движение должно сопровождаться скрипом несмазанных закостеневших суставов.

В большом зеркале на стене отразилась девушка, медленно барахтающаяся в простыне, пытающаяся перелезть через край кровати словно через трехметровый забор. На девушке были только трусики – тонкий черный треугольник на белой коже. Лека старалась не смотреть в зеркало – бесконечность зазеркального пространства завораживала; чудилось,

---

[19] Кумар – наркотическое похмелье (жарг.)

что можно сорваться и кувырком полететь в прозрачную пустоту. В состоянии наркотической ломки Леку терзал страх открытого пространства – она затягивала шторы и предпочитала передвигаться на четвереньках, судорожно цепляясь за ножки столов. Даже потолок казался недосягаемо далеким: Лека точно знала, что комната в любую минуту может встать на дыбы, перевернуться кверх дном и тогда она бесконечно долго будет падать вверх, захлебываясь в крике ужаса.

Девушка в зеркале медленно сползла на пол и прижалась к нему лицом, переводя дыхание. Она была бы красива, если бы не болезненная худоба, не пожелтевшие синяки на ногах, не исколотые сгибы рук.

Девушка была наркоманкой, и сейчас был далеко не лучший момент ее жизни.

Лежа на полу, Лека попыталась припомнить, было ли когда-нибудь хуже. Пожалуй, нет. С каждым разом это происходило тяжелее и тяжелее – организм требовал новой дозы наркотика немедленно – как только предыдущая расщеплялась в крови. Лека старалась оставлять дозу на утро, но в такие дни, какой был вчера, мысли о завтрашнем казались полным идиотизмом и все, что было, сжигалось дотла.

Она не помнила, что происходило вчерашним вечером. Память услужливо выкидывала из головы подробности. Хотя Леку уже давно перестали мучить и стыд и совесть – атрофировались за ненадобностью. Ее не волновало, каким способом она добыла вчерашнее горючее – измученное тело

требовало кайфа и она его получила.

Кайф! Как много в этом слове…

Само собой, весь вечер вчера протрахались. А кто будет колоть тебя за так, за красивые глазки? Плати тем, что есть. Хорошо, что это берут. Сейчас Лека ненавидела людей, забесценок получавших ее тело, но когда капля освобождающей от страданий жидкости дрожала на кончике иглы, она не могла скрыть возбуждения в ожидании горячей волны, слезы счастья наворачивались на ее глаза и она любила их – людей, приносящих драг, как братьев по таинству, как избавителей.

Лека не боялась забеременеть, месячные перестали приходить полгода назад. Она была уверена, что никогда уже не сможет иметь детей. Не все ли равно… Сколько еще осталось? Год, месяц, день? Кайф – лом – кайф – лом… И вечный покой… Вечный вечный вечный.

Лека крепко села на иглу, потеряла всякий инстинкт самосохранения, жизнь ее становилась все более бессмысленной. Она вспомнила, какой дикий голод испытывала давно, миллион лет назад, когда еще только начинала курить траву. Тогда после "косячка" она могла изничтожить содержимое холодильника в считанные минуты. Теперь даже мысль о еде вызывала тошнотворный ком в горле.

Аспирин… Ей нужен аспирин.

Девушка в зеркале со стоном поднялась на четвереньки и отправилась в трудный путь.

Скиталец в раскаленной пустыне… Он потерял силы,

каждая клетка его иссушенного тела вопит о помощи. Он передвигается медленно – ползком ползком ползком, утопая в песке. Вперед, к оазису, который, конечно, окажется миражным бредом. Путь в никуда.

"Я несчастное больное существо, – бормотала Лека, преодолевая бесконечные километры коридора, – у меня внутри болит все вещество. Я несчастное больное существо у меня внутри болит все вещество. Янесчастноебольноесуществоуменявнутриболитвсевещество". Дурацкий стишок отвлекал от боли, от мрачных бездонных углов, в которых гроздьями висели огромные пауки, от мучительной жажды. "Янес частное боль ноесу щест во…"

Стоп. Приехали. Это есть кухня. Там над столом, в ящике – ОН. На тысячекилометровой высоте стола – там, где дуют сволочные вихри. Надо опереться на табурет и медленно подниматься вверх преодолевать метр за метром милю за милей вперед к драгоценным колесам ураган гад будет скидывать ее в окно страшно. Но она знает как с этим бороться. Ха-ха! Она закроет глаза! Что сволочи попали? Она закроет глаза и выпрямится чего бы это ни стоило.

всегда стремиться только ввысь и никогда не падать внись всегда

КР-РАК!!!

Мир с треском перевернулся и Лека навзничь полетела туда далеко на пол в пропасть ободрав руку о край стола. Сердце трепыхнулось как мокрый воробей. Молотки застучали в

обеих половинах черепа в десять раз быстрей.

Господи, как больно-то!

"Так, что-то уцепила, – Лека осторожно открыла один глаз. Пальцы ее судорожно сжимали горсть таблеточных упаковок. – Аспирин. Сожрать. Димедрол. Тоже пойдет. Левомицетин. Это от поноса. Пошел в задницу. Что там за пузырек покатился? Валокордин. Потянет".

Лека боком подползла к кастрюле с позавчерашним бульоном, стоявшей в углу. О, благодатная привычка оставлять все на полу! Убери она бульон наверх, и он был бы для нее навсегда потерян. Так и стоял бы себе на полке холодильника прозрачненький непротухший а она бы сдохла здесь внизу подавившись колесами.

Лека запихнула в сухой рот горсть таблеток и жадно припала к кастрюле, обливаясь кислой мутной жидкостью. А потом легла на спину и закрыла глаза. Боль выходила с потом, сон навалился спасительным теплом.

ГЛАВА 2.

Лека чувствовала себя превосходно, не могла поверить, что днем ей было так плохо. Да нет, должно быть, это была не она. Она в прекрасной форме. Да-да! Всего лишь маленький дозняк – и как огурчик. Малюсенькая доза для встряски, и полный вперед! А больше нам и не нужно. Чтобы чертова жизнь снова заиграла всеми красками – как огоньки над стойкой бара. А захотим – вообще завяжем. Хотя зачем? Я ведь, можно сказать, и не колюсь совсем…

Лека вспомнила сальную ухмылку Свина, когда он всаживал ей в вену иглу. Боров хренов. Слава богу, не этот раз не потребовал перепихнуться, только залез под юбку и потрепал по заднице. "Ладно, Лека, свои люди, сочтемся". Чмо жирное! Пальцы веером, сопли пузырем. Лека всегда избегала этого потного толстяка, не могла пересилить брезгливость. Но на этот раз ей было наплевать, за отходную дозу она переспала бы с любым бомжем.

"Что, опускаешься? – спросила себя Лека. – Черта с два! Стоит сказать пару слов Кроту и урод Свин подавится своими зубами".

Лека подумала, что если Крот узнает, что она ходила к Свинье, то она сама получит по первое число, а может быть, даже выйдет в отставку. Ну и черт с ним! Лека подмигнула своему отражению в зеркале. Я очень, очень красивая, ре-

шила она. Если мужик видит меня и у него не встает, значит он гомик. А мне вот на мужиков наплевать, сволочи они все.

Зеркало и вправду отразило красивую девушку. Красивую и сердитую. Короткие каштановые волосы, чуть вздернутый нос, большие настороженные глаза. Прямо Никита из фильма, подумала Лека и улыбнулась своему отражению. Вот какие зубки. Могу тяпнуть до смерти. А то и пристрелить кого-нибудь – если будет за что.

В спину ей гвоздем воткнулся чей-то взгляд. Она раздраженно повела плечами, но взгляд остался на месте. Лека почувствовала, как чужие глаза скользят по голым лопаткам в глубоком вырезе платья, обшаривают округлости ягодиц. Снова ползут наверх…

Это уже наглость!

Лека резко повернулась на винтовом стуле, собираясь влепить настырному мужику по морде. Но дежурная фраза замерла на губах, пыл улетучился сам собой, остался лишь непонятный интерес к незнакомцу.

Он даже не улыбнулся ей. Хмуро продолжал таращиться, и она снова чувствовала взгляд – словно палец, скользящий по обнаженной коже. По шее, груди, животу… еще ниже – Лека непроизвольно сдвинула ноги.

Парень сидел за столом один, хотя в баре было полно народу. Странный мужик – в этом заведении такие не встречались. Обыкновенный мэн, не красавец, конечно, но уродом тоже не назовешь. Физиономия худая, скуластая, шрам над

бровью. Но вот бородка…

Сразу видно, что интеллигент. Как его сюда занесло? Спьяну, что ли? Да нет, вроде трезвый. А глаза отвязные, чумовые…

Леку заворожили его странные глаза. Ни теплые, ни холодные, они глядели как два бездонных серых колодца, затягивали водоворотом ее душу. Голова Леки закружилась, словно вернулся утренний кумар. Огоньки замелькали тревожным кровавым светом, непонятно откуда взявшийся вихрь закружил вокруг Леки пыль и едва не сбросил со стула. Она панически вцепилась в кожаную обшивку.

Парень криво улыбнулся и одел темные очки. Серые смерчи втянулись обратно в его зрачки и ветер стих. Лека покрутила головой.

Крезуха! Вот как это называется – кре-зу-ха! Совсем у меня крыша едет. Скоро синие крокодильчики начнут летать. Пойду, разберусь с этим парнишкой, пока наши жлобы ему в морду не настучали.

Лека уселась за стол и картинно закинула ногу на ногу.

– Чего темные глассы напялил? И так темень тут, ничего не видно.

– Я уже увидел все, что хотел, – сказал парень.

Голос у него тоже был не самый крутой. Обычный.

– А что ты хотел увидеть?

– Тебя.

– Хм. Ну и как ?

– Так себе. Третий сорт – не брак. Но выбирать не приходится.

– Ну ты нахал! Я сама выбираю, кого мне хочется, вьехал? Чего ты сюда вообще приплелся?

– За тобой пришел.

Шизик, решила Лека. Везет мне на таких.

– Слушай, чудень, ты хоть знаешь, куда попал? Здесь ведь и продырявить могут.

– Это меня не интересует, – спокойно сказал парень. – Я приехал за тобой. Три минуты на сборы и отваливаем.

– Чего-чего?

– Сударыня! Я ошизел от ваших айзов и всяких там хайров и имею честь пригласить вас на мой апартамент для куртуазного времяпрепровождения.

– Ну ты комик! – прыснула Лека. – Как тебя зовут?

– Динамит. Меня зовут Динамит.

Динамит… Что-то знакомое. Но сейчас, само собой, не вспомнить, что это значит.

– Ну у тебя и кликуха! Ладно, будем знакомы. Лека. – Она протянула через стол руку.

– Лека? Тоже имечко хоть куда. А на самом деле как?

– Ленка. – Девушка слегка покраснела. Она уже забыла, когда ее в последний раз называли обычным именем. – Так ты что, в папики мне теперь набиваешься?

– Папик? Что вы имеете в виду, сударыня?

– Ну, спонсор. Въезжаешь?

– Ага. То есть ты проститутка и рассчитываешь на оплату определенных услуг?

– Ах ты гнида! – вспыхнула Лека. – Сучара! Я к нему по-хорошему, а он…

– Не кипятись, – примирительно произнес Динамит. – Прости, я ошибся. Ты не проститутка. Ты наркоманка.

– Слушай, ты, педик бородатый, – зло сказала Лека. – Ты мне уже надоел. Я тебя, козла, хотела вытащить отсюда по-хорошему. Но ты добра не понимаешь. Ладно, мне же проще. Вали отсюда, да смотри, чтобы очки тебе не раскокали!

Она попыталась встать из-за стола, но Динамит поймал ее за руку. Лека собралась заорать, дать парню по морде, но почему-то села на место. Ладонь Динамита была сухой и сильной – настоящая мужская рука, не те потные клешни, которыми тискали ее в подъездах.

– Не бузи, детка. Что ты сердишься? Разве я не прав? Колешься ведь как самоубийца. Ты и сейчас под кайфом. Тебя устраивает такая жизнь?

– А тебе какое дело? – Лека глянула с вызовом. – Живу как хочу. Кто ты такой, чтобы меня учить?

– Ага… Перед нами гордое и счастливое создание, ведущее свободную жизнь. Оно ловит кайф и ему все по хрен. Однако всего лишь пять часов назад оно двигалось по коридору на четырех конечностях и мечтало сдохнуть. "Я несчастное больное существо, у меня внутри болит все вещество". Так, кажется?

– Ты… Откуда ты знаешь?

– От верблюда. Решила кончить жизнь на помойке, девочка Лека? Думаешь, долго протянешь? Не год тебе остался, и даже не полгода, как ты думаешь. Всего лишь неделя и два дня. Свин не поделит тебя со своими дружками, и расчлененный твой труп будет валяться в мусорном контейнере рядом с гниющими куриными потрохами. Хочешь, скажу в каком именно контейнере, на какой улице? Зайди в милицию, напиши объявление – мол, убьет меня такой-то, засунет останки мои туда-то. Это облегчит работу медэкспертов…

– Хватит!!!

Лека завизжала так, что все в баре оглянулись. Глаза Леки округлились от ужаса, руки задрожали. Она отказывалась верить тому, что говорил этот тип, но чувствовала, что он говорит правду. Она схватила парня за воротник и зашептала ему в лицо:

– Врешь, все ты врешь. Крот ему башку свернет. Он за меня…

– Крот-то? Да плевать ему на тебя. У него таких как ты – вагон и маленькая тележка. Кроту уже донесли о твоем сегодняшнем визите к Свинье, и сейчас он размышляет, как побольше содрать за тебя отступных. Ты его больше не интересуешь. Заказывай музыку, Елена. Все будет так, как я сказал.

Настал подходящий момент для громких рыданий, но Лека не заплакала. Мешал наркотик, гуляющий в крови. Он оглушал, притуплял эмоции. И все равно ей было плохо,

очень плохо. Хренов Динамит, черт бы его побрал, растеребил всю душу. Лека считала, что ей наплевать, что произойдет в следующую минуту, но оказалось, что это не так. Сейчас ей страшно захотелось жить. Она попыталась что-то сказать, но во рту пересохло – хуже, чем утром.

– Ладно, не расстраивайся, – Динамит погладил ее по руке. – Попытаюсь уладить это дело. Сейчас уходим отсюда, а там видно будет.

– Ничего не выйдет, – просипела Лека. – Хрен ты уйдешь. На тебя тут уже глаз положили. Пришьют тебя, бородатый, и меня заодно с тобой.

К столу вразвалочку подвалил молодой человек. Черная майка с оскаленным черепом и надписью "FUCK OFF" едва не лопалась на квадратном туловище. Физиономия красотой не впечатляла – круглые щеки, поросячий розовый носик и маленькие недобрые глазки.

– Динамит, у Крота к тебе базар есть. Иди вон за тот стол. Приколы свои оставь, здесь люди серьезные, шутки шутить не любят.

Слово «Динамит» щелкнуло в голове Леки и встало вдруг на положенное место. Лека удивленно захлопала глазами. Она вспомнила: несколько месяцев назад Крот хватался за сердце, глушил водку стаканами и материл некоего Динамита на чем свет стоит. Неужели этот чувачок со слюнтяйской бородкой и есть тот пресловутый Динамит? Надо же, такой крутой мэн, и такой лох с виду. Вот и пойми человека по

портрету…

– Передайте гражданину Кротову, – вежливо сказал Динамит, – что разговаривать с ним не буду. Я тут культурно отдыхаю, никого не трогаю. С девушкой общаюсь. А с криминогенными элементами пускай беседует милиция.

– Ты что, чмошник, сдурел совсем? – усмехнулся парень, блеснув золотой фиксой во рту. – Ты знаешь, что это за телка? Она за хопчик[20] замусоленный буферами как помелом машет, а ты на нее запал сдуру. Ладно, даю тебе минуту. Не серди Крота.

Лека яростно сверкнула глазами, собралась уже встать и сказать гадине, шестерке, куда он должен пойти, но Динамит опередил ее. Он хлопнул парня по круглому животу и вальяжно улыбнулся.

– Неплохой пузень. Жрешь много, пацан. Хочешь похудеть? Надумаешь – спроси меня, как. А пока вали.

Здоровяк задохнулся, сжал кулаки и бросился на Динамита. По всем законам жанра должен был сшибить его на пол, но не получилось. Динамит на мгновение приподнял свои темные очки и глянул в глаза противника. Парень побелел, скукожился и молча отвалил.

Странно. Страннее не бывает. Глюки пришли?

Лека щелчком выбила сигарету из пачки. Прикурила с третьей попытки – руки ее отчаянно дрожали.

– Пропала моя бедная головушка, – хрипло сообщила

---

[20] "Хопчик" – сигарета с анашой (жарг).

она. – Слушай, Динамит, если ты и вправду такой крутой, вытащи меня отсюда, пожалуйста… Достало меня тут буквально все.

– Не дрейфь, Лека, – обнадежил Динамит. – Со мной не пропадешь. Такой вот я мощный дяденька. Давлю всех аурой. Знаешь, что такое аура?

– Знаю, – сказала Лека. – Фигня такая вокруг башки. Да?

– Приблизительно…

* * *

Крот пожаловал собственной персоной.

Лека сжалась в комок, едва не полезла под стол. Было от чего. Интеллигентных киношных воров в законе, как известно всем, играли Гафт и Смоктуновский. Крота бы в кино не пустили. Выглядел он отвратно. Ростом на голову выше Демида, он был обладателем двух пудовых веснушчатых кулаков, ссутуленной широкой спины и невыразительного, почти неуловимого взгляда. Лицо Крота напоминало фотонегатив – физиономия кирпичного цвета темнее жидких белых волос. Нос сломан и свернут набок, длинный шрам пересекает скулу, оттягивая левый глаз книзу треугольником розового вывороченного века.

Крот подошел к столу и отвесил Леке пинка. Лека с писком улетела в угол. Крот уселся напротив Демида и водрузил на стол свои замечательные кулаки.

– Ну?

– Что – ну?

– Чего приперся-то?

– Да так… На хозяйство твое посмотреть, лимонаду выпить.

– Достал ты меня, – сказал Крот. – Очень сильно достал. Начудил ты много, Динамит, и все тебе с рук сходит. Думаешь, благодаря твоему везению? Хрена лысого! Ты знаешь, что у нас за такие дела полагается. Тебе бы давно снесли крышку, если бы не я.

– Спасибо, Юра, – сказал Демид с чувством.

– Мои ребята в очередь стояли, чтобы замочить тебя. Я сказал: "Не надо. Он нам еще пригодится".

– Дерьмо твои ребята, – сказал Дема. – Салаги. Зачем ты мне Олега в квартиру засунул? Он пушку держать не может, ему только на воробьев охотиться. Как он, жив еще?

– Жив. На больницу пошел после того, как ты ему кость поправил. Придурок.

– Это верно. Придурок.

– Ты чего приперся, Динамит? Надо понимать, на мель сел? Ко мне просто так не ходят.

– Да нет, просто так зашел.

– Денег надо?

– Не надо. Я человек экономный – сколько мне надо, заработаю. Направо-налево зря не башляю, так копейка помалу и копится.

– Свистишь, – Крот недовольно нахмурился. – Нечестный ты человек, Динамит. Нет в тебе откровенности. Пока к делу подгребешь, две тонны слов скажешь. И приколы свои оставь. В последний раз предлагаю – пойдешь ко мне работать? Если нет, тогда за твою безопасность не отвечаю.

– За мою безопасность отвечает только один человек, – сказал Демид. – И человек этот – я. Не пойду к тебе, Кротов. Раньше не пошел, а теперь тем более не пойду. Сам подумай, зачем тебе такой геморрой нужен? Ты же ночами спать не будешь – все будешь думать, не обдурю ли я тебя.

– То есть, типа, ты свою бригаду затеваешь?

– Ничего я не затеваю, – сказал Демид. – Вышел я. Вышел полностью, по всем понятиям. Уголовные дела меня более не интересуют. Совсем, поверь. Ты же вроде умный человек.

– А как бабки делаешь?

– Это мои проблемы. Не трогай меня, Крот. Да, побил я людишек твоих – Лося и Сиваря. Сами виноваты – не по рангу работали. Еще кто из шпаны полезет – получит так, что мало не покажется. Предупреди своих. Хоть они и уроды, но побереги их – глядишь, пригодятся.

Крот кривился и нервно ерзал на стуле. Не привык он, что обращаются к нему так просто, без страха и заискивания. Кулаки Крота чесались, и все же он сдерживал себя. Демид догадывался, почему.

– Слушай, Динамит, – Крот наклонился к Демиду, заговорщицки дыхнул на него крепким коньячным перегаром. –

Думаешь, что Крот дурак? Думаешь, не догадываюсь, с кем ты связался? Герой нашелся… Другому мозги пудри. От тебя на километр гэбэшным духом тащит. Лимонадику он зашел попить… Я вас, чекистов, по походке узнаю.

А что, пожалуй, так даже лучше, подумал Демид. ГБ так ГБ.

Попробуй Демид объяснить истинную суть вещей, Крот счел бы его психом. Мир Крота был четко поделен на наших и не наших. Поделен на братву, ментов и чекистов. На крышу и крышуемых. Никакого места для мистических Ан-Тирита в его классификации не предусматривалось.

«Молодец, Крот. Сам придумал мне легенду. Отныне и присно стану я комитетчиком», – в неожиданном приступе мозговой ясности решил Демид.

– Гражданин Кротов, – Дема придал себе официальный вид, – прошу отнестись к полученной вами информации со всей ответственностью. Пожалуй, дальше нет необходимости скрывать, что я представляю интересы очень серьезной организации. Сами понимаете, какой. Посторонние лица об этом знать не должны. В настоящий момент меня интересует вон та женщина, – он кивнул на Леку, пришипившуюся в углу. – Наркомания, понимаете…

Крот глянул на Демида с отвращением. Легкость, с которой тот признал себя сотрудником госбезопасности, была подозрительна до тошноты. Крот засомневался пуще прежнего.

А Демиду было безразлично, что решит для себя Крот. Демид лишь уловил в мыслях Крота вздох облегчения: "Телку берут по наркоте. Ну и хрен с ней, это не по моей части."

Проверенный факт: Крот никогда не связывался с продажей наркотиков – вероятно, из-за болезненной нетерпимости к цыганам, лидирующих в этом бизнесе. Русский блондин Юрий Кротов был упертым националистом. Он ненавидел всех черных, независимо от их этнической принадлежности. Занимался только "спортивной" работой – рэкетом, опекой торговцев водкой, выбиванием долгов. Бывший успешный грабитель, Кротов все активнее отходил от стандартной уголовщины, старался легализовать свою деятельность, насильно предлагая свои услуги коммерческим фирмам, растущим, как грибы после дождя.

– Брось заливать, Динамит, – осклабился Крот. – Из тебя агент ГБ как из меня балерина. Обрадовался на халяву проехать? Покажи корки.

– Какие корки? Апельсиновые?

– Красные. Гэбэшные.

– Нет корок. В трамвае потерял.

– Опять свистишь.

– Свищу. Или не свищу. Какая разница?

– Ладно, – примирительно сказал вконец запутавшийся Крот. – Хрен тебя поймет в самом деле. Странный ты, Динамит. Даже сердиться на тебя не могу. Отваливай, чудила.

Крот изобразил на лице подобие улыбки. Демид не пове-

рил бы в его дружелюбие ни за что на свете. Если кому и стоило доверять меньше всего в этом мире, то это Кроту.

Истинный объект деминых интересов поскуливал в углу, бросая на собеседников жалобные взгляды.

Забавные дела, подумал Демид. Неужели сия девчушка, измазюканная косметикой, и есть то, что я искал так долго? Она наркоманка, и это еще можно стерпеть, но, по-моему, она просто дура. Неужели человек со столь мизерным интеллектом может иметь знаки Системы?

– Девчонку возьму с собой, – сказал Демид. – Сколько с меня?

– Даром бери, – Крот пульнул окурком в угол. – Дерьма не жалко. Скололась девка полностью. Похоронишь за свой счет – и то для меня экономия выйдет.

– Пойдем, – Дема махнул рукой Леке, повернулся и пошел к выходу.

Лека заспешила за ним, расталкивая прибалдевших посетителей.

* * *

Они вышли на улицу, окунулись в осеннюю промозглую сырость. Свитер грел плохо, Лека спрятала руки под мышки. Ветер нагло залез под подол, ноги покрылись гусиной кожей.

– Динамит, мне холодно, – она прижалась к Демиду и запустила руки ему под куртку. – Куда мы пойдем?

Слава богу, девчонка симпатичная, подумал Демид. Наркошка – это исправимо. Это проще. А вот была бы толстая и уродливая, как бы я стал с ней сотрудничать?

– Едем ко мне домой. Садись в машину.

– Ну у тебя и тачка! – присвистнула Лека. – Я думала, ты на "Мерсе" ездишь.

– На такую сперва заработай, – огрызнулся Дема.

В самом деле, демина "пятерка" вряд ли могла бы участвовать в конкурсе красоты. Машина досталась ему даром после летних событий, он потратил кучу денег на ее восстановление. Зато этим "Жигулям" Демид мог доверять как лучшему другу, не променял бы их ни на какую иномарку в мире. Демид вспомнил, как светлая Яна сидела на том месте, куда сейчас недовольно плюхнулась его новая знакомая. Вздохнул. Он все еще скучал по Яне.

– Вмазать у тебя найдется? – спросила Лека.

– Найдем, – пообещал Демид. – Поехали.

ГЛАВА 3.

Лека озиралась с любопытством. Нет, определенно, за всю свою жизнь она не встречала такого странного типа, как Динамит. То, что Крот с ним разговаривал на равных, еще можно как-то понять. А тут еще и хата как лаборатория. Лека потянула носом. Вроде бы трава… Но "мулькой" не тащит. Лека на километр распознала бы по запаху квартиру, где вываривают эфедрин или маковую соломку.

– Динамит, ты что здесь варишь? Крэк[21], что ли?

Она потащила свитер через голову, пошатнулась и запуталась в нем. Дик вытряхнул ее из свитера как котенка. Лека засмеялась и повисла у него на шее, попыталась поцеловать в губы. К удивлению, Динамит отпихнул ее довольно небрежно.

– Подожди, голубушка. Ты не для этого сюда приехала.

– А для чего же? – брови Леки поднялись. – Ты что, голубой, баб не любишь? Я ведь вообще-то много чего умею. И по-французски могу, и как угодно.

– И в хоровод[22]? – прищурился Демид.

– Ну, это ты зря, – гордо покраснела Лека. – В хоровод только девочки под винтом[23] идут. А я первинтином черто-

---

[21] Синтетический наркотик.

[22] Групповой секс (жарг).

[23] Первитин, "винт" – дешевый синтетический наркотик с сильным галюцино-

вым никогда не колюсь. Он самый вредный. От него и передозняк бывает, и глюки наезжают, за год скопытиться можно. Я только маком пользуюсь. Даже с пыхом завязала.

– Ладно, – Демид сделал вид, что поверил. – А от джефа[24] не откажешься?

– А что, есть? – глаза Леки загорелись.

– Ясно. Случай хронической полинаркомании. Что ж, это поправимо.

– Чего поправимо?

– Так… – Динамит неопределенно махнул рукой. – Многое поправимо при желании. Проходи в комнату, дорогая гостья. Будь как дома.

– Вот это да!..

Лека шагнула через порог и обалдела. Комната, совсем не малая по габаритам, казалась тесной от огромного количества разнообразной аппаратуры. Здесь была тройка компьютеров, несколько экранов, большое кресло, оплетенное проводами, а над ним металлический шлем на кронштейнах. Кабели шли через всю комнату и соединяли разноцветные ящики на стеллажах. Колбы и мензурки с булькающими реактивами стояли на столе и на полу. Лека едва не наступила на длинную прозрачную трубку, но в последний момент труба странным образом изогнулась и сбежала из-под ее ноги.

Все-таки у меня глюки, решила Лека.

генным и возбуждающим эффектом.

[24] Самодельный наркотик из эфедрина.

– Осторожно, – предупредил Динамит. – Садись на диван.

– Ну ты даешь! – выдохнула Лека. – Тут у тебя железок, наверно, на сто миллионов! А видак есть?

– Есть.

– Здорово. Я люблю, когда боевики всякие. А ты, наверное, порнушку смотришь? Мужики такое любят. Некоторым на приход[25] порнография больше нравится, чем живая девчонка. У меня был один парень – как ширнется, так порево и включал. Хороший был человек, меня не обижал. Всегда на базар меня заряжал – лежим и треплемся с ним часами, как брат с сестрой. Правда, спекся он, меры не знал. За год такую дозу нагнал – двух-трех стаканов соломы в день не хватало. И мак брал только крепкий, ташкентский. Все спустил, и в психушку попал. Креза на него наехала. Ну, психоз, значит. Вот я к быкам и пошла. Они при деньгах всегда, кайфом обеспечат, да и порядку у них больше. Вот только страшно с ними – злые они, если что не так, пристрелить могут запросто, или порезать.

– Знаю. Нет, Лека, нет у меня порнографии. И наркотики не варю. Не колюсь, не курю, не нюхаю. Ты что, совсем зациклилась на отраве? Ты, вообще-то, представляешь, что есть люди, не употребляющие этой дряни?

– Ну да, конечно… Я ведь сама-то только два года вмазываю.

– А сколько лет тебе, детка?

---

[25] "Приход" – начало действия наркотика (жарг).

– Ну… двадцать два.

– Двадцать лет тебе, – уточнил Демид. – Всего двадцать. Наркотики употребляешь больше трех лет. Или анаша за наркотик не считается?

– Все ты знаешь, Динамит. Зачем спрашиваешь, душу травишь?

– Не огрызайся. Честно скажи, завязать хочешь?

– Не знаю. – Лека тряхнула головой, устало провела пальцами по векам. – Боюсь я. Ломок боюсь ужасно. Ты вот не знаешь, что это такое. Это ведь не жизнь уже. Я и кайф-то настоящий уже давно не ловлю. Вкатишь дозняк, чтобы раскумариться, и все.

– Как ты просыпаешься? Что чувствуешь каждое утро?

– Кумар чувствую. Это как похмелье. Только не от вина, а от наркотиков. Пустишь по вене дозу – и только в себя приходишь, и то не сразу. Раскумариваешься. Чтобы кайф поймать, надо на более сильный наркотик переходить. А где деньги взять? Вот так и живу как зомби. Да еще глюки стали сильно находить в последнее время. Это совсем плохо. Шизею прямо. Придется, наверно, в психушку ложиться – лечиться. А тогда родители узнают. Они ведь у меня совсем не в курсе, все еще думают, что я хорошая девочка, в инязе учусь. Я ведь в школе отличницей была, честное слово.

– Ага, это уже лучше. Похоже, в прошлом проблески интеллекта у тебя имелись. Я-то уже посчитал, что мне досталась выпускница интерната для слабоумных.

– Ну, Динамит, не надо так. – Из глаз Леки неожиданно побежали слезы. – Я, конечно, дура. Дура, сама всю жизнь себе испортила. А только я их боюсь, этих ломок. Бо-юсь!

– Ну, не плачь, малыш, – Демид погладил ее по голове. – Если ты действительно то, что мне нужно, снимем тебя с иглы. А если не та, за кого я тебя принимаю… ну ладно, все равно вылечим.

Лека улыбнулась сквозь слезы.

– Я та, честное слово, та! А какая тебе нужна?

– Сейчас посмотрим. Раздевайся.

Лека автоматически, как делала уже сотни раз, стащила платье через голову и осталась в одних трусиках. Даже попкой покрутила по привычке. А потом ей вдруг стало неудобно. Странно… Лека уже давно забыла, что это такое – стеснение. А тут покраснела, нерешительно затеребила резинку трусов.

– Что, все снимать?

– Ну ладно, это можешь пока оставить, – разрешил Динамит. И улыбнулся. Лека тоже улыбнулась, а потом почему-то расхохоталась. Дико, правда? Стоишь тут голая, непонятно, зачем. Дурдом! А парень ей нравился. От него исходили какие-то теплые, дружеские волны ("флюиды" – почему-то вспомнила она давно забытое слово) и напряжение, не оставляющее ее в последние месяцы даже под наркотическим кайфом, исподволь уходило. Динамит дотронулся до нее и она подалась к нему всем телом. Но он хладнокровно

отстранил Леку и начал изучение поверхности ее кожи.

– Ага. Ага. Подними-ка руки. Повернись спиной. Обратно повернись. Хм, интересно…

– Что интересно?

– Потом узнаешь. Слушай, голубушка, ты всегда была такой тощей?

– Ну… не всегда. В последнее время немножко похудела.

– Ничего себе похудела. Прямо узник Освенцима. Ты ничего не ешь, что ли?

– Да почти ничего, – призналась Лека. – Не хочется что-то.

– Анорексия называется такое дело, – резюмировал Демид. – Истощение. Еще немного, и по воздуху летать будешь. Ну ладно, это мы поправим – откормим тебя до приятных форм. А что за шрам на руке? Вены резала?

– Нет, это так… Дурняк надо было быстро снять, вот я бритвой и резанула. Когда кровь увидишь, это быстро отрезвляет, в себя приходишь. Проверено.

– Век живи, век учись, – философски заметил Динамит. – Сколько нового я от тебя узнал, детка, хоть книжку пиши. Don't try suicide, nobody give a damn, – неожиданно пропел он строчку из песни "Queen". – А ну-ка, переведи, что я там такое напел?

– "Не пытайся покончить с собой, всем на это наплевать", – перевела Лека и поразилась – неужели она не забыла еще английский окончательно? Все-таки что-то с ней здесь

происходило, пустая голова потихоньку заполнялась обрывками мыслей, забытыми кусочками из давно прочитанных книг. Мозги, отвыкшие переваривать информацию, со скрипом приходили в движение.

– Неплохо, неплохо, – пробормотал Динамит. – Ай-кью[26] в зачаточном состоянии присутствует.

Потом начался сплошной дурдом. Динамит вооружился толстым фломастером и разрисовал Леку с головы до ног кривыми розовыми линиями, соединяя родинки на ее теле при помощи самодельного картонного лекала. Он вдохновенно трудился минут десять, и, наконец, с удовлетворением откинулся в кресле – как художник, разглядывающий свое произведение. Лека посмотрела на себя в зеркало. Выглядела она как индеец на тропе войны – невообразимый ацтекский узор покрывал ее кожу. Что-то было в нем мистическое. Расположение линий нельзя было назвать ни декоративным, ни даже правильным. И все же в этих изгибах наблюдалась определенная гармония, и если бы Леку спросили, какой человек способен нарисовать такой узор, она бы сказала: хороший.

Она провела по коже пальцем и на нем осталось красное пятно.

– Динамит, что это такое? Что ты тут изобразил?

– Не я изобразил. Все эти метки ты носишь с рождения. Я только соединил стигмы на твоем теле правильным образом,

---

[26] "IQ" – интеллектуальный коэффициент (англ.)

и вот результат.

– Ну и что это значит?

– Даже не знаю, как тебе объяснить. Боюсь, что пока ты не готова к такой информации. В двух словах, ты принадлежишь к определенному племени людей, изредка встречающихся на нашей земле. К тому же племени, к которому принадлежу и я.

– Так мы что, не русские, что ли?

– Нет, национальность тут не при чем. Это нечто другое.

Динамит сфотографировал Леку "поляроидом" и задумчиво поглядел на снимок.

– Надо же, вот закон подлости…

– Что-нибудь не так?

– Конечно! Почему-то милая, умная, красивая девушка оказывается чуть ли не исчадием ада, пытается меня убить, застрелить из пистолета. А наркоманка, которой на все наплевать, которая даже говорить по-человечески не может, носит на себе явные знаки добра и является моим союзником. Вот и пойми что-нибудь после этого…

Лека захотела обидеться, но почему-то ей стало жалко парня. Он сидел такой грустный и она подумала, что, наверное, он очень одинок. Она присела рядом с ним и положила руку на его колено.

– А ты любишь ее?

– Любил. Или казалось, что любил. Теперь уж и не знаю. Ты уж прости, Лена, что я тебя так… Честное слово, я очень

рад, что ты нашлась – какая бы ты ни была. Ты, наверное, хороший человечек, только жизнь с тобой по-свински обошлась. Знаешь, большинство людей считает, что они – хозяева своим поступкам, а оказывается, что кто-то двигает ими как пешками в своей игре. Дай бог прожить жизнь и не узнать об этом. Потому что это чертовски обидно.

Он погладил Леку по голове и она закрыла глаза. Ей стало тепло и хорошо. Уже засыпая, она почувствовала, как кто-то накрыл ее одеялом.

ГЛАВА 4.

Вначале Демиду пришлось туго. Как он и ожидал, дар, доставшийся ему в наследство от Алексея, не принес ничего, кроме неприятностей. Впрочем, и неприятностями это нельзя было назвать – это было настоящей пыткой. Демид словно заново родился на свет – в новом теле, слишком совершенным для ничтожного человеческого мозга. Тело было снабжено усиленными в тысячу крат зрением, слухом, обонянием и осязанием, они заливали бедное, захлебывающееся сознание Демида потоками ненужной информации. Демид представлял теперь из себя человека с содранной кожей, собачьим носом, ослиными непомерно громадными ушами, глазами-телескопами, торчащими на полметра и качающимися на ходу. Голова его раскалывалась. Он не мог выйти на улицу, потому что мысли проходящих мимо людей звучали в его голове, словно шум потревоженного катастрофой вокзала, роились в его черепной коробке непрошеными гостями и оглушали. Демид не представлял, до какой степени раздражения могут довести голоса, день и ночь звучащие в воспаленном сознании. Он обзавелся черными, почти непрозрачными очками, затыкал уши и ноздри ватой, надевал толстые перчатки, но это помогало мало. Гиперэстезия сводила его с ума. Он мечтал оглохнуть и ослепнуть, хоть мгновение побыть в замечательной, благодатной черной тишине и насла-

диться покоем.

Состояние это нарастало и достигло апогея через неделю после того, как он получил способности Ан-Тирита. Демид с трудом припоминал сейчас подробности времени после гибели Алексея – объяснения с милицией, похороны, встречу с отцом Яны и ее отъезд. Некий могущественный покровитель позаботился обо всем – распутал клубок кровоточащих проблем, уладил все дела, заставил всех поверить в детский лепет, что нес Демид в попытке объяснить произошедшее и при этом не выдать ничего существенного. Демид не знал, кто помогал ему, но догадаться о вмешательстве извне было несложно – смерть Алексея была представлена несчастным случаем, про перестрелку в городе вообще забыли, к тому же Дема вдруг оказался богатым наследником – все имущество Алексея и разбитая машина Яны перешли к нему без особых бюрократических проволочек. Яна же начисто забыла все, что с ними произошло – о колдунах и Защитниках, о проклятии Агея, о собственных перевоплощениях и любви к Демиду. Она была уверена, что они катались несколько дней по лесам и деревням, познавая русскую самобытную глубинку и местный фольклор. Отец ее считал так же, и даже не беспокоился во время их отсутствия, полностью положившись на Демида. Дема получил свои доллары, но деньги его уже не радовали – после отъезда Янки тормоз, удерживавший его гиперчувствительность, лопнул, и Демида скрутило не на шутку.

К этому добавились неприятности с возросшей силой. Она выплескивалась из Демида буйными толчками, в самый неподходящий момент, и он ничего не мог с этим поделать. В автобусе он вдруг замечал, что пассажиры таращатся на него, как на чумного и обнаруживал, что поручень, за который он держится, согнут под прямым углом. Он ходил по улице с неестественной скоростью, люди вокруг него двигались словно в замедленном кино и отлетали в стороны – он просто не мог вовремя притормозить.

Демид был в шоке. Он заперся дома, чтобы ненароком не угробить кого-нибудь из подвернувшихся под руку (или под ногу) ни в чем не повинных сограждан. Всплески его неуемной энергии переключились на предметы его домашнего обихода и Деме оставалось только с грустью наблюдать, как его ухоженная квартира превращается в склад переломанной мебели. Не надо было даже трогать что-то – стоило слишком долго задержать взгляд на стуле, и тот торпедой несся по воздуху через всю комнату, с дикой силой ударялся в стену и превращался в кучу обломков.

В один из омерзительных вечеров, когда Дема безуспешно пытался заснуть, отбиваясь от голосов соседей, ссорившихся где-то в соседнем подъезде, он решил, что с него хватит. Никакой надежды на то, что муки закончатся сами собой, не было. Он встал с покореженного дивана и осторожно взял со стола конверт из плотной бумаги. В нем, вместе с документами о наследовании, лежали ключи от дома Алексея. Если

где-то и стоило искать выход к своему спасению, то там. Вопрос стоял только в том, как добраться до этого дома.

Утром Демид вызвал такси. С сочувствием поглядел на симпатичного таксиста – бедняга не знал, с какой напастью имеет дело и не застраховал свою жизнь от несчастного случая. Но выбора не было. К тому же Демид платил долларами (других денег у него не было), и шофер был доволен и обходителен. Хорошее настроение таксиста быстро улетучилось, когда машина начала вести себя как строптивая лошадь. Она без видимых причин разгонялась до дикой скорости и глохла в самый неподходящий момент. Затем заводилась сама по себе и рвала с места в карьер, пока шофер судорожно цеплялся за руль. Сперва таксист удивленно хмыкал, но через двадцать минут уже материл свою тачку в полный голос. Демид на заднем сиденье обливался потом, пытаясь справиться со взбесившимися нервами. Он жалел, что не принял пачку реланиума перед поездкой. Хотя, кто знает, к чему это могло привести?

Наконец такси с ревом вылетело к желанному дому, всполошив всех собак в округе. Демид чуть ли не ползком преодолел путь к входной двери и открыл ее, попав ключом в скважину с пятого раза. Сделал шаг через порог, захлопнул дверь и в изнеможении свалился на пол.

И тут же ему стало легче. Смолкли голоса в гудящей голове, солнечный свет утратил режущую яркость.

Демид наконец-то почувствовал, что он дома.

В доме ничего не изменилось с тех пор, как Демид и Алексей в спешке покинули его злополучной июньской ночью. Даже пыль не села на пол – все дышало порядком и основательностью прежнего хозяина. Кодовый замок на втором этаже был разворочен во время последнего визита Демида, и он беспрепятственно попал в святая святых Алексея – лабораторию.

Демид прислонился к косяку и задумался. Впервые за последнюю неделю мозги его были способны к каким-то мыслям. Демид был козерогом по знаку зодиака, и, как все козероги, предпочитал обдумать и взвесить все обстоятельства, прежде чем совершить какой-нибудь поступок.

Он вспомнил, как впервые, ночью, прокрался в этот дом. Все здесь тогда выглядело странно и чужеродно, а сам Алексей казался весьма неприятным типом. Кто знал, что он окажется Защитником? Демид вспомнил мертвую улыбку Петровича и его передернуло. Что хорошего сделал Алексей? Втянул Яну и Демида в свою борьбу с Гоор-Готом, насильно превратил Демида в гиперсенсорного уродца и обрек тем на муки. Освободил ли он Яну от проклятия? Нет, это сделал сам Демид. Победил ли он Гоор-Гота? Это тоже пришлось доделывать Демиду. Демид не мог назвать Алексея ни своим учителем, ни предметом для подражания. Кем же он был?

Он был *Ан-Тирита* , и это все, что мог сказать о нем Демид.

В мыслях Дема сейчас постоянно употреблял это стран-

ное слово – Ан-Тирита. Язык не поворачивался назвать Алексея Защитником. В конце концов, что и от кого он защищал? "Защитник" – как-то слишком глобально, слишком по-христиански, а может быть, даже слишком по-человечески. Демиду же казалось, что Ан-Тирита не преследовал каких-то общечеловеческих целей. В конечном счете единственное, что его интересовало, это была победа над Гоор-Готом. С такими способностями, какими обладал Алексей, он мог стать великим лекарем, мог завоевать целые страны или обнародовать величайшие открытия. Но он не сделал ничего такого. Он был словно гостем на Земле, пришедшим, чтобы выполнить свое небольшое дельце. И это вызывало у Демида сомнение в его человеческой сущности.

Хотя, с другой стороны, Алексей Петрович Куваев (фамилию Демид узнал при оформлении наследства), несомненно, был человеком. Он родился и вырос как человек, и был более или менее обычным гомо сапиенсом, пока с ним не произошло то же, что и с Демидом. Кто-то *сделал* его Защитником – помимо его воли. Дема вспомнил, как Петрович говорил, что поначалу и ему пришлось несладко. Но потом он сумел привести себя в порядок. Почему же он так стремительно потерял свою силу к тому моменту, когда его встретил Демид?

В голове Демы снова прозвучали слова Алексея: "Ты, Дема, человек ученый, может быть, когда-нибудь и разберешься, что движет силами добра и зла". Демид не стал бы так категорично называть две противоборствующие стороны доб-

ром и злом – это было бы слишком просто и категорично.

Может быть, Алексей был наказан лишением силы за то, что слишком глубоко сунул свой нос в дела тайные? Не захотел быть простым солдатом на невидимой войне?

Как бы то ни было, Алексей сошел со сцены (отправился в специальный, Антиритский рай?) и его место занял Дема.

Надо будет заказать визитную карточку, тисненую серебром. Пусть колдуны и психиатры знают, с кем имеют дело.

Ан-Тирита Коробов Д.П.
полномочный и чрезвычайный
Защитник
неизвестно чего и от кого.

Пора было приступать к делу. Дема внимательно осмотрел компьютер. Добротный "Пи-Си", мультимедийный, "Intel inside", с дорогими колонками и прочими наворотами, но в целом – ничего особенного. Демид нажал кнопку включения в сеть и на экране появилась знакомая уже надпись: "УСТАНОВИТЕ ПРАВА ДОСТУПА".

Демид попробовал написать что-то наобум, но компьютер не реагировал на клавиши.

Дема вспомнил, что Алексей управлял компьютером мысленно, на расстоянии. Он наугад попробовал продиктовать "ДЕМИД" и это слово появилось на экране. А потом исчезло. Компьютер разочарованно замигал и требование доступа появилось снова. Но внизу экрана появились маленькие буковки: **«Думай, Дема!»**, – словно послание от Алексея из

заэкранной плоскости бытия.

Демид задумался.

Что же может быть паролем? Конечно, само имя "Демид" вряд ли подходило – в этом случае любой, знающий о существовании Демида, мог проникнуть в компьютерную память. Вероятно, это – слово, которое непосвященный знать не мог. А может быть… "Ан-Тирита"!

Не успел Дема мысленно произнести это название, как экран среагировал. Он нарисовал красный ромб, в центре которого находился ключик. И тут же появилась новая картинка. Маленький человечек, похожий на Буратино, взял ключ, подошел к креслу и сел в него. На голову его опустился полукруглый шлем и ключ в руке замигал зеленым светом.

– Ага, вот и первая подсказка, – Демид оглядел большое функциональное кресло, напоминающее зубоврачебное. Над ним и вправду нависало что-то вроде матовой металлической полусферы, провода от нее шли к компьютеру. – Что ж, рискнем! – Демид сел на кресло и вытянул ноги.

Шлем беззвучно надвинулся ему на голову. На экране появился узор, состоящий из причудливо изогнутых линий. Он выплыл из экрана, и утвердился в центре комнаты, повис в воздухе подобно голографическому изображению.

– Классно! – прошептал Демид. Он ждал новых фокусов, но минута проходила за минутой и ничего не менялось. Может быть, от Демида ждали каких-то действий?

Он внимательно осмотрел рисунок. Расположение линий

показалось ему знакомым. Узор напоминал магическую сеточку кровеносных сосудов в центре ромба Защитника, который Демид носил на своей груди. Только вот эта линия должна идти не так…

Линия подвинулась, и под мысленным нажимом Демида заняла положенное ей место. Демиду пришло в голову, что он должен привести нарушенный узор в надлежащий вид. Он вспомнил ромб, который бессчетное количество раз рассматривал в зеркало, представил его так ясно, словно видел наяву. В рисунке, висящем в воздухе, немедленно начали происходить изменения. Через двадцать секунд, очевидно, соответствие было достигнуто и узор растаял, сменившись новой картинкой.

По принципу работы это напоминало иконки "Windows", только выглядело намного реальнее и занимало большую часть комнаты. В воздухе парили несколько дверей, причудливо украшенных дубовой резьбой. На каждой из них было что-то изображено. Вот собака с большими грустными глазами, вот грузный аристократичный старик с палитрой в руках, а вот обнаженная девушка – с замечательной стройной фигуркой, но почему-то без лица. Дверей было множество и Демид не знал, на какой остановить свой выбор. Он уже, было, собрался открыть дверь с девушкой, но неожиданно заметил свое собственное изображение. Да, несомненно это был он сам – увековеченный в дубовом барельефе. И увековеченный довольно неплохо. У Демида даже появилось же-

лание вытащить каким-нибудь образом эту дверь из компьютера и приколотить ее на стену собственного дома. В качестве мемориальной доски.

Здесь жил Дема Коробов.
Человек, который вечно совал нос не в свое дело,
и скончался от избытка чувствительности.

Дема поискал взглядом ручку. Но дверь не нуждалась в ней. Наверное, она улавливала мысли Демида – полетела к Демиду, надвинулась на него так стремительно, что он невольно зажмурил глаза в ожидании удара по лбу. Когда снова осмотрелся вокруг, то обнаружил, что находится в небольшой полутемной комнате кубической формы. Стены слабо светились голубым светом. Демид сидел на полу и глядел на своего двойника.

Тот второй Демид был ненастоящим. Сразу было заметно, что он создан при помощи компьютерной графики – по текучести движений, по чрезмерной яркости красок. Но Дема должен был отдать должное – графика была великолепной. А главное, это был очень симпатичный парень. Он улыбался Деме полным ртом ровных зубов (у самого Демида таких не было), и казалось, что сейчас он закрутится вокруг собственной оси и отмочит какую-нибудь хохму на манер Кролика Роджера.

– Привет, – сказал компьютерный Демид. – Ты кто?

– Коробов Демид Петрович, – Дема представился по всем правилам. – Ты что, не видишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.